БИБЛИОТЕКА
МОСК. СОБЕЗНИЧНАГО ЛИЦЕЯ

1-а

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVII-й. ЯНВАРЬ. 1916 годъ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки
БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКАГО СЛАВЯНСКАГО КЛУБА

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1916 г.

II. Приказъ Арміи и Флоту 23 августа 1915 года.

III. Памяти барона Н. Н. Врангеля. А. Ѳ. Кони . . . . . I—VIII

IV. Изъ записной книжки „Русской Старины“: Мой дядя бывшій губернаторъ, а теперь сенаторъ. П. В. . .

V. Петръ Великій, Императоръ Россіи, въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717 гг. А. С. Лацинскаго . . . 5—24

VI. Мое воспоминаніе объ А. С. Даргомыжскомъ. Ал. Бородиной. 25—44

VII. Записки Н. А. фонъ-Розенбаха . . . . . 44—83

VIII. Два стихотворенія А. В. Кольцова. С. Шницеръ . . . 84—83

IX. Религіозно-философскія письма Н. И. Пирогова. С. Штрайха . . . . . 87—107

X. Письмо директора Царскосельскаго Лицея Малиновскаго объ открытіи Лицея. Дмитрій Кобеко. . 108—110

XI. Изъ дальнихъ лѣтъ. Сообщилъ А. П. Нѣеловъ. . . . . 111—117

XII. Нѣмецъ все могитъ. П. Л. Юдина . . . 118—128

XIII. Дневникъ Патрика Гордона. П. М. Майкова. . . . . 129—140

XIV. Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. П. В. . 141—174

XV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 15-го августа по 1-е сентября 1915 г. . . . 175—179

XVI. Библіограф. листокъ на обложкѣ.

Приложеніе: Портретъ Николая Владиміровича Рузскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ—10 руб., за границу—12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1916 года.

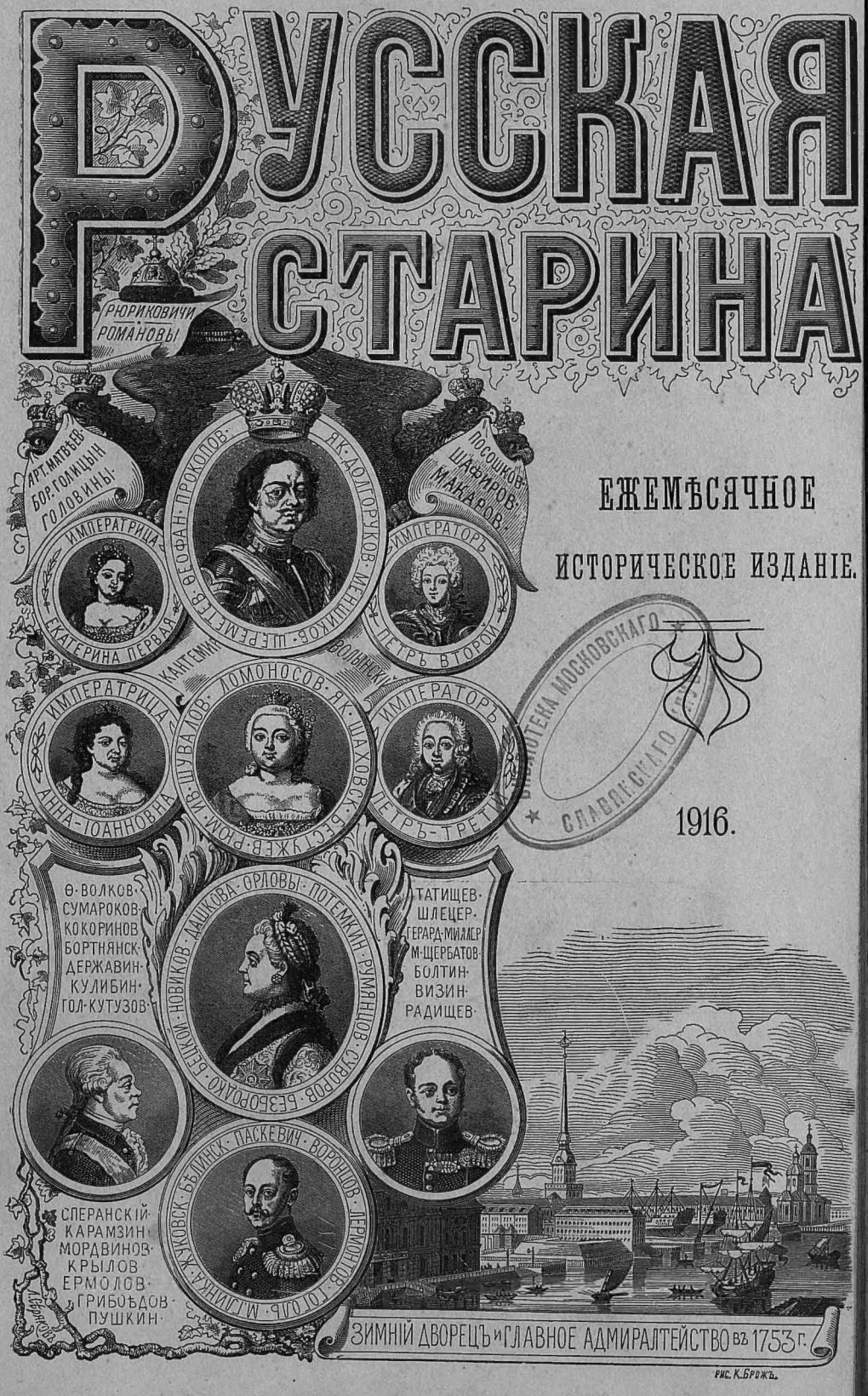
Библіографическій листокъ.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ. Томы I, II и дополнительный. Петроградъ. 1914 г.

„Цѣль изданія“—говорится въ предисловіи—„изобразить съ возможною полнотою причины и ходъ судебной реформы, а равно примѣненіе судебныхъ уставовъ и развитіе или измѣненіе институтовъ нашего процессуальнаго права въ теченіе истекшаго пятидесятилѣтія. Трудъ раздѣленъ на три части. Первая часть, подъ общимъ заглавіемъ „Судебная реформа“, содержитъ четыре отдѣла. Одинъ изъ нихъ посвященъ краткому описанію дореформеннаго судебнаго строя и старыхъ судебныхъ порядковъ. Во второмъ отдѣлѣ изложенъ ходъ судебной реформы съ 1857 по 1864 гг., въ третьемъ разобранъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ иностранное законодательство послужило образцомъ при составленіи судебныхъ уставовъ. Въ четвертомъ изложена связь судебной реформы съ другими реформами 60-хъ годовъ, равно и отношеніе ея къ тѣмъ частямъ государственнаго строя, преобразованіе коихъ требовалось необходимостью согласовать новый судъ съ системой управленія другихъ областей общественной жизни. Первая часть имѣетъ характеръ какъ бы введенія. Вторая и третья части, подъ общимъ заглавіемъ: „Новый судебный строй“, должны дать по возможности полную картину созданнаго императоромъ Александромъ II судебнаго строя во всѣхъ его частяхъ. Отдѣлы, которые входятъ во вторую и третью части, слѣдующіе: 1) Очеркъ основныхъ началъ судоустройства Россіи и главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ за пятьдесятъ лѣтъ. 2) Гражданскій процессъ. 3) Очеркъ общихъ основаній нашего уголовнаго процесса по сравненію съ иностранными законодательствами. 4) Выборный мировой судъ. 5) Слѣдственная часть. 6) Судъ присяжныхъ. 7) Новыя попытки измѣнить постановку присяжнаго суда въ Западной Европѣ. 8) Прокурорскій надзоръ. 9) Адвокатура. 10) Кассаціонная инстанція. 11) Статистическія свѣдѣнія о дѣятельности судебныхъ установленій. 12) Правотворческая дѣятельность новыхъ судовъ въ сферѣ процесса и права гражданскаго. 13) Правотворческая ихъ дѣятельность въ сферѣ процесса и права уголовнаго. 14) Отношеніе между судебной и административной властями и судьба основныхъ началъ судебныхъ уставовъ въ позднѣйшемъ законодательствѣ и 15) Вліяніе судебной реформы 1864 г. на государственный и общественный бытъ Россіи. Въ изданіе включены слѣдующія приложенія: хронологическія данныя къ исторіи составленія судебныхъ уставовъ и списки судебныхъ дѣятелей учрежденій, открытыхъ въ 1866—1870 гг., и лицъ, состоявшихъ къ 20 ноября 1914 г. на службѣ по Государственному Совѣту и Правительствующему Сенату, которыя получили назначенія въ кассаціонныхъ департаментахъ, палатахъ и окружныхъ судахъ при открытіи ихъ въ 1866—1868 гг. Въ дополнительномъ томѣ помѣщены хронологическій перечень узаконеній, на основаніи которыхъ измѣнялись судебные уставы, и указатель состава магистратуры судебныхъ учрежденій, открытыхъ въ 1866—1876 гг.

Коллективная работа эта цѣнна не столько общими положеніями, сколько указаніями на источники и извлеченіями изъ нихъ. Весьма интересна статья бывшаго главы судебнаго вѣдомства, И. Г. Щегловитова, о вліяніи иностранныхъ законодательствъ на уставы 20 ноября 1864 г. Авторъ доказываетъ, на основаніи изученія главнѣйшихъ началъ судопроизводства и судоустройства на западѣ ко времени созданія судебныхъ уставовъ, что ихъ составители „не заимствовали рабски иноземныхъ порядковъ. Принимали они изъ иностранныхъ источниковъ только то, что повелѣвается выработанными вѣками общечеловѣческими требованіями въ качествѣ основъ правосудія. Требованія же эти, какъ золото,

РУССКАЯ СТАРИНА



ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКАГО СЛАВЯНСКАГО

1916.

П Р И К А З Ъ.

А Р М І И И Ф Л О Т У.

„23-" августа 1915 года.

БИБЛИОТЕКА МОСК... СЛАВЯНСКАГО К...

. . . . . .

Сего числа Я принялъ на СЕБЯ предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Съ твердою вѣрою въ Милость Божію и съ непоколебимою увѣренност въ конечной побѣдѣ будемъ исполнят нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ земли Русской.

Николай

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Памяти барона Н. Н. Врангеля.

15 декабря минуло полгода со дня кончины въ Варшавѣ барона Николая Николаевича Врангеля. Полный силъ, въ продолжавшемся развитіи своего таланта и въ разгарѣ своей литературно художественной дѣятельности, сошелъ онъ въ могилу. Его неожиданная, его напрасная смерть не только огорчила его друзей, но и горестно отозвалось въ сердцѣ людей, его лично не знавшихъ, но знакомыхъ съ его трудами на страницахъ спеціальныхъ изданій и для устройства выставокъ по исторіи искусства... Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и пишущій эти строки. Мимолетная и случайная встрѣча съ барономъ Врангелемъ не даетъ возможности говорить о живомъ впечатлѣніи отъ его личности, о ея характерныхъ чертахъ... Но тутъ выводитъ изъ затрудненія одно изъ изреченій Вольтера который сказалъ, что есть книги и статьи, читая которыя *впервые* испытываешь чувство пріобрѣтенія друга, а когда *перечитываешь*, то встрѣчаешь уже стараго друга. Авторомъ такихъ *друзей* былъ покойный Врангель, становившійся близкимъ и дорогимъ по мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ тѣмъ, что онъ писалъ. Необходимыя и въ тоже время рѣдкія для этого свойства онъ вмѣщалъ въ себѣ полностью. Во первыхъ, онъ обладалъ не только *ученостью*, но и *знаніемъ*, что гораздо важнѣе, ибо первая почерпается изъ книгъ, а второе изъ опыта—и небольшая частица послѣдняго несравненно дороже, по своимъ результатамъ, значительнаго количества первой. Большая часть трудовъ Врангеля была разработкой его личнаго воспріятія и непосредственнаго наблюденія—и это придавало особую осязательность тому, что онъ описывалъ. Онъ какъ бы говорилъ своему читателю: „пойдемъ, посмотримъ вмѣстѣ на то, что я встрѣтилъ и видѣлъ“...

Во-вторыхъ, онъ умѣлъ избѣгать ошибки многихъ писателей,—мнящихъ себя и художниками,—состоящей въ оставленіи

читателя равнодушнымъ къ предмету повѣствованія, начиняя его умъ всякими данными и свѣдѣніями и не возбуждая отклика въ его сердцѣ. Напротивъ, его труды дѣйствуютъ особенно сильно живостью чувства, теплотой и искренностью тона. Знакомя съ содержаніемъ дневника юности старой дѣвицы Налетовой, умершей 92 лѣтъ отъ роду, найденнаго имъ въ уцѣлѣвшемъ отъ времени барскомъ домѣ, въ затѣйливомъ бюро „крѣпостной работы", онъ говоритъ: „бумага тетрадки слегка пожелтѣла, шуршала какъ-то грустно и сердясь,—и неровный женскій почеркъ бѣжалъ со страницы на страницу. Я сѣлъ въ кресло и принялся читать"... и кончаетъ такъ:.. „всѣ вы жили, радовались, печаловались, мечтали и любили. Всѣ вы маленькіе и большіе, значительные и незначительные, думали ли вы, что когда-нибудь будутъ читать вашу жизнь? Я, надѣюсь, не оскорбилъ ее. Я позволилъ себѣ развернуть страницы вашего маленькаго существованія, которое насъ теперь такъ занимаетъ. Бѣлая, простая бумага и простыя чернила, которыми, скрипя, наносило ваше гусиное перо ваши слова и мысли, быть можетъ, казались прежде ненужными и незначительными. Но намъ они нужны, нужны потому, что у насъ слишкомъ мало своей личной, наивной жизни. Простите меня, если я позволилъ себѣ къ вамъ вторгнуться".

Въ-третьихъ, ему свойственно было искусство собирать свои наблюденія, несмотря на ихъ обиліе и разнообразіе, въ одно сжатое цѣлое, совокупляя ихъ въ яркой картинѣ, пестрой по краскамъ, единой по проникающей ее мысли. Устраняя въ своихъ изображеніяхъ, въ передачѣ своихъ ощущеній все не идущее къ дѣлу, излишнее и второстепенное,—совершая то, что французы называютъ l'élimination du superflu,—онъ всецѣло завладѣвалъ вниманіемъ читателя и подчинялъ его своему дару художественнаго внушенія. Въ своихъ чудесныхъ описаніяхъ старыхъ помѣщичьихъ усадебъ онъ такъ опредѣляетъ свою задачу: „Въ усадьбахъ—въ очагахъ художественнаго быта—важны не подробности, не частности, а все то общее—краски, звуки и фонъ, которые, взятые вмѣстѣ, создаютъ нѣчто знаменательное и важное. Въ этомъ вся руская жизнь: въ сліяніи многихъ разрозненныхъ элементовъ, которые и даютъ въ цѣломъ то своеобразное обаяніе, которое порабощаетъ всякаго въ русской деревнѣ. И нельзя отдѣлить дома отъ деревьевъ его осѣняющихъ, птичьяго говора отъ игры красокъ на узорахъ стѣнъ, блеска мебели въ комнатахъ отъ шопота листьевъ за окномъ и

нѣмого разговора портретовъ отъ тихой думы старинныхъ книгъ на полкахъ и отъ хриплаго кашля часовъ на стѣнѣ".

Давно уже замѣчено, что у насъ нѣтъ вчерашняго дня. Отъ этого такъ безсодержателенъ, по большей части, день настоящій, и такъ неясенъ и тонетъ въ лѣниво-стелющемся туманѣ день завтрашній. Вооружившись надлежащими знаніями и памятью, можно описывать прошлое съ большой подробностью и точностью, возбуждая къ нему холодное вниманіе чуждаго ему читателя. Но напоминаніе о такомъ прошломъ проходитъ обыкновенно безслѣдно, давая лишь матеріалъ въ лучшемъ случаѣ для справокъ и цитатъ, а въ худшемъ для лицемѣрнаго паѳоса. Можно уснастить — безплодно и механически—умъ и память читателя множествомъ этнографическихъ, историческихъ и археологическихъ данныхъ, вплетя ихъ въ беллетристическую ткань — и все-таки не дать ему прочувствовать то, о чемъ такъ старается авторъ. Стоитъ вспомнить безцвѣтную „Дочь египетскаго царя" Эберса или „Харикла" и „Галла" Беккера и сравнить ихъ съ „Саламбо" Флобера или съ „Quo vadis" Сенкевича, въ которыхъ картина античной жизни оживаетъ съ наглядностью дѣйствительности. Въ своемъ дневникѣ Goncourt говоритъ: „Il faut pour s'intéresser au passé qu'il nous revienne dans le coeur. Le passé qui ne revient que dans l'esprit est un passé mort". И вотъ именно способностью внѣдрить въ своемъ сердцѣ прошлое и развернуть его въ мастерскомъ изложеніи передъ читателемъ и отличался покойный Врангель. Въ его трудахъ прошлое оживало съ силой настоящаго; давно умолкшая жизнь возставала во всѣхъ своихъ тонкихъ очертаніяхъ и изгибахъ. Въ стѣнахъ старыхъ усадебъ, запущенныхъ садовъ и заросшихъ прудовъ начиналъ биться пульсъ живого организма, и то, что въ далекомъ прошломъ было общаго съ чувствами, скорбями и надеждами настоящихъ поколѣній, вдругъ возставало изъ-подъ наслоеній времени; между описаніями мѣстъ, привычекъ и бытовыхъ особенностей, — раздѣленныхъ иногда значительнымъ пространствомъ и временемъ,—возникала невидимая и прочная связь, и цѣлая картина и характеристика бытового уклада слагалась сама собою между этими отдѣльными описаніями. Такъ, въ палеонтологіи по отдѣльнымъ костямъ и позвонкамъ слагается образъ вымершаго животнаго, и намѣчаются родственныя черты его съ нынѣ существующими. Врангель отличался удивительнымъ умѣніемъ заставить читателя переживать то время, которому бывали посвящены его описанія,—умѣніемъ проникновенно раскрывать тѣ стороны замолкшей жизни, ко-

торыя придавали ей своеобразную красоту. Въ этой способности вникнуть глубоко въ прошлое, оживить его, сдѣлать его понятнымъ, и, будучи далекимъ *потомкомъ*, стать *современникомъ*— сказывалась своего рода *поэтическая интуиція*, обращенная при этомъ не въ *будущее*, а въ *прошедшее*.

За исключеніемъ „Войны и мира“ и, быть можетъ, „Капитанской дочки“, трудно найти такую ретроспективную интуицію въ нашихъ историческихъ разсказахъ и романахъ, хотя, казалось бы, гдѣ же ей и быть, какъ не тамъ? Романы Данилевскаго, дерзновенно выступившаго послѣ великаго произведенія Толстого со своей „Сожженной Москвой“,—Лажечникова, Загоскина и др. могутъ заинтересовать читателя своимъ содержаніемъ и нѣкоторыми подробностями, но оставляютъ его чуждымъ описываемому времени и не продолжаютъ его настроенія далеко за предѣлы послѣдней страницы книги. Надо, впрочемъ, замѣтить, что наша критика до сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія не предъявляла въ этомъ отношеніи какихъ-либо пожеланій къ художнику, ограничиваясь оцѣнкой произведенія всего чаще съ точки зрѣнія узко-эстетической или восхищаясь его наставительнымъ характеромъ. Знатокомъ и цѣнителемъ искусства и литературы считался въ это время президентъ Академіи Художествъ Оленинъ, но вотъ какъ въ письмѣ къ Загоскину выражаетъ онъ взглядъ современной ему критики на задачи выполненія историческаго романа:

„Я въ восхищеніи отъ вашего романа. Выборъ предмета и времени, характеръ дѣйствующихъ лицъ, гладкость слога, пристойность выраженій въ самыхъ низкихъ людяхъ; сила и краснорѣчіе, безъ всякой надутости, въ людяхъ высокаго званія или высокихъ чувствъ; игривость, важность и занимательность, а при томъ истина и природа во многихъ неожиданныхъ явленіяхъ; все это заставляетъ иногда думать, что ваша повѣсть не выписана ли изъ какой-нибудь лѣтописи, составленной современникомъ или самовидцемъ сей знаменитой для Россіи эпохи? Рѣчь Минина на площади нижегородской внушена автору чистою любовью къ отечеству. Смерть боярина Шалонскаго и кончина юродиваго Мити показываютъ чистоту христіанскихъ правилъ сочинителя. Умѣренность въ порицаніи и насмѣшкахъ, а, напротивъ того, отданіе должной похвалы непріятелямъ нашимъ доказываютъ безпристрастіе и справедливость автора. Однимъ словомъ, сей романъ долженъ быть пріятенъ для всѣхъ сословій русскаго народа“.

Возвращаюсь къ Врангелю. Ретроспективная интуиція,—это

проникновеніе въ прошлое—не можетъ однако ограничиваться прочувствованнымъ сознаніемъ этого прошлаго во всей его совокупности, въ томъ его состояніи, которое характеризуется трудно переводимымъ итальянскимъ словомъ ambiente, означающимъ одновременно среду, условія, обстановку и т. п. Въ сознаніи художника должны возникать не только картины минувшаго, но и вытекающіе изъ нихъ выводы. И такимъ образомъ онъ невольно становится изъ отдаленнаго современника историкомъ въ настоящемъ. Такимъ историкомъ былъ и покойный Врангель. Въ своеобразной формѣ своихъ очерковъ онъ осуществлялъ задачи исторіи, какъ онѣ намѣчены еще Цицерономъ, и являлся не только свидѣтелемъ прошлаго (testis temporum) и хранителемъ памяти о немъ (vita memoriae), но и вдумчивымъ его, со своей точки зрѣнія, истолкователемъ (lux veritatis). Въ своемъ „Вѣнкѣ мертвымъ“ онъ говоритъ: „Въ хаосѣ явленій четко и явственно вырисовывается основная черта русскаго характера, русской исторіи и русскаго искусства. Неожиданное, непослѣдовательное, иногда новое, но всегда несходное со вчерашнимъ, крайность противъ крайности, вычура противъ простоты, геніальность противъ убожества—вотъ характерныя черты, такъ вѣрно названныя „самодурствомъ“. Это выразительное слово могло бы стоять въ заголовкѣ всей исторіи русской культуры. Въ хорошемъ и въ скверномъ значеніи его, въ прихотливой ли грезѣ, въ необоснованномъ чудачествѣ или въ кровавомъ выступленіи, но почти всегда и неизмѣнно самодурный духъ русскаго человѣка объясняетъ его поступки и его творчество. Въ этомъ сила и слабость наша, въ этомъ наше уродство и красота, наша близость къ землѣ и къ небу. Озираясь назадъ на пройденный путь, можно уловить эту красную черту нашей исторіи. Многое становится яснымъ, многое упрощается, и современная жизнь во всѣхъ ея ликахъ кажется уже отнынѣ только повторнымъ явленіемъ, выраженнымъ въ новой формѣ“.

Прошлая русская жизнь представляла много мрачныхъ сторонъ, которымъ мѣсто не только въ обвинительномъ актѣ исторіи, но и въ дальнѣйшемъ ея приговорѣ. Но въ ней были и свѣтлыя стороны. Забывать ни тѣ, ни другія не слѣдуетъ. Забвеніе первыхъ грозитъ ихъ повтореніемъ лишь въ иной формѣ въ будущемъ; забвеніе вторыхъ, пренебреженіе къ нимъ было бы несправедливостью. Врангель возбуждалъ чувство любви къ послѣднимъ, рисуя ихъ съ безпристрастіемъ судьи и изяществомъ художника. Онъ, повидимому, раздѣлялъ взглядъ

Герцена на невозможность огульнаго отрицанія прошлаго. „Цѣлая пропасть", говоритъ послѣдній, „лежитъ между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ, и сердце еще плачетъ и прощается, когда холодный разсудокъ уже приговорилъ и казнитъ". Давая яркое и всестороннее изображеніе крѣпостной Россіи и слагая изъ мелкихъ цвѣтныхъ камешковъ цѣлую мозаичную картину помѣщичьяго быта, Врангель находилъ, что въ этой повѣсти о прошломъ есть какая-то особенная, быть можетъ, только намъ однимъ понятная прелесть: прелесть грубаго лубка, чудо простонародной грубой рѣчи, сказка пѣсенъ, пропѣтыхъ въ селѣ, ухарство русской пляски— и все это на фонѣ античныхъ храмовъ съ колоннами, увѣнчанными капителями іоническаго, дорическаго или коринѳскаго орденовъ". Вся эта культура, весь этотъ бытъ, все это прошлое, столь близкое по времени, съ каждымъ годомъ, какъ ему казалась, удаляется отъ насъ на нѣсколько столѣтій и потому-то, по его замѣчанію, такъ нѣжно ласкаетъ и манитъ насъ старая повѣсть о дѣдушкахъ и бабушкахъ, объ арапахъ и сѣнныхъ дѣвушкахъ, о мебели изъ краснаго дерева и о домахъ съ колоннами на берегу сонныхъ прудовъ...

Можно не соглашаться со взглядомъ Врангеля на коренное начало нашего быта, находя его одностороннимъ, но нельзя не отдать покойному справедливости въ умѣніи иллюстрировать свою мысль. Стоитъ въ этомъ отношеніи прослѣдить начертанные имъ образы русской женщины изъ „общества" отъ Петра Великаго до Александра II,—прочесть исполненную захватывающей грусти послѣднюю страницу его „Помѣщичьей Россіи",— побродить вмѣстѣ съ нимъ среди памятниковъ еще недавней жизни и быта нашей родины... Историкъ и художникъ прошлаго, если только онъ не замкнулся въ мертвую объективность,—если не „зритъ спокойно на правыхъ и виновныхъ" и не остается „къ добру и злу постыдно равнодушенъ" — не можетъ совершенно освободиться отъ личныхъ чувствъ. Достаточно вспомнить Эдгара Кинэ и Луи Блана, Тэна и Карлейля въ ихъ совершенно различномъ отношеніи къ дѣятелямъ великой французской революціи. А между тѣмъ развѣ кто-нибудь рѣшится отнять у нихъ заслуженное имя глубокихъ мыслителей и историковъ. Несвободенъ отъ этого и Врангель, говоря о „тѣняхъ прошлаго", тѣмъ болѣе что въ его воспріимчивой душѣ умѣли жить рядомъ и любовь и праведное негодованіе. Его „Вѣнки мертвымъ" иногда переплетены, быть можетъ, излишними розами или скрываютъ въ себѣ больно вонзающіеся

шипы. Въ разнообразныхъ своихъ очеркахъ онъ не разъ возвращался ко времени и образу „веселой дочери Петра“, и невольная симпатія сквозитъ въ его словахъ. А вѣдь это время богато именно темными сторонами самодурства съ оттѣнкомъ большой жестокости. Языкъ несчастной Натальи Ѳедоровны Лопухиной, соперницы „веселой“ Императрицы по части миловидности и изящества, хотя и вырѣзанный послѣ пытки и битья кнутомъ, — громко говоритъ объ этомъ. Недаромъ графъ Никита Панинъ въ докладѣ Екатеринѣ II такъ опредѣлялъ царствованіе Елисаветы: „сей эпокъ заслуживаетъ особаго примѣчанія: въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ посторонним малымъ приключеніемъ въ дѣлахъ“. — Зато какимъ осадкомъ возмущеннаго чувства проникнуты слѣдующія неоднократно высказываемыя мысли Врангеля: „Нѣмецкая культура по свойствамъ своего характера неспособна ужиться съ русскимъ духомъ. Получается сплавъ русскаго самодурства съ тою закономѣрностью, которая никогда не можетъ и не могла привиться у насъ и которую такъ тщетно и такъ зло, озвѣрѣвъ отъ отчаянія, пытались утвердить нѣмецъ Бирономъ и онѣмеченный Аракчеевъ. Нѣмецкая выучка не столько переродила, сколько изувѣчила многихъ русскихъ, являясь пыткою для нашихъ лежебоковъ, а не полезнымъ воспріятіемъ. Только какъ результатъ этого сплава могъ появиться графъ А. А. Аракчеевъ—типъ русскаго самодура, помноженнаго на озвѣрѣлаго западника, — отечественный изувѣръ, вышколенный нѣмецкими солдатами“...

Нужно ли говорить объ артистической формѣ, въ которую выливались изслѣдованія Врангеля, о чувствѣ природы, этой rerum magna parens, которымъ они проникнуты,—о его тонкихъ психологическихъ замѣчаніяхъ, рисующихъ глубокую наблюдательность? Говоря, напримѣръ, о послѣднемъ портретѣ Кипренскаго, работы Томилова, Врангель отмѣчаетъ, что знаменитый художникъ изображенъ усталымъ и обезсиленнымъ въ борьбѣ съ жизнью, съ той полугрустной полузлой усмѣшкой, которая развивается у людей, чувствующихъ свою погибель, но не имѣющихъ силъ побороть себя.—Нужно ли, наконецъ, говорить о пламени ума, бѣгущаго по его строкамъ? Бёрне гдѣ-то сказалъ, что есть люди, скупые на умъ, какъ другіе на деньги. Въ этомъ отношеніи покойный былъ очевиднымъ расточителемъ. Но у насъ подобнымъ *расточителямъ* живется по большей части тяжело, да и смерть уноситъ многихъ изъ

нихъ, не давъ имъ развернуться во всю ширь ихъ дарованій. Такъ случилось и съ Врангелемъ. Остается лишь слабое утѣшеніе, что его краткіе по времени и большіе по содержанію труды не будутъ забыты, и что къ нему окажется возможнымъ примѣнить изреченіе поэта: „Не всякій живъ, кто дышитъ,—но и не всякій мертвъ въ гробу"!..

А. Ѳ. Кони.

Изъ записной книжки „Русской Старины".

„Мой дядя бывшій губернаторъ, а теперь сенаторъ".

(Быль русско-нѣмецкой войны).

Разсказъ этотъ переданъ дословно намъ поручикомъ Доманскимъ, служившимъ въ то время въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго.

„Въ половинѣ ноября 1914 г. въ раіонѣ Лодзи у дер. Головно во время боя я встрѣтилъ 3-хъ солдатъ, ведущихъ 4-хъ германскихъ офицеровъ. Когда группа поравнялась со мною, одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ на французскомъ языкѣ, съ просьбой приказать солдатамъ захватить изъ германскаго окопа его, офицера, сакъ-вояжъ.

Я отвѣтилъ, что приказанія этого отдать не имѣю права.

Офицеръ раздраженнымъ тономъ замѣтилъ, что онъ баронъ Фиттингофъ, что его дядя въ Россіи былъ губернаторомъ, а теперь онъ сенаторъ, а потому я пожалѣю, что не исполняю его просьбы.

Не желая разговаривать я ушелъ, а конвойные съ плѣнными пошли по назначенію".

Сообщилъ П. В.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ

РУЗСКІЙ.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1916 году

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Вступая въ 1916 г. въ сорокъ седьмой годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина" предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: А. Ѳ. Кони.—«Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля». «Жнтейскія встрѣчи». Дневныя записки генерала Патрика Гордона, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго А. С. Лацинскаго —Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій въ Голландіи и въ Саарламѣ въ 1697 и 1717 годахъ. Сочиненіе Якова Шельтена. Е. С. Шумигорскаго.—Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина. Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. В. Н. Бочкарева. Къ исторіи проведенія въ жизнь губерской реформы Екатерины II. Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Вилламова. Записки Н. А. Розенбаха. бывшаго командира Павловскаго полка, начальника штабовъ гвар. корпуса Петроградскаго округа и туркестанскаго генералъ-губернатора. (Правдивыя и подробныя записки касаются Императоровъ Александра II, Александра III, Вел. Кн. Владиміра Александровича, гр. Милютина, ген. Скобелева, гр. Шувалова, ген. Анненкова, кн. Имеретинскаго, ген.: Ванновскаго, Обручева, Черняева, Бобрикова и др. Эмира Бухарскаго, Хана Хивинскаго, Императоровъ Вильгельма I, Вильгельма II, эрцгерцоговъ Рудольфа, Франца Фердинанда, Мольтке, Каприви и др.). А. П. Нѣелова.—Изъ дальнихъ лѣтъ (три поколѣнія Нѣеловыхъ, дворцовые архитектора Царскаго Села. Капризъ Екатерины II и разговоръ ея по этому поводу. Разговоры Импер. Павла I и Александра I. Александръ I разбираетъ чертежи по постройкѣ Александровскаго дворца. Марія Парижская. Импер. Марія Ѳеодоровна ее воспитываетъ въ малыхъ лѣтахъ, отдаетъ въ Смольный и выдаетъ замужъ за В. Б. Жукова. Табакъ Жукова. Пожаръ дворцовой церкви, въ которой стояло тѣло Александра I. Императоръ Николай I сажаетъ Брюлова на гауптвахту за икону Савасоа въ Исаакіевскомъ куполѣ). Н. Модестова.— Послѣдніе дни жизни Императора Александра I. Ал. Бородиной. — Мои воспоминанія объ А. С. Даргомыжскомъ. Н. М. Сутырина.—По родной землѣ. Подробный разсказъ очевидца о пребываніи Пугачева въ г. Курмышѣ. В. Андерсона.—Дневникъ И. М. Снегирева. М. Г. Мардарьева.—Цензура иностранныхъ газетъ и журналовъ. Н. А. Соловьева. — Кража книгъ изъ Императорской публичной библіотеки германскимъ ученымъ Пихлеромъ. Записки Н. В Исакова.—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ (Характеристика гр. Воронцова, кн. Аргутинскаго, кн. Бебутова, Коцебу, кн. Барятинскаго, Евдокимова и др.). Е. С. Каменскаго.—Августѣйшіе кадеты (юные годы Императора Александра III). Записки гр. Н. П. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г.г. В. Х. Кондараки.—Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II въ Крыму. (Самыя подробныя воспоминанія, разговоры Императора). С. Штрайха.—Неизданныя письма Н. И Пирогова религіозно-философскаго содержанія, представляющія чрезвычайно важное дополненіе къ его «Дневнику» «Вопросовъ жизни». Н. Л. Бродскаго. — 15 неизданныхъ писемъ И. С. Тургенева. С. М Шпицера — Два неизданныхъ стихотворенія А. В. Кольцова. Изъ архивныхъ матеріаловъ: неизданныя письма И. С. Тургенева, Н. Курочкина, П И. Каратыгина, В. Р. Зотова, Вл. Чуйко, Д. И. Мамина-Сибиряка, Д. Л. Мордовцева. Н. А. Лашкова —Аракчеевскій сподникъ. А. И. Георгіевскаго.— Мои воспоминанія и размышленія. Е. А. Рагозиной.— Дарданеллы и Египетъ при Измаилѣ-пашѣ. П. Л. Юдина.— Нѣмецъ все могитъ А. М. Чижевскаго.—Воспоминанія о студентахъ Кіевской духовной академіи. В. П. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русской-нѣмецкой войны. Воспоминанія Чижевскаго, ген. Савельева, Веселовскаго, Андріяшева, Леваковскаго, Андреевскаго и др.

Въ будущемъ году будетъ обращено особое вниманіе на печатаніе воспоминаній участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 10 руб. съ пересылкой, за границу 12 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 5% съ каждаго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Петроградѣ въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;
„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18 и Невскій, 13
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.
Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1916.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЪ.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1916.

Журнальный фонд

Петръ Великій Императоръ Россіи въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717 гг.

Всѣ историки—русскіе и иностранные признаютъ громадное значеніе для Россіи путешествій за границу Петра Великаго. Маколей, въ своей исторіи Англіи, говоритъ, что эти путешествія составляютъ „эпоху не только въ Исторіи Россіи, но также Англіи и, наконецъ, во всемірной исторіи".

Изъ заграничныхъ путешествій Петра I особое значеніе въ исторіи его царствованія имѣютъ путешествія его въ Голландію, 1697 и 1717 гг. и пребываніе въ Заандамѣ, гдѣ еще до сихъ поръ сохраняется домъ, въ которомъ великій Преобразователь Россіи жилъ и работалъ. Здѣсь, по выраженію поэта Жуковскаго, „колыбель" Россійской имперіи, „здѣсь родилась великая Россія" [1]).

Главнѣйшимъ источникомъ къ исторіи путешествій Петра Вел. въ Голландію служитъ книга голландскаго ученаго (члена Нидерландскаго института научныхъ знаній въ Гаарлемѣ, занимавшаго, въ то же время, въ Заандамѣ крупную муниципальную должность) *Схельтемы* (Scheltema): *„Петръ Великій, Императоръ Россіи, въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717 гг."*.

Книга эта составлена, главнымъ образомъ, на основаніи двухъ, современныхъ описываемой эпохѣ, рукописей: *„Днев-*

[1]) Это выраженіе заимствовано изъ небольшого стихотворенія Жуковскаго, написаннаго имъ на стѣнѣ домика Петра Великаго въ Заандамѣ, во время посѣщенія этого домика, еще наслѣдникомъ, Александромъ II. Приводимъ здѣсь эти прекрасные стихи въ полномъ ихъ видѣ:

„Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые.
Великій князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель имперіи Твоей,
Здѣсь родилась великая Россія"!

ника Іоанна Ноомена, члена заандамскаго городового совѣта, и *записной книжки Корнелія Кальфа*, одного изъ крупнѣйшихъ коммерсантовъ въ Заандамѣ, затѣмъ, изустныхъ преданій, и, наконецъ, извѣстнѣйшихъ печатныхъ трудовъ, близкихъ къ эпохѣ Петра Великаго.

Названный трудъ ученаго голландца извѣстенъ русскимъ историкамъ Петра I, дѣлающимъ, при описаніи соотвѣтственной эпохи, многія ссылки на этотъ источникъ. Но оригиналъ книги написанъ на почти неизвѣстномъ въ Россіи голландскомъ (онъ же нидерландскій) языкѣ. Полнаго перевода книги на русскій языкъ до сихъ поръ не было (да, сколько извѣстно—не имѣется перевода и на другіе языки). Журналъ перваго путешествія Петра Вел. въ чужіе края помѣщенъ отрывками у Голикова. Затѣмъ были напечатаны извлеченія изъ книги Схельтемы въ одномъ изъ старинныхъ періодическихъ изданій, давно прекратившихъ свое существованіе, а именно—въ „Духѣ Журналовъ“ за 1816 г. Журналъ этотъ, за означенный годъ, составляетъ нынѣ большую библіографическую рѣдкость.

Такимъ образомъ, если бы кто пожелалъ ознакомиться ближе и полнѣе съ книгою Схельтемы въ строгой послѣдовательности всѣхъ событій и обстоятельствъ, связанныхъ съ путешествіями Петра I въ Голландію, и прослѣдить эти событія день за днемъ, то, при незнаніи голландскаго языка, встрѣтились бы громадныя затрудненія.

Въ виду этого, редакція „Русской Старины“ даетъ здѣсь переводъ на русскій языкъ существеннѣйшей части книги Схельтемы, а именно—описанія двукратнаго путешествія Петра Великаго въ Голландію и пребыванія его въ Заандамѣ.

Помимо интереса, представляемаго книгою Схельтемы въ качествѣ чуть не единственнаго источника по исторіи данной эпохи царствованія Петра Великаго, книга эта представляетъ интересъ и въ другомъ отношеніи, а именно: съ нею связывается воспоминаніе объ Императорѣ Александрѣ Благословенномъ, которому авторомъ этой книги былъ лично поднесенъ этотъ трудъ о Петрѣ Великомъ въ 1814 г., въ Заандамѣ во время посѣщенія Александромъ Благословеннымъ знаменитаго домика Петра Великаго.

Этотъ эпизодъ—посѣщеніе Заандама Императоромъ Александромъ I и поднесеніе ему Схельтемою своего труда о Петрѣ I описанъ въ другомъ трудѣ того же голландскаго ученаго, посвященномъ описанію путешествія Императора Александра Благословеннаго въ Голландію и въ Заандамъ и изданномъ въ

томъ же 1814 г., вскорѣ послѣ отъѣзда Императора изъ Голландіи подъ заглавіемъ: „Императоръ Александръ I въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1814 г.“.

Настоящій переводъ съ голландскаго (нидерландскаго) языка на русскій языкъ сдѣланъ давнимъ сотрудникомъ „Русской Старины“ и бывшимъ библіотекаремъ Генеральнаго и Главнаго Штаба—*А. С. Лапинскимъ*.

Ему принадлежитъ нѣсколько крупныхъ переводовъ съ нѣмецкаго, англійскаго и итальянскаго языковъ. Заинтересовавшись трудами о Россіи (о Петрѣ Великомъ и объ Александрѣ I) нидерландскаго ученаго *Схельтемы*,—онъ изучилъ голландскій (нидерландскій) языкъ съ спеціальною цѣлью перевода на русскій языкъ обоихъ названныхъ трудовъ для редакціи „Русской Старины“, что въ настоящее время имъ и исполнено.

Ред.

Первое путешествіе Петра Великаго въ Голландію.

Снаряженіе великаго посольства въ Голландію и отъѣздъ его.

Задумавъ совершить путешествіе въ Голландію, Петръ Великій, чувствовавшій всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, сильное нерасположеніе, граничившее съ отвращеніемъ ко всякимъ пышнымъ и торжественнымъ церемоніаламъ, естественно желалъ быть свободнымъ, во время такого путешествія, отъ всѣхъ стѣснительныхъ для него правилъ этикета. Вслѣдствіе этого Петръ рѣшилъ снарядить въ Голландію особое посольство, при которомъ онъ оставался бы, насколько это было бы возможно, неузнаннымъ, числясь просто состоящимъ въ свитѣ посольства. Было условлено, что всѣ почести должны будутъ воздаваться одному только посольству, а самъ Царь будетъ оставаться совершенно въ сторонѣ.

Въ это посольство назначены были три крупнѣйшихъ сановника въ Россійскомъ государствѣ: *Лефортъ*, носившій званіе намѣстника Великаго Новгорода, генералъ и адмиралъ, тотъ самый человѣкъ, который пробудилъ въ Царѣ ненасытимую жажду знанія, — былъ поставленъ во главѣ посольства; графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ *Головинъ*, сибирскій намѣстникъ, былъ вторымъ лицомъ посольства; это былъ опытнѣйшій государ-

ственный дѣятель и дипломатъ, другъ иностранцевъ и въ то же время любитель и покровитель наукъ и искусствъ; третьимъ лицомъ посольства былъ канцлеръ Прокопій Богдановичъ *Возницынъ*, человѣкъ также извѣстный своимъ государственнымъ умомъ и большою опытностью, пріобрѣтенною имъ при поѣздкахъ его съ дипломатическими миссіями въ Персію, Турцію, Польшу и Венецію.

Лефорта сопровождалъ одинъ изъ его племянниковъ въ качествѣ секретаря посольства; при Головинѣ состояли одинъ его сынъ, братъ и шуринъ, а при третьемъ послѣ — два племянника.

Въ числѣ кавалеровъ посольства перваго ранга мы находимъ имена: князя Бориса *Куракина*, Якова *Долгорукова*, Алексѣя *Нарышкина*, князя *Шереметьева*; далѣе, графы Гавріилъ и Михаилъ *Головкины*, Андрей *Матвѣевъ*, Ѳедоръ *Апраксинъ* и *Салтыковъ*. Всѣхъ больше обращалъ на себя вниманіе кавказскій принцъ, сынъ грузинскаго царя изъ фамиліи *Багратіоновъ*, который, будучи свергнутъ съ престола своимъ братомъ, прибѣгъ подъ покровительство Царя и съ тѣхъ поръ жилъ въ Москвѣ. Онъ обыкновенно появлялся въ своемъ грузинскомъ нарядѣ, иногда съ восточнымъ великолѣпіемъ. Но самою интересною для исторіи личностью былъ, безъ сомнѣнія, Александръ *Меншиковъ*, — это злосчастное игралище измѣнчивой судьбы, сначала осчастливѣвшей, а потомъ погубившей его. Возвысившись изъ разнощиковъ пироговъ до сана свѣтлѣйшаго князя Римской Имперіи, онъ, благодаря своимъ талантамъ и въ то же время гибкости своего характера, оставался дольше, чѣмъ кто-либо, особо близкимъ любимцемъ Царя, а впослѣдствіи, пріобрѣтя большія богатства и власть, какія не выпадали на долю ни одному подданному, онъ, чрезъ злоупотребленіе своею властью, неожиданно, подобно *Сеяну*, былъ низвергнутъ съ крутой скалы узурпированнаго могущества въ бездну нищеты и униженій.

Посольство, кромѣ того, сопровождалось еще корпусомъ изъ 40 волонтеровъ подъ начальствомъ князя Черкасскаго. Они были набраны изъ знатнѣйшихъ домовъ и служили заложниками вѣрности Царю оставшихся въ Россіи родителей ихъ. Кромѣ того, изъ гвардіи было выбрано 40 человѣкъ самыхъ высокихъ и самыхъ красивыхъ, чтобы фигурировать въ качествѣ гайдуковъ, драбантовъ (тѣлохранителей), ливрейныхъ слугъ и т. п. Общее число лицъ, составлявшихъ посольство и свиту, простиралось до 270 человѣкъ. Всѣ они были одѣты въ

роскошнѣйшіе костюмы, для чего были употреблены придворные праздничные наряды, драгоцѣнности короны и проч.

Кромѣ большого числа векселей на Голландію и Англію была взята также большая сумма денегъ, какъ говорятъ—въ два милліона рублей, предназначенная на разныя покупки; также было взято съ собою большое количество драгоцѣнныхъ мѣховъ и персидскихъ шелковыхъ матерій, предназначенныхъ для подарковъ.

На время своего отсутствія Петръ ввѣрилъ управленіе своимъ Царствомъ князю *Ромодановскому,* придавъ ему въ помощь своего дядю Льва *Нарышкина* и бояръ Тихона *Стрѣшнева* и Петра *Прозоровскаго.* Выборъ именно этихъ лицъ былъ сдѣланъ Царемъ по совѣту *Гордона,* сказавшаго Монарху: „я знаю ихъ какъ людей соперничествующихъ между собою,— будучи поставлены столь близко одинъ къ другому, они станутъ соревновать между собою, также и въ добромъ управленіи государственными дѣлами, и въ то же время будутъ взаимно сдерживать другъ друга въ проявленіи личнаго честолюбія".

Стрѣльцы были удалены изъ самой Москвы; управленіе войсками и заботы по охранѣ столицы были ввѣрены генералу *Гордону.*

Царь снарядилъ въ это время еще другое значительное посольство, а именно—въ Вѣну и въ Италію, поставивъ во главѣ его князя Бориса *Шереметева;* въ числѣ лицъ, составлявшихъ это посольство, было также нѣсколько дворянъ наиболѣе вліятельныхъ и безпокойныхъ, удаленіе которыхъ изъ Россіи признавалось Царемъ необходимымъ. Другіе знатные русскіе люди, также признанные опасными для государственнаго спокойствія, получили приказаніе отправиться въ свои родовыя помѣстья съ воспрещеніемъ, подъ страхомъ смертной казни, показываться въ Москвѣ и при дворѣ.

Согласно существовавшимъ въ тѣ времена обычаямъ Царь приказалъ довести до свѣдѣнія генеральныхъ штатовъ о намѣреніи его отправить посольство особымъ письмомъ, помѣченнымъ отъ 8-го марта и составленнымъ въ восточномъ стилѣ.

Скоро посольство это, вмѣстѣ со свитою, отправилось въ путь, но вслѣдствіе тяжкой болѣзни, постигшей Царя, оно принуждено было задержаться, между Москвою и россійскою границею, на шесть недѣль.

По выздоровленіи своемъ Петръ присоединился къ посольству, взявъ съ собою денщика, лакея и карла. Иногда онъ именовалъ себя старшимъ командиромъ, но обыкновенно назы-

вался *Петромъ Михайловымъ*, по имени своего дѣда, а не по имени отца — Алексѣя; вѣроятно, чтобы труднѣе быть узнаннымъ. Онъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ обычаю простого народа, такъ какъ люди изъ высшихъ классовъ оканчивали свои отчества на „ичъ“, и на этомъ основаніи Петръ долженъ былъ бы называться не „Михайловымъ“ а „Михайловичемъ“.

Царь, подъ угрозою смертной казни, запретилъ открывать кому-либо, во время его путешествія, его монаршій санъ; но вскорѣ оказалось, что исполненіе этого повелѣнія представляется невозможнымъ: вездѣ готовились большія торжества и дѣлались пышныя приготовленія къ встрѣчѣ посольства, что естественно, заставляло догадываться о присутствіи Царя.

Путешествіе изъ Риги въ Эммерихъ.

Рига была первымъ иностраннымъ торговымъ городомъ, который посѣтилъ Петръ на пути своемъ въ Голландію. Его жадное любопытство все видѣть и осмотрѣть было тѣмъ сильнѣе, что все было для него чуждымъ. Особое вниманіе Царя было обращено на крѣпостныя укрѣпленія, но графъ фонъ-*Гольберъ*, шведскій комендантъ крѣпости, воспротивился желанію Царя осмотрѣть эти укрѣпленія. Такой отказъ со стороны коменданта, принятый Петромъ какъ оскорбленіе, послужилъ впослѣдствіи предлогомъ для объявленія шведамъ войны, продолжавшейся такъ много лѣтъ.

Въ Митавѣ, при дворѣ герцога *Курляндскаго*, посольство было принято съ большимъ радушіемъ. Но нигдѣ не было устроено болѣе торжественнаго и блестящаго пріема, какъ въ Кёнигсбергѣ, при дворѣ курфюрста *Бранденбурскаго*.

Въ пышной аудіенціи, данной этимъ курфюрстомъ русскому посольству, послы благодарили, отъ имени Царя, курфюрста за присылку инженеровъ и бомбардировъ, которые были нужны для осады Азова, а самъ Царь, желавшій видѣть лично все торжество церемоніи, находился въ это время incognito среди посольства, будучи одѣтъ въ обыкновенное русское платье; но старанія его постоянно прикрывать лицо мѣховою шапкою, чтобы не быть узнаннымъ, привлекали на него вниманіе и этимъ самымъ выдавали его присутствіе.

Царь, избѣгая всякаго придворнаго церемоніала, нѣсколько разъ посѣтилъ, запросто, курфюрста. Церемоніймейстеръ, фон-*Бессеръ*, напрягалъ всю свою изобрѣтательность, чтобы приду-

мать развлеченія для высокаго гостя. Петръ, которому здѣсь все нравилось и который чувствовалъ себя здѣсь какъ-бы перенесеннымъ въ другой міръ, не всегда соблюдалъ умѣренность за столомъ. Во время одного пиршества, когда было выпито свыше потребности жажды, дошло дѣло до того, что Петръ набросился на Лефорта. Считая для себя оскорбительнымъ одно изъ сказанныхъ Лефортомъ словъ, Царь обнажилъ саблю и вызвалъ своего друга на дуэль. „Монархъ стоитъ слишкомъ высоко надъ подданнымъ", сказалъ Лефортъ,—„я предпочитаю умереть отъ руки своего государя!"—Петръ, однако, еще этимъ необезоруженный, поднялъ саблю. Одинъ изъ придворныхъ, по имени фонъ-*Принзенъ*, имѣлъ присутствіе духа схватилъ руку Царя и этимъ, быть можетъ, спасъ Лефорту жизнь. Такой поступокъ позже былъ оцѣненъ Петромъ по достоинству, заслуживъ его одобреніе.

Въ Ригѣ Царь не могъ не чувствовать нѣкотораго стѣсненія. Кёнигсбергъ былъ первымъ городомъ, гдѣ онъ могъ свободно предаться своей страсти все видѣть и все изучить. Онъ охотно посѣщалъ въ этомъ городѣ всевозможныя лавки и мастерскія заведенія, необыкновенно внимательно все осматривалъ и бралъ въ руки; по вечерамъ его столъ былъ заваленъ накупленнымъ имъ въ теченіе дня; особенно ему нравились здѣсь разныя токарныя издѣлія и работы изъ янтаря.

Однако, всѣ празднества, устраиваемыя при дворѣ, и всѣ торжественныя церемоніи вскорѣ надоѣли Царю, и онъ, быстро покинувъ Кёнигсбергъ, въ то же время рѣшилъ избѣгать, въ дальнѣйшемъ путешествіи, другіе нѣмецкіе дворы. По совѣту полномочнаго отъ курфюрста, на котораго возложено было сопровождать посольства до Везеля и содержать его въ пути, въ Берлинѣ было рѣшено, чтобы избѣжать затрудненій въ пріисканіи столь большого числа лошадей, потребныхъ для экипажей, съ людьми и багажемъ, а равно въ пріисканіи помѣщеній для столь многочисленнаго состава посольства, раздѣлить его на двѣ части. Одна часть посольства направилась на югъ, черезъ Минденъ на Клеве, а другая часть—на сѣверъ, чрезъ Любекъ, Гамбургъ и Бременъ. Царь остался со второю половиною посольства.

Передъ отъѣздомъ изъ Кёнигсберга, супруга бранденбургскаго курфюрста *Софія-Шарлотта*, отправлявшаяся въ это время къ своей матери, вдовствующей ганноверской электриссѣ, выразила желаніе повидаться еще разъ съ Царемъ. Мѣстомъ для такого свиданія былъ выбранъ замокъ, расположенный близъ

мѣстечка Коппенбрюгге, въ 4 миляхъ онѣ Ганновера, и принадлежавшій принцу *Нассау-Дитцъ*, штадтгальтеру Фрисланда.

Здѣсь собрались: россійскій государь, электрисса бранденбургская, ея мать *Софія*, герцогъ целльскій и нѣсколько принцевъ и принцессъ изъ дома брауншвейгскаго. Это свиданіе дало поводъ къ достопримѣчательной перепискѣ между собою двухъ курфюрстинъ, ганноверской и бранденбургской, которая бросаетъ много свѣта на характеръ и привычки Царя, а также лицъ, составлявшихъ посольство.

Петръ, повидимому, былъ очень доволенъ этимъ свиданіемъ. Но недостатокъ учтивости, якобы усмотрѣнный Петромъ въ наслѣдномъ принцѣ, впослѣдствіи ставшемъ королемъ Англіи, положилъ начало тому личному нерасположенію, которое навсегда сохранилось у Царя къ этому Государю. „Во всѣ времена Царь любилъ англичанъ, но никогда не питалъ этого чувства къ королю *Георгію I*“, сказалъ однажды *Минихъ*.

Магистраты упомянутыхъ торговыхъ городовъ прилагали всѣ старанія, чтобы угодить Царю, оказывая ему всѣ почести и расточая подарки, и въ особенности облегчая ему возможность осмотрѣть все интересовавшее его въ области торговли и мореплаванія; всѣмъ этимъ имѣлось въ виду задержать, на нѣкоторое время, посольство и снискать благосклонность Царя; но все было тщетно. Царь горѣлъ отъ нетерпѣнія увидѣть скорѣе Голландію; онъ не говорилъ ни о чемъ другомъ, какъ только объ этой странѣ, объ ея широкой торговлѣ и промышленности о характерѣ ея жителей, о склонности ихъ къ наукамъ и искусствамъ и вообще о всемъ томъ, къ чему устремлялись собственныя его великія мысли.

Иногда Царь выѣзжалъ впередъ, одѣтый въ костюмъ простого голланскаго моряка; и чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ границамъ Голландіи, тѣмъ сильнѣе загоралось въ немъ желаніе видѣть скорѣе Заандамъ.

И вотъ, прибывъ въ Эммерихъ, Царь, самымъ неожиданнымъ образомъ отдѣлившись отъ посольства, задумалъ привести въ исполненіе одну изъ главнѣйшихъ цѣлей своего путешествія— теперь же посѣтить Заандамъ и прожить здѣсь нѣкоторое время въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, какъ жили заандамскіе его друзья, оставаясь никому неизвѣстнымъ, свободнымъ отъ всякаго этикета и блеска, чтобы осмотрѣть все, о чемъ онъ такъ много слышалъ, и поучиться здѣсь и самому и въ то же время научить своихъ лучшихъ друзей всему тому, что имѣетъ отношеніе къ кораблестроенію. Недостаточная продуманность и нетактичность этого

плана имѣли естественнымъ своимъ послѣдствіемъ то, что въ исполненіи этого плана Царь встрѣтилъ немалыя затрудненія.

Путешествіе Царя изъ Эммериха въ Заандамъ и пребываніе въ немъ.

Въ Эммерихѣ Царь пожелалъ нанять небольшую шлюпку, чтобы отправиться на ней въ Заандамъ, но хозяинъ этого судна сначала не соглашался ѣхать, такъ какъ не зналъ фарватера въ ту сторону, однако же вскорѣ пришли ко взаимному соглашенію, порѣшивъ, что когда доберутся до Амстердама, то тутъ и можно будетъ собрать необходимыя свѣдѣнія для дальнѣйшаго пути въ Заандамъ. Такимъ образомъ поплыли внизъ по Рейну и 17-го августа (1697 г.), въ субботу, послѣ полудня, проѣхавъ чрезъ Утрехтъ, Петръ прибылъ въ Амстердамъ. Какъ ни убѣждали Царя лица, составлявшія его свиту, остановиться здѣсь на короткое время, чтобы нѣсколько отдохнуть—все было тщетно. Царь пронесся чрезъ Амстердамъ съ быстротою молніи. Однако же, по нѣкоторымъ непредвидимымъ обстоятельствамъ,— все-таки пришлось вскорѣ остановиться у такъ называемаго Оостзаанеръ Овертоомъ, въ одномъ лье отъ Заандама, и переночевать здѣсь.

Уже рано утромъ на слѣдующій день отправились въ дальнѣйшій путь по направленію къ Заандаму; около 6 часовъ, подойдя къ Фоорзанну, замѣтили въ лодкѣ человѣка, который ловилъ угрей. Въ немъ узнали нѣкоего *Геррита Киста*, работавшаго раньше, въ качествѣ кузнеца, въ Россіи.

Узнавшіе его русскіе стали кричать ему: „ей, кузнецъ, кузнецъ! Иди къ намъ“! Кистъ, взглянувъ въ сторону кричавшихъ, былъ въ высшей степени удивленъ при видѣ страннаго судна съ незнакомыми людьми; но когда онъ перешелъ на бортъ этого судна, онъ былъ еще болѣе пораженъ, замѣтивъ тутъ, въ числѣ другихъ лицъ, могущественнаго Царя Московскаго; Государь встрѣтилъ его очень милостиво, заявивъ ему въ то же время о своемъ непремѣнномъ желаніи остановиться у него въ домѣ. Никакія отговорки и указанія Киста на мизерность его жилища и домашней обстановки, совсѣмъ не приличествующихъ высокой особѣ Монарха—не могли заставить Петра отказаться отъ своего намѣренія. Царь настаивалъ на своемъ, и тогда было рѣшено одну вдову, занимавшую въ домѣ Киста помѣщеніе, уговорить—уступить, за плату, это помѣщеніе и перейти

на жительство къ своему отцу; такъ именно и удалось потомъ устроить, уплативъ семь гульденовъ вдовѣ. Такимъ образомъ, названное помѣщеніе, состоявшее изъ одной комнаты и небольшой вышки, и сдѣлалось жилищемъ россійскаго Монарха. Кистъ долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе—никому не говорить о новомъ своемъ жильцѣ и о высокомъ его званіи.

Когда судно подошло къ берегу, Петръ соскочилъ первымъ на землю, держа въ рукахъ канатъ, которымъ и прикрѣпилъ судно.

Царь былъ одѣтъ въ обыкновенное шкиперское платье, состоящее изъ красной куртки и бѣлыхъ полотняныхъ шароваръ. Остальныя лица изъ Свиты его были одѣты въ русскіе костюмы. Неудивительно поэтому, что пріѣзжіе обратили на себя общее вниманіе и вскорѣ собрали вокругъ себя большую толпу любопытныхъ. Царь направился, со своими спутниками, на постоялый дворъ; но онъ скоро также наполнился праздными зѣваками. Это заставило Царя потребовать для себя отдѣльную комнату и въ то же время онъ послалъ въ толпу своего толмача, чтобы поразвѣдать—что говорятъ о немъ. Когда же Царь узналъ, что ихъ принимаютъ за лицъ, принадлежащихъ къ большому россійскому посольству, о которомъ въ это время уже много говорили, то приказалъ распустить слухъ, что они совсѣмъ простые люди, которые пришли въ Заандамъ искать работы; однако же этому никто не хотѣлъ вѣрить. Богатая одежда на нѣкоторыхъ изъ нихъ, бѣлыя руки у большинства, наконецъ, полные золота кошельки у каждаго изъ пріѣзжихъ,—все это слишкомъ противорѣчило пущенному слуху.

Свита Царя состояла изъ шести человѣкъ. Можно предполагать, что въ числѣ ихъ были Меншиковъ и Нестесураной (?), съ положительною достовѣрностью извѣстно, что князь *Багратіонъ* и Николай *ванъ-деръ-Гультъ*, сынъ одного изъ компаньоновъ голландскаго торговаго дома *ванъ-Лупсъ* въ Архангельскѣ, а можетъ быть и самъ этотъ компаньонъ—служили переводчиками. Четверо изъ свиты въ тотъ же день наняли для себя помѣщеніе въ одномъ частномъ домѣ, занятомъ въ то время Яковомъ *ванъ-деръ-Линде*. У потомковъ этого послѣдняго сохранилось, по преданію, воспоминаніе о томъ, что образъ жизни, установленный Петромъ для жившихъ съ нимъ въ домѣ ванъ-деръ-Линде русскихъ, далеко не былъ пріятенъ для нихъ. Непривычная для нихъ работа казалась имъ очень тяжелою. Къ тому же они горько жаловались и на то, что ихъ оторвали

отъ ихъ семей, и въ особенности печалился объ этомъ одинъ изъ нихъ, который только-что въ прошломъ году женился и теперь принужденъ былъ оставить дома свою молодую супругу, имѣвшую скоро сдѣлаться матерью.

Для Царя Петра было очень тягостно провести первый день по пріѣздѣ своемъ (воскресенье) въ праздности, особенно непріятно ему было видѣть большое столпленіе народа, которое хотя и всегда было въ этой мѣстности весьма значительнымъ по воскреснымъ днямъ, но теперь, когда распространился слухъ о пріѣздѣ важныхъ чужеземцевъ, здѣсь и поселившихся, это столпленіе народа увеличилось еще больше.

Первымъ дѣломъ, за которое Царь взялся на слѣдующій день, было пріобрѣтеніе имъ покупкою въ лавкѣ, принадлежавшей вдовѣ Якова *Оомеса*, большого количества плотничныхъ инструментовъ. Царь самъ принесъ ихъ домой, и затѣмъ переодѣвшись въ особую блузу, тотчасъ же, съ большою горячностью приступилъ къ работѣ. Ему хотѣлось сдѣлать купальный чанъ, а также и другія вещи.

Лица, принадлежавшія къ свитѣ Царя, на разспросы у нихъ разныхъ лицъ, отвѣчали, что они пробудутъ здѣсь всю зиму и займутся кораблестроеніемъ и различными мастерствами, а также осмотромъ страны и разныхъ ея достопримѣчательностей.

Въ этотъ же день Царь, подъ именемъ *Петра Михайлова*, былъ принятъ работникомъ на корабельную верфь *Линста Роге*, расположенную на Бейтензаанѣ. Съ топоромъ въ рукѣ онъ работалъ вмѣстѣ съ другими плотниками, съ большою охотою исполняя всѣ приказанія мастера и въ то же время неустанно разспрашивая его о мельчайшихъ подробностяхъ работы.

Царь пожелалъ навѣстить женъ и родителей тѣхъ голландцевъ, которыхъ онъ зналъ, по дѣламъ, въ Москвѣ и въ Архангельскѣ. Утромъ онъ отправился къ Маріи *Гитмансъ*, бѣдной вдовѣ, которая, тѣмъ не менѣе, озаботилась достать для него кружку любимой имъ можжевеловой водки, и Царь выпилъ ее съ большимъ удовольствіемъ. У другой женщины, жены Яна *Ренсена*, которому Царь оказывалъ большое расположеніе и вниманіе какъ искусному кораблестроителю, онъ принялъ участіе въ очень скромномъ обѣдѣ. При одномъ изъ своихъ посѣщеній Царь встрѣтилъ Антье, жену Арріенъ *Меетье*, которая спросила у него про своего мужа. Онъ отвѣчалъ, что отлично знаетъ этого добраго малаго и что даже недалеко отъ него работалъ на суднѣ. Она спросила его: „развѣ и онъ также кора-

бельный плотникъ?“ на что Царь отвѣчалъ, съ довольнымъ видомъ: „да, я также плотникъ“.

Въ то время, какъ Царь сидѣлъ въ гостяхъ у Антона *ванъ-Коувенгове,* дочь котораго жила въ Архангельскѣ, а сынъ находился въ Москвѣ, явился съ визитомъ въ этотъ же домъ. Іоганъ *Вергееръ,* протестантскій пасторъ въ Вестзаандамѣ, въ сопровожденіи другого почтеннаго лица. Ванъ-Коувенгове, идя навстрѣчу новымъ гостямъ, сказалъ имъ: „взгляните повнимательнѣе на того, кто выше всѣхъ ростомъ; когда они всѣ уѣдутъ, я вамъ открою—кто эта знатная особа; теперь же, покуда эти господа остаются въ нашей странѣ, мы не можемъ открыть ихъ инкогнито“. И въ этомъ же духѣ говорилось хозяиномъ дома каждый разъ, какъ приходилъ пасторъ.

Между тѣмъ, Царь въ понедѣльникъ отдалъ приказаніе, чтобы всѣ лица изъ его свиты озаботились пріобрѣсти себѣ заандамскіе костюмы, и это должно было быть исполнено со всею поспѣшностью. Въ виду этого, въ тотъ же день, портной отправился въ Амстердамъ, чтобы поставить на эту работу сразу нѣсколько человѣкъ.

Въ слѣдующій вторникъ Царь купилъ у Вильгельма *Гармензоона,* по профессіи красильщика, ялботъ, или легкое весельное судно, заплативъ за него, послѣ долгаго торга, 40 гульденовъ и кружку пива, которую они и распили вмѣстѣ въ одномъ изъ трактирчиковъ близъ Овертоома.

Царь захотѣлъ посѣтить, также не открывая себя, вдову Николая *Виллемзоона Муша,* которой онъ еще прежде послалъ въ подарокъ пятьсотъ гульденовъ. Она была заранѣе подготовлена къ этому посѣщенію и ей внушено было, что она должна будетъ сказать, когда придетъ къ ней незнакомый ей чужестранецъ, а именно, что она боится, что не съумѣетъ выразить достаточно сильно свою благодарность Царю; поэтому она убѣдительнѣйше проситъ посѣтившаго ее господина, если только онъ имѣетъ возможность говорить съ Его Царскимъ Величествомъ, доложить Царю—насколько полученный ею подарокъ цѣненъ для нея въ ея вдовьемъ положеніи и въ то же время выразить отъ нея всепочтительнѣйшую сердечную ея благодарность. Она такъ и поступила. Петръ отвѣтилъ, что она можетъ быть вполнѣ спокойна за то, что все это будетъ въ точности доведено до свѣдѣнія Царя. Предложеніе вдовы, съ которымъ она обратилась къ гостю, остаться у нея откушать хлѣба-соли—было принято Государемъ весьма охотно.

Ближайшіе дни Петръ посвятилъ подробному осмотру въ

Заандамѣ, кромѣ верфей, также и фабрикъ, мастерскихъ складовъ. Онъ посѣтилъ масленную, пильную и бумажную мельницы, а также канатную и парусную фабрики, наконецъ, желѣзныя и компасныя мастерскія. Повсюду онъ проявлялъ необыкновенную любознательность и часто спрашивалъ о томъ, что значительно превышало познанія тѣхъ, къ кому онъ обращался съ разспросами. Его тонкая наблюдательность и особый даръ пониманія—не уступали его необыкновенной памяти. Многіе поражались также особою ловкостью его въ работѣ, которою онъ превосходилъ иногда даже болѣе опытныхъ въ дѣлѣ людей. Такъ, разсказываютъ, что, находясь на одной бумажной мельницѣ и осмотрѣвъ все интересовавшее его, Царь взялъ изъ рукъ мастера форму, которою тотъ черпалъ бумажную массу, и отлилъ такой образцовый листъ бумаги, что никто другой не съумѣлъ бы сдѣлать это лучше. Самъ Царь такъ былъ доволенъ этимъ опытомъ, что подарилъ мастеру рейксталеръ,—такая щедрость была тѣмъ удивительнѣе, что Царь обычно проявлялъ скорѣе скупость, чѣмъ расточительность.

Тайна о высокомъ санѣ Петра была извѣстна уже слишкомъ многимъ лицамъ, чтобы она оставалась не открытою долгое время; уже со вторника распространился повсюду слухъ, что въ числѣ прибывшихъ чужеземцевъ находится чрезвычайно высокая особа. Въ среду тайна уже раскрылась въ всей полнотѣ.

Одинъ житель Заандама, работавшій въ Россіи, прислалъ своему отцу письмо, въ которомъ сообщалъ, что „въ Голландію отправилось большое посольство; что къ нему присоединился и самъ Царь, который, вѣроятно, посѣтитъ и Заандамъ; но что онъ желаетъ путешествовать инкогнито; однако его легко можно узнать по его высокому росту, по нервнымъ движеніямъ головы и правой руки, а также по небольшой бородавкѣ на правой щекѣ“.

Отецъ прочиталъ, въ среду, это письмо въ одной цирюльнѣ въ присутствіи хозяина ея, нѣкоего *Помпа;* случайно, вскорѣ послѣ этого, сюда явились также чужеземцы. Цирюльникъ, дѣйствительно, нашелъ въ самомъ представительномъ изъ нихъ всѣ тѣ примѣты, которыя были указаны въ только-что прочитанномъ письмѣ. Какъ же могъ, послѣ этого, цирюльникъ умолчать о сдѣланномъ имъ подобномъ открытіи! И вотъ, о тайнѣ зазвонили во всѣ колокола, и полученное извѣстіе о томъ, что „самый высокій“ изъ иностранцевъ былъ Царь, русскій Императоръ, скоро распространилось повсюду. Нашлись, однако, люди, которые не вѣрили этимъ слухамъ, и такіе спѣшили

отправиться къ Герриту *Кисту* и Антонію *Коувенговену*, а также къ упомянутымъ выше женщинамъ, чтобы узнать отъ нихъ правду. Всѣ пока еще отрицали слухи; но жена Киста, по имени Неэль *Макъ*, обращаясь къ мужу, сказала: „Герритъ, я не могу больше терпѣть, чтобы вы грѣшили противъ правды".

Между тѣмъ, случилось и еще нѣчто, что могло повести къ неожиданнымъ послѣдствіямъ.

Петръ купилъ себѣ однажды сливъ и, положивъ ихъ въ свою шляпу, которую онъ держалъ въ рукѣ, ѣлъ ихъ, продолжая идти по улицѣ. Его окружила толпа мальчишекъ; онъ обратился къ нѣкоторымъ изъ нихъ, болѣе приглянувшимся ему, и, спросивъ ихъ: „хотите, ребята, сливъ?" роздалъ имъ нѣсколько штукъ; другіе мальчишки также стали просить, говоря: „дай и намъ немного", Петръ отказалъ имъ, находя,— по словамъ Ноомена,—для себя забаву въ томъ, чтобы однихъ полакомить, а другихъ подразнить; это скоро вызвало шумъ и нѣкоторый безпорядокъ, перешедшіе затѣмъ въ грубости и дерзости со стороны мальчишекъ, а наконецъ—и въ буйныя ихъ выходки: сначала они стали бросать въ Царя грязью и разнымъ мусоромъ, а потомъ—и камнями, одинъ изъ которыхъ и попалъ ему въ затылокъ, причинивъ ему при этомъ значительную боль. Царь укрылся въ гостиницу „Три Лебедя" и немедленно потребовалъ къ себѣ бургомистра.

Нѣкоторые изъ почтенныхъ гражданъ, бывшіе свидѣтелями этого происшествія, сочли необходимымъ сообщить обо всемъ этомъ начальственнымъ лицамъ города и, вмѣстѣ съ другими, стали поджидать на набережной прибытія 2-хъ часового срочнаго судна изъ Амстердама, на которомъ должны были вернуться съ ярмарки именитѣйшіе торговые люди, а съ ними и большинство членовъ муниципальнаго управленія. Къ этой собравшейся толпѣ подошелъ одинъ корабельщикъ, бывавшій въ Россіи, и сказалъ: „я вамъ могу точно сообщить—Царь это или нѣтъ,—только бы мнѣ взглянуть на него". Войдя въ гостиницу, онъ тотчасъ же узналъ Царя, который въ это время пилъ здѣсь чай; немедля вернувшись къ толпѣ, онъ громко закричалъ: „конечно, это Царь;—это такъ же вѣрно, какъ то, что всѣ мы еще живемъ на землѣ,—я-то знаю московскаго Царя— какъ нельзя лучше".

Алевинъ *Виллемзоонъ Іооръ*, бургомистръ, пріѣхавъ на ожидавшемся суднѣ и получивъ подробное сообщеніе о происшедшемъ, рѣшилъ, по обсужденіи совмѣстно съ Яномъ Корнелисзоономъ *Нооменомъ* (авторомъ журнала) и съ другими членами

городского магистрата, немедля обнародовалъ распоряженіе, которымъ строжайше внушалось всѣмъ жителямъ, чтобы: „по отношенію къ высокимъ особамъ, находящимся среди пріѣхавшихъ въ городъ чужеземцевъ и желающимъ оставаться неизвѣстными, никто не осмѣливался чинить ни малѣйшей обиды или оскорбленія“. Приняты были и другія мѣры для охраны Царя и, между прочимъ, въ виду того, что Петръ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что около его дома собираются толпы любопытнаго народа, распорядились дорогу на Кримпъ, ведущую къ его жилищу, охранять особою стражею.

И такъ, то самое, что раньше всѣми только подозрѣвалось, теперь обратилось для всѣхъ уже въ положительную увѣренность, и отрицаніе—теперь уже теряло всякій смыслъ.

Вечеромъ того же дня Государь посѣтилъ *Корнелія Михельзоона Кальфа*, знатнѣйшаго въ то время негоціанта въ Заандамѣ. Государь былъ приглашенъ къ столу, но такъ какъ въ это же время къ Кальфу пришли въ гости другіе почетнѣйшіе купцы, то Государь, поблагодаривъ хозяина, отказался отъ обѣда, но скушалъ нѣсколько конфектъ и выпилъ тонкаго ликеру. Бургомистръ *Іоръ* и членъ муниципальнаго управленія *Клаасъ Арендсзоонъ Блюмъ* спросили переводчика: „не пожелаетъ ли его господинъ сдѣлать имъ честь откушать съ ними рыбы, приготовленной по-заандамски“—и получили на это отвѣтъ, что „съ ними нѣтъ здѣсь господина, но что онъ еще пріѣдетъ“. Царь, будучи освѣдомленъ, что бургомистръ, обнародовавшій приведенное выше распоряженіе, въ цѣляхъ охраны иностранцевъ, присутствуетъ тутъ же, вѣжливо привѣтствовалъ его, приподнявъ свою шляпу. Позже пришелъ также въ домъ Кальфа членъ муниципалитета и врачъ Клаасъ (Николай) *Мелькпотъ*, котораго Государь, какъ кажется, раньше спрашивалъ и съ которымъ теперь вступилъ въ продолжительную бесѣду.

Мейнертъ Арендсзоонъ Блюмъ, также одинъ изъ крупнѣйшихъ негоціантовъ, сдѣлалъ визитъ лицамъ, состоящимъ въ свитѣ Царя. Онъ предложилъ имъ воспользоваться домомъ, расположеннымъ на восточной сторонѣ города, очень просторнымъ и съ садомъ, полнымъ фруктовыхъ деревьевъ. На такое предложеніе ему отвѣтили, что они не какіе-нибудь знатные господа, а маленькіе люди, и поэтому то жилище, которое они теперь занимаютъ, совершенно для нихъ достаточно. Вступивъ затѣмъ въ разговоръ съ самимъ Царемъ, *Блюму* удалось пріобрѣсти расположеніе Монарха, который и впослѣдствіи удостаивалъ какъ его, такъ и Кальфа особымъ довѣріемъ.

Въ четвергъ Царь, въ сопровожденіи упомянутаго выше *Мейнерта Арендсзоона Блюма*, отправился на парусной лодкѣ вверхъ по Заану. Здѣсь у Государя и явилось сильное желаніе посѣтить тѣ и другія фабрики, въ особенности фабрику крахмальную и мельницу для приготовленія ячной крупы. Весьма возможно, что именно во время этой прогулки по Заану Петръ, замѣтивъ у Кальера, напротивъ Заандейка, одну изъ мельницъ, еще не законченную постройкою, пожелалъ осмотрѣть ее и ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ тѣмъ, что его болѣе интересовало, а въ то же время и поработать, собственными руками, при постройкѣ мельницы. Въ память этого новая мельница тогда же и была названа „мельницею Царя Московскаго“, а нынѣ она извѣстна подъ нѣсколько измѣненнымъ названіемъ „мельница Великаго Государя“.

Слухи, что Императоръ Россійскій работаетъ, какъ простой плотникъ, на корабельной верфи въ Заандамѣ, быстро долетѣли и до Амстердама, а скоро разошлись и по всей странѣ, хотя и не опирались на какихъ-либо несомнѣнныхъ свидѣтельствахъ; но было еще много людей, которые не допускали возможности вѣрить подобнымъ слухамъ; многіе бились объ закладъ на большія суммы, что это, конечно, не самъ Царь, а кто-либо изъ членовъ его посольства.

Амстердамскіе негоціанты, торговавшіе въ Россіи, уже въ среду вечеромъ узнали эти новости. Нѣкто *Гоутманъ*, также крупный негоціантъ, жившій раньше въ Архангельскѣ и тамъ неоднократно принимавшій у себя Царя, поспѣшилъ отправить въ Заандамъ одного изъ своихъ маклеровъ, до котораго также уже дошли слухи, Якова *Ейсбрандса*, съ цѣлью удостовѣриться въ справедливости этихъ слуховъ. Прибывъ рано утромъ въ Заандамъ, посланный увидѣлъ Государя и хотя несомнѣнно призналъ его, но не осмѣлился заговорить съ нимъ. Страшно растерявшись, посланный, какъ записываетъ *Нооменъ*, былъ совершенно ошеломленъ при видѣ Царя: блѣдный, какъ мертвецъ, въ сильномъ волненіи, онъ могъ только произнести: „да, это самъ Царь; но какъ и зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ“!? Онъ поспѣшилъ вернуться къ своему патрону, чтобы сообщить ему достовѣрныя свѣдѣнія. Гоутманъ сѣлъ на отходящее въ 2 часа дня парусное судно и отправился въ Заандамъ и вмѣстѣ съ другимъ крупнымъ негоціантомъ, торговавшимъ въ Россіи, *Воутеръ-де-Іонгъ*, вскорѣ оба имѣли честь быть принятыми Государемъ и вступить съ нимъ въ продолжительную бесѣду. Они не могли не высказать ему откровенно, какъ они пора-

жены, найдя его здѣсь и въ этой одеждѣ. „Ну, какъ видите“, отвѣтилъ имъ Царь. Обоимъ имъ былъ оказанъ весьма милостивый пріемъ.

Въ этотъ же день Государь купилъ у *Дирка Штоффельса* небольшую яхту (буэръ), со всѣми къ ней принадлежностями, за 150 гульденовъ Онъ тотчасъ же снялся съ якоря, сдѣлавъ собственными руками бушпритъ, и работа эта, по мнѣнію знатоковъ, была настолько хороша, что, по свидѣтельству Ноомена, всѣ были необыкновенно удивлены, что лицо такого высокаго происхожденія можетъ работать такъ старательно, до пота своего лица, и въ то же время такъ искусно. *Генрихъ Мушъ*, братъ Клааса (Николая) Муша, о которомъ уже упоминалось, былъ взятъ на судно въ качествѣ матроса. Государь скоро такъ привязался къ этому послѣднему, что разрѣшилъ не только лично ему, но и женѣ его и вдовѣ брата во всякое время, даже когда онъ будетъ находиться въ Амстердамѣ, свободный доступъ къ своей персонѣ. Случалось не разъ, что онъ угощалъ кого-нибудь изъ нихъ за своимъ столомъ и одарялъ ихъ подарками [1]).

Теперь, когда Царь обладалъ яхтою, онъ, имѣлъ полную возможность удовлетворить своему пристрастію къ парусному плаванію. Въ пятницу, утромъ, около 4-хъ часовъ, онъ былъ уже на водѣ, и, стоя у руля, носился на парусахъ то по Заану, то по заливу И. Около полудня онъ поплылъ къ Биннензаану въ сопровожденіи Корнелія *Кальфа*, у котораго онъ въ этотъ день и обѣдалъ. Послѣ обѣда снова подняли паруса и направились къ Фоорзану и къ заливу И., а потомъ, когда къ яхтѣ Царя присоединилось много другихъ заандамскихъ яхтъ и буэровъ, Петръ, находясь на пол-дорогѣ къ Гаарлему, повернулъ къ берегу и скоро присталъ къ нему. Здѣсь могли видѣть, съ какимъ особымъ проворствомъ Петръ работалъ на своей яхтѣ, перебѣгая, перепрыгивая и лазя на борту своего судна; но могли въ то же время замѣтить и тѣ грозные взгляды, которые Царь бросалъ, когда кто-либо подходилъ къ нему слишкомъ близко и назойливо заглядывалъ ему прямо въ лицо; на счетъ вспыльчиваго характера Царя *Гоутманъ* и *де-Іонгъ* уже предупреждали своихъ заандамскихъ друзей. Но Корнелію *Альбертзоону Блоку* (называемому также Корнеліемъ

[1]) У потомковъ *Клааса Муша*, проживающихъ нынѣ въ Ольдебоорнѣ, въ Фрисландѣ, сохраняются до сихъ поръ нѣкогда подаренные Царемъ Петромъ два гладкихъ золотыхъ кольца.

Примѣч. автора.

Марсеномъ) хотѣлось все-таки взглянуть на Царя какъ можно ближе; зато онъ и получилъ отъ него здоровый ударъ по головѣ. Кто-то изъ толпы закричалъ: „ну вотъ, Марсье, ты пожалованъ въ рыцари“; это прозвище „рыцаря“ съ тѣхъ поръ такъ и осталось за нимъ навсегда.

Число подходившихъ къ яхтѣ Петра увеселительныхъ лодокъ, переполненныхъ любопытными, все болѣе и болѣе увеличивалось; это крайне не нравилось Петру, и онъ рѣшилъ остаться до вечера въ гостиницѣ и вернулся обратно въ Заандамъ только подъ покровомъ ночи.

Корнелій *Кальфъ* задумалъ на слѣдующій день спустить въ докъ большое, вновь построенное, судно. Муниципалитетъ Заандама оповѣстилъ объ этомъ Царя, въ полной увѣренности, что онъ будетъ очень доволенъ случаемъ присутствовать на замѣчательномъ опытѣ примѣненія могущественнаго дѣйствія механическихъ силъ. Кромѣ того, Царю сообщили, что будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ могъ видѣть все въ полной безопасности и безъ помѣхи со стороны уличныхъ зѣвакъ, и что съ этою цѣлью для него и для его свиты будетъ оставлено достаточное мѣсто, огражденное палисадами и охраняемое часовыми. Въ то же время члены муниципалитета просили Царя оказать имъ честь пожаловать на устраиваемый ими обѣдъ. На первую просьбу Петръ далъ свое согласіе, а на вторую—онъ отвѣтилъ уклончиво слѣдующими словами: *„пожалуй, на этой недѣлѣ не могу; можетъ быть — на будущей недѣлѣ“*.

Въ субботу наплывъ любопытныхъ, пришедшихъ изъ Амстердама и окрестныхъ мѣстъ, былъ такъ великъ, что скоро всѣ предпринятыя мѣры оказались тщетными: поставленныя огражденія моментально были опрокинуты, а часовые—сбиты со своихъ мѣстъ.

Царь, увидя еще утромъ всѣ крыши и окна облѣпленными людьми, былъ такъ разгнѣванъ, что рѣшилъ оставаться дома. Между тѣмъ, городской судья, два бургомистра, три члена муниципалитета и секретарь отправились къ Царю. Онъ принялъ ихъ вѣжливо и, протянувъ имъ руку, отвѣтилъ: „сейчасъ, сейчасъ“. Но когда онъ черезъ двери увидѣлъ большую толпу народа, его охватило внезапно сильное безпокойство. Замѣтя это, бургомистры предложили ему провезти его на его яхтѣ къ одному дому, изъ оконъ котораго ему будетъ все видно и въ то же время никто не будетъ его тревожить. На это, казалось, Петръ согласился и хотѣлъ уже одѣваться, но, взглянувъ опять

на громадную толпу, воскликнулъ: „слишкомъ много народу, слишкомъ много“, и съ гнѣвомъ захлопнулъ дверь. Члены муниципалитета принуждены были удалиться въ большомъ огорченіи; судно было выведено въ докъ, и тысячи народа, пришедшаго со всѣхъ сторонъ въ Заандамъ, чтобы увидѣть здѣсь русскаго Царя, были сильно разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ.

На другой день, въ воскресенье, наплывъ любопытныхъ у дока былъ еще значительнѣе, такъ что по этому поводу въ народѣ говорили, что „было многолюднѣе, чѣмъ на ярмаркѣ“, а сказать это въ Заандамѣ, куда на ярманку всегда стекалась масса народу, значило очень много. Уже рано утромъ на Кримпслоотѣ появилось несмѣтное число лодокъ, переполненныхъ людьми, и съ часу на часъ стеченіе народа увеличивалось. Часовые, поставленные на мостахъ, по распоряженію городского судьи *Блуа*, въ удвоенномъ числѣ, уже скоро оказались оттиснутыми отъ своихъ мѣстъ. Петръ, не рѣшаясь выйти изъ дому, съ ужасомъ смотрѣлъ на столпленіе народа, которое вызывало въ немъ сильнѣйшее нервное волненіе, перешедшее, наконецъ, въ какое-то изступленіе. Сообщили объ этомъ членамъ магистрата, прося ихъ о принятіи мѣръ противъ ужасающаго наплыва народа на улицахъ. Но и магистратъ былъ безсиленъ что-либо предпринять противъ все болѣе и болѣе возраставшаго потока людей, прибывавшихъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, было рѣшено—царскую яхту съ того мѣста, гдѣ она обыкновенно стояла, у шлюза Горна, подвести ближе къ жилищу Царя и, уже послѣ того, какъ очистили дорогу, насколько это представлялось возможнымъ сдѣлать, Царь вышелъ изъ дому и направился къ своей яхтѣ, чрезъ небольшой мостъ на южной сторонѣ Кримпа, съ трудомъ пробираясь черезъ толпу, а иногда даже съ силою расталкивая ее, когда ему совсѣмъ загораживали дорогу. Не раньше какъ къ часу дня Царь добрался до своей яхты.

Крѣпкій вѣтеръ, который дулъ съ самаго утра, теперь достигъ почти силы урагана; но это отнюдь не остановило Царя, и онъ не внимая никакимъ совѣтамъ и предупрежденіямъ, пустился, на легкомъ своемъ суднѣ, въ море, подвергаясь не малой опасности. Уже въ самомъ началѣ значительная часть такелажа сильно потерпѣла. Опытные моряки, встрѣтившіе Царскую яхту, предупреждали Петра объ опасности, которой онъ подвергался, идя на парусахъ; но онъ ничего не хотѣлъ понимать, ничего не хотѣлъ слушать. Наконецъ, къ 4-мъ часамъ дня, яхта прибыла къ Амстердаму, бросивъ якорь у старой городской гости-

ницы. Но такъ какъ Царскую яхту уже многіе знали и, кромѣ того, другія суда, хотя отправившіяся изъ Заандама одновременно съ яхтою, но опередившія ее и прибывшія въ Амстердамъ раньше, успѣли уже и здѣсь сообщить о скоромъ прибытіи Царя, то у входа въ портъ собралось также множество любопытныхъ, которые, тѣсня одни другихъ, вызвали и здѣсь большой безпорядокъ. Нѣсколько человѣкъ, изъ числа наиболѣе назойливыхъ и дерзкихъ, и были награждены отъ Царя и его свиты здоровыми, до крови, тумаками; но за эти удары никто и не подумалъ сердиться. Къ счастью, безпорядокъ въ толпѣ скоро былъ прекращенъ, а Царя провели въ гостиницу, назначенную для русскаго посольства и куда уже прибыло нѣсколько человѣкъ изъ этого посольства, пріѣхавшихъ отдѣльно.

Такимъ образомъ пребываніе Царя въ Заандамѣ ограничилось одною недѣлею, но сношенія его съ нѣкоторыми изъ жителей этого города, которыхъ онъ не рѣдко навѣщалъ, продолжались до самаго отъѣзда Петра изъ Голландіи.

А. С. Лацинскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мое воспоминаніе объ А. С. Даргомыжскомъ.

Въ 1865 г. 16-ти лѣтъ отъ роду я вышла замужъ за Сергѣя Николаевича Степанова, сына извѣстнаго каррикатуриста и издателя „Искры“ и „Будильника“ Н. А. Степанова. Мать моего мужа, Софья Сергѣевна, рожденная Даргомыжская, была родной сестрой знаменитаго музыканта и композитора. Такимъ образомъ я разомъ очутилась въ двойной художественной средѣ, такъ какъ въ редакціи сатирическаго съ каррикатурами журнала „Искра“ былъ постоянный наплывъ художниковъ (рисовальщиковъ и граверовъ) и литераторовъ, а у жившаго въ одномъ домѣ съ сестрой Даргомыжскаго (Моховая, д. Есакова) собирались зачастую музыканты и музыкальные критики. О первомъ изъ этихъ кружковъ я говорнть не буду и, можетъ быть, опишу его въ другой разъ, теперь же постараюсь какъ можно подробнѣе и отчетливѣе передать свои воспоминанія о „дядѣ“, какъ его звалъ мой мужъ, и его школѣ, если можно такъ выразиться.

Покойный Александръ Сергѣевичъ былъ, когда я его узнала, маленькимъ худенькимъ старичкомъ съ высокимъ, нѣсколько бабьимъ, хриплымъ голосомъ и добродушнымъ, какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ. По манерѣ держать себя и по прекрасному французскому языку, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, ибо много жилъ въ Парижѣ, онъ былъ вполнѣ джентльменомъ, но слабость молодиться и носить розовые и голубые галстухи, чтобъ нравиться дамамъ, придавала его внѣшности немного комичный видъ; тѣмъ не менѣе во всѣхъ его взглядахъ и убѣжденіяхъ сказывался баричъ съ головы до ногъ. Онъ былъ

сыномъ присяжнаго стряпчаго [1]) Даргомыжскаго и урожденной княжны Козловской, которая бѣжала изъ родного дома и тайно обвѣнчалась съ его отцомъ, ибо ея родители считали этотъ бракъ мезальянсомъ для своей дочери. Кромѣ дочери Софіи и младшаго сына Александра у Даргомыжскихъ было еще два сына и двѣ дочери. Эти два старшіе брата Александра Сергѣевича, Эрастъ и Викторъ, любимцы матери, были, по словамъ дяди, замѣчательно богато одаренные музыканты, въ особенности старшій, горбатый Эрастъ, бывшій не только замѣчательнымъ скрипачемъ, но и обладавшій прекраснымъ голосомъ, такъ что дядя всегда говорилъ: „О, если бъ онъ остался живъ, то далеко перещеголялъ бы меня въ музыкѣ". Но, къ сожалѣнію, онъ умеръ въ чахоткѣ, также, какъ и Викторъ и старшая сестра Людмила, младшая же сестра Эрминія, прекрасно игравшая на арфѣ, умерла отъ истощенія послѣ трехъ послѣдовательныхъ родовъ, такъ что, когда я вступила въ семью Степановыхъ, то въ живыхъ были только Софья Сергѣевна, старуха 55-ти лѣтъ, и ея знаменитый братъ, которому было тогда 53 года.

Такъ какъ Даргомыжскій жилъ въ одномъ домѣ съ сестрой, только въ 1-мъ этажѣ, тогда какъ ея квартира помѣщалась въ четвертомъ, то онъ часто заходилъ къ Степановымъ, иногда приходилъ туда послѣ какого-нибудь интереснаго визита или музыкальнаго вечера и оживленно разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ и музыкальныхъ новостяхъ. Онъ вернулся изъ Парижа уже послѣ моей свадьбы и тотчасъ же отнесся ко мнѣ весьма сердечно, добродушно шутилъ надъ моими радикальными убѣжденіями относительно безполезности музыки и низменности Пушкинской поэзіи, въ которой воспѣвались любовь, дѣва и чистое искусство. Александръ Сергѣевичъ благоговѣлъ передъ Пушкинымъ, и я только теперь сознаю, какъ его должны были коробить мои писаревскія тирады, тѣмъ не менѣе онъ ни разу не позволилъ себѣ грубо оборвать меня, а всегда только подтрунивалъ надъ моимъ нигилизмомъ и такъ мягко и незлобиво возражалъ мнѣ. Онъ привезъ съ собой изъ Парижа пожилую экономку M-me Hortensie, „ma ménagère", какъ онъ ее звалъ, которая, по свойственной французамъ манерѣ величать по фамиліи только старшую въ родѣ, обращаясь ко мнѣ, говорила Madame Serge, называя меня по имени моего мужа, вслѣдствіе чего и Александръ Сергѣевичъ сталъ звать меня такъ же. Бывало,

---

[1]) С. Н. Даргомыжскій состоялъ на казенной службѣ и умеръ въ чинѣ дѣйств. ст. сов.

войдетъ онъ въ гостиную, поздоровается со всѣми и, если увидитъ меня, непремѣнно спроситъ: „Ну, что, Madame Serge, все еще ершитесь, съ Пушкинымъ воюете, не можете простить ему, что онъ воспѣвалъ Татьяну, а не идейную дѣвицу?“ Часто вступала я съ нимъ въ споры по поводу сюжета его оперы „Русалка“ и, хотя, сознаюсь въ этомъ теперь, и тогда опера эта крайне трогала мое сердце, я все-таки доказывала ему, что это такая шаблонная и затасканная тема,—исторія соблазненной и брошенной дѣвушки. Помню, какъ однажды я затѣяла этотъ споръ съ дядей, сидя въ его ложѣ 1-го яруса въ Маріинскомъ театрѣ во время антракта „Русалки“; когда же въ 4-мъ дѣйствіи раздался столь памятный мнѣ призывный мотивъ, которымъ русалка какъ бы влечетъ къ себѣ князя въ глубину Днѣпра, я невольно прослезилась, Даргомыжскій замѣтилъ это и, толкнувъ моего мужа, прошепталъ: „Глянь-ка, Сережа, какъ нашъ суровый критикъ расчувствовался“. Кстати не могу не вспомнить при этомъ, какъ Александръ Сергѣевичъ разсказывалъ намъ, что этотъ призывный мотивъ 4-го дѣйствія, который, по намѣренію композитора, долженъ былъ являть собой тоскливый и неотразимый зовъ „Русалки“ своего возлюбленнаго въ водную пучину, сохранился въ его памяти какъ напѣтый въ дѣтствѣ няней мотивъ заунывной народной пѣсни: „Вотъ конь бѣжитъ, земля дрожитъ“.

Въ эту вторую зиму послѣ моей свадьбы „дядя“ былъ какъ-то особенно веселъ, добродушно настроенъ и оживленъ, такъ какъ тогда, послѣ долгаго лежанья подъ спудомъ, его „Русалка“ была возобновлена съ талантливыми исполнителями, новыми декораціями и костюмами и давалась довольно часто, вызывая восторги публики и необычайный подъемъ пѣвцовъ. Почти каждый разъ мы бывали въ ложѣ композитора и присутствовали при устраиваемыхъ ему публикой овацiяхъ въ видѣ безчисленныхъ вызововъ, при чемъ публика уже не удовлетворялась поклонами изъ директорской ложи, но требовала непремѣнно появленія автора на сценѣ. Какъ теперь помню, какъ покойный Петровъ, пѣвшій великолѣпно мельника, выводилъ самъ маленькаго худенькаго старичка, низко раскланивавшагося съ публикой, при чемъ его фигура представляла такой разительный контрастъ съ могучимъ и рослымъ Петровымъ. Всѣ тогдашніе исполнители „Русалки“ были не только превосходными пѣвцами, но и на рѣдкость талантливыми артистами, такъ что слушать ихъ было одно наслажденіе. Не говоря уже о Петровѣ, котораго Даргомыжскій считалъ геніальнымъ создателемъ типа мельника,

Платонова „Русалка“, Леонова „княгиня“, Коммиссаржевскій „князь“ и даже Булаховъ „сватъ“ давали художественный, никогда не забываемый тѣми, которые наслаждались имъ, ансамбль и съ рѣдкой проникновенностью, какъ-то особенно любовно, изображали создаваемые ими типы. Наравнѣ съ Петровымъ ставилъ композиторъ и пѣвицу Платонову, художественно воплощавшую глубоко драматичный типъ несчастной Наташи—Русалки, и въ благодарность за ея артистическое исполненіе, онъ преподнесъ ей прелестный браслетъ съ краснорѣчивой надписью: „чудной Наташѣ“. Этотъ рѣдкій артистическій ансамбль на вѣки западалъ въ душу и казался такимъ совершенствомъ, коснуться котораго было бы непростительно, тѣмъ болѣе, что онъ освященъ высокой оцѣнкой самого создателя этого произведенія. Вотъ почему, когда два года тому назадъ мнѣ, послѣ долгихъ лѣтъ забвенья, пришлось слушать „Русалку“ на Маріинской сценѣ, при чемъ роль мельника исполнялъ самъ Шаляпинъ, я все-таки была не только глубоко разочарована, но даже положительно шокирована, и именно тѣмъ типомъ, который показалъ публикѣ нашъ знаменитый артистъ, ибо концепція его рѣзко отличалась отъ характеристики мельника Петровымъ, вполнѣ проникшимся духомъ Пушкина и Даргомыжскаго, всегда считавшаго себя только послушнымъ толкователемъ великаго поэта. Въ силу этого композиторъ особенно восхищался тонкой передачей Петровымъ двуликаго Пушкинскаго типа, который въ первомъ дѣйствіи не только комиченъ, но и являетъ собой отталкивающее изображеніе ловкаго плута и пройдохи, нисколько не стѣсняющагося торговать честью своей дочери, а въ третьемъ изображаетъ глубоко трагическій типъ, на который пала за его грѣхъ кара Божія, способствовавшая его нравственному перерожденію, которое сквозитъ въ немъ и чрезъ его безуміе, при чемъ съ начала и до конца исполнитель держался художественнаго реализма и ни на іоту не отступалъ отъ него. Между тѣмъ Шаляпинъ съ перваго же своего выхода невольно возмущалъ меня, какъ своимъ мрачнымъ гримомъ, такъ и взятой съ первыхъ же словъ трагической нотой, такъ что, несмотря на комическій речитативъ и на плутовскія замашки (ихъ тоже у Шаляпина не было), въ его исполненіи явился отнюдь не созданный Пушкинымъ и воплощенный въ музыкѣ Даргомыжскимъ лукавый и наглый плутъ „себѣ-на-умѣ“, а какой-то заранѣе кающійся въ своихъ грѣхахъ несчастный, возбуждающій сожалѣніе преступникъ. Комизма въ ужимкахъ этого ловкаго, продувного старика не было и тѣни, и знаменитыя слова заключительнаго

монолога: „Стыдилась бы хоть при народѣ такъ упрекать отца родного“ Шаляпинъ декламируетъ съ глубокимъ трагизмомъ, хотя это не болѣе, какъ фраза погубившаго дочь негодяя, стремящагося обѣлить себя при народѣ ссылкой на свои отцовскія права. Такъ понималъ это и Петровъ, и его мельникъ былъ жизненно правдивъ и реаленъ. Шаляпинъ же воплотилъ передъ нами не хорошо намъ всѣмъ знакомый Пушкинскій, обработанный музыкально Даргомыжскимъ типъ, а свое, исключительно „Шаляпинское“ созданіе, и я невольно думала, какъ бы возмутился покойный композиторъ, если бы присутствовалъ при такомъ искаженіи своего дѣтища. Правда, въ третьемъ дѣйствіи, гдѣ преобладаетъ исключительно трагическій элементъ, Шаляпинъ хорошъ, но, къ сожалѣнію, впечатлѣнію его игры значительно вредитъ ультра-реальный костюмъ, состоящій исключительно изъ грязныхъ лохмотьевъ, при чемъ ноги его, отвратительно грязныя, обнажены до колѣнъ, что невольно шокируетъ, ибо если мельникъ и поетъ, что „какъ дикій звѣрь въ лѣсахъ дремучихъ брожу одинъ“, при чемъ туалетъ его, конечно, можетъ прійти въ такіе жалкіе и грязные лохмотья, въ которые облеченъ мельникъ-Шаляпинъ, но не надо все-таки при этомъ забывать, что сценическая правда должна оставаться въ извѣстныхъ границахъ и отнюдь не производить отталкивающаго впечатлѣнія. Кромѣ того, и гримъ Шаляпина въ этомъ дѣйствіи необычайно безобразенъ, поэтому тоже невольно умаляетъ то впечатлѣніе глубокой жалости къ раскаявшемуся грѣшнику, на какое видимо разсчитывалъ композиторъ, и что такъ глубоко правдиво умѣлъ передать Петровъ. Какъ теперь помню его испитое и измученное лицо, освѣщавшееся добродушной улыбкой при упоминаніи о внучкѣ, оно было въ высшей степени трагично и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывало невольную жалость и сочувствіе, видъ же потерявшаго человѣческій обликъ созданія Шаляпина не внушаетъ ничего, кромѣ отвращенія къ этому безумному, грязному звѣрю.

Но я отвлеклась отъ своего предмета, къ которому спѣшу опять возвратиться. Въ ту зиму, когда возобновлена была „Русалка“, на которую Даргомыжскій имѣлъ постоянную ложу, на представленіяхъ его оперы бывали не только мы, но и его малолѣтніе племянникъ и племянница, дѣти его умершей младшей сестры Эрминіи, которыя, по желанію умирающей матери, воспитывались у моей свекрови, Софьи Сергѣевны Степановой, женщины очень умной и энергичной. Старшій изъ этихъ племянниковъ Миша Кошкаревъ (нынѣ уже умершій) отли-

чался необычайными музыкальными способностями, и Александръ Сергѣевичъ говорилъ про него, что онъ третій среди музыкальныхъ петербургскихъ дѣятелей, обладающій такимъ рѣдкимъ слухомъ, а именно это были Балакиревъ, Даргомыжскій и Миша. И вотъ каждый разъ, какъ дѣти, Миша, его сестра Маруня и прожившій всю зиму у Степановыхъ сынъ давнишней пріятельницы моей свекрови Гоша Мансуровъ, бывали на представленіи „Русалки“, на другой же день, находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дядюшкиной оперы, юные зрители спѣшили превратиться въ исполнителей, при чемъ Миша изображалъ и мельника, и свата, Маруня (Марія) и Наташу, и княгиню, и даже маленькую русалочку, а Гоша, наиболѣе развязный и, добавлю, наиболѣе испорченный изъ трехъ, съ дѣланнымъ любовнымъ паѳосомъ стремился воспроизвести фигуру князя. Конечно, мы фигурировали въ числѣ публики, при чемъ зачастую приходилъ и самъ Александръ Сергѣевичъ. Онъ добродушно подсмѣивался надъ дѣтскимъ увлеченіемъ, хвалилъ замѣчательно вѣрную по интонаціи скороговорку Миши, подтрунивалъ надъ любовными экзерциціями десятилѣтняго Гоши и терпѣливо слушалъ подчасъ фальшивыя завыванія восьмилѣтней Маруни въ роли Наташи. Когда же я, всегда склонная къ роли морализующаго педагога, строго замѣчала ему, что, понастоящему, дѣтямъ не прилично изображать оперу съ такимъ скабрезнымъ сюжетомъ, то онъ, добродушно улыбаясь, указалъ мнѣ на ихъ наивно восторженныя, милыя дѣтскія мордочки, и сказалъ: „Полноте, м-мъ Сержъ, взгляните только на эти наивныя, чистыя дѣтскія личики и поймите, что они схватываютъ только поверхностно сюжетъ, исключительно только съ его эффектной стороны, и ни одна нечистая мысль не касается ихъ невинныхъ дѣтскихъ сердечекъ, да и, что Вы тамъ ни говорите, Пушкинъ былъ такой художникъ, что подъ его перомъ все было возвышенно, благородно и не могло порождать грязныхъ мыслей“. И дѣйствительно, когда я взглянула на дѣтей и на ихъ восторженныя, чисто дѣтскія личики, я внутренно согласилась съ добродушнымъ дядюшкой, хотя и промолчала, чтобъ не уронить своего педагогическаго авторитета.

Въ этомъ же году Даргомыжскій началъ усердно писать задуманную имъ музыкальную драму „*Каменный гостъ*“, въ которой онъ рѣшился ни на іоту не отступать отъ Пушкинскаго текста. Это было нѣчто совсѣмъ новое, до него еще въ музыкѣ не осуществленное, поэтому вызвало усиленные толки въ музыкальной средѣ, — одни восторгались этимъ планомъ,

другіе же зло вышучивали новатора, но всѣ были одинаково заинтересованы. То было у насъ время зачатковъ поклоненія Вагнеру, музыку котораго усиленно пропагандировалъ у насъ Сѣровъ сперва въ своихъ многочисленныхъ критическихъ статьяхъ, гдѣ всегда увлекавшійся не въ мѣру критикъ создалъ прямо какой-то культъ Вагнера, далеко не пользовавшагося въ то время у насъ успѣхомъ. Но когда, подражая Вагнеру, хотя при этомъ все-таки нѣсколько смягчая его и придавая ему свою славянскую мягкость, Сѣровъ самъ сталъ писать оперы въ вагнеровскомъ стилѣ, публика наша отнеслась къ нимъ гораздо снисходительнѣе, и какъ *Юдиѳь*, такъ и *Рогнѣда* Сѣрова пользовались значительнымъ успѣхомъ, въ особенности благодаря такимъ превосходнымъ исполнителямъ, какъ Валентина Біанки и Саріетти въ *Юдиѳи* и пѣвшая партію Изяслава жена Направника (я забыла ея дѣвичью фамилію) и любимецъ публики теноръ Никольскій, обладавшій чисто итальянскимъ bel canto, который, впрочемъ, какъ бывшій пѣвчій, былъ невозможнымъ актеромъ. Но наибольшимъ успѣхомъ въ „Рогнѣдѣ“ Сѣрова пользовались хоры и, въ особенности, пѣвшій безъ аккомпанимента оркестра хоръ странниковъ. Даргомыжскій не только не любилъ Вагнера, но открыто высказывалъ свое негодованіе на заглушавшій пѣвцовъ ревъ вагнеровскаго оркестра и на полное отсутствіе въ его операхъ мелодичности. „Я вовсе не стою за итальянщину, говаривалъ, бывало, онъ, и за ея аріи à l'eau de rose, пусть бы Вагнеръ вводилъ вмѣсто арій речитативы, но съ условіемъ красивой и мелодичной музыки, а у него герои не поютъ и не мелодекламируютъ, а просто ревутъ, надрываясь изъ всѣхъ силъ, чтобъ перекричать неистовствующій оркестръ и на вѣкъ портятъ себѣ голоса“. И, что онъ былъ вполнѣ правъ, мы видимъ и теперь, когда на нашихъ глазахъ такіе великолѣпные пѣвцы, какъ Ершовъ, Касторскій и Серебряковъ, уже хрипятъ послѣ шести-семилѣтняго исполненія вагнеровскаго репертуара, а такія восхитительныя пѣвицы, какъ Медея Фигнеръ и Больска совсѣмъ потеряли свои голоса послѣ краткаго участія въ варварскихъ операхъ прославленнаго нѣмца, такъ что въ настоящее время ихъ прямо больно слушать, помня ихъ прошлое вокальное богатство. Впрочемъ, и не одинъ Даргомыжскій не одобрялъ въ то время Вагнеровскаго репертуара, которымъ у насъ исключительно восхищался одинъ только Сѣровъ,—другіе, наиболѣе передовые критики того времени—Кюи и неистовый Влад. Стасовъ—тоже язвительно пробирали Вагнера въ своихъ музыкально-критическихъ

статьяхъ, передъ Даргомыжскимъ же они просто преклонялись, какъ передъ единственнымъ истиннымъ продолжателемъ Глинки, котораго всѣ они ставили неизмѣримо высоко, какъ никѣмъ еще не превзойденнаго генія. Въ силу этого и подражатель Вагнера—Сѣровъ вызывалъ съ ихъ стороны рѣшительное осужденіе, не только какъ послѣдователь нѣмецкаго музыкальнаго бога, передъ которымъ онъ преклонялся, но и какъ ярый пропагандистъ его идей; вотъ почему и оперы Сѣрова были встрѣчены очень сурово представителями такъ называемой тогда „могучей кучки“, состоявшей изъ Балакирева, Даргомыжскаго, Кюи, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова и Стасова. Надо сознаться, что „могучая кучка“ относилась вообще крайне пристрастно къ музыкантамъ не своего направленія и не только игнорировала Рубинштейна, но замалчивала и Чайковскаго. Судить объ операхъ Вагнера не музыкантамъ, читавшимъ музыку по партитурѣ, было въ то время очень трудно, ибо въ репертуаръ Маріинскаго театра была включена тогда только одна его опера, несомнѣнно наименѣе громкая и антимузыкальная, а именно „Лоэнгринъ“. Благодаря прелестному голосу тенора Никольскаго, исполнявшаго Лоэнгрина только вокально, такъ какъ въ игрѣ онъ былъ просто смѣшонъ своими однообразными жестами и толстенькой фигурой съ брюшкомъ, и дивной Эльзѣ—Платоновой, опера эта, хоть и не вызывала особыхъ восторговъ, но все-таки имѣла у публики такъ называемый succès d'estime. Помню, что я слушала ее тоже изъ ложи Даргомыжскаго, при чемъ этому предшествовалъ слѣдующій эпизодъ. Когда, бывало, Александръ Сергѣевичъ начиналъ бранить Вагнера и его музыку, то я, находя это нетактичнымъ для композитора, самого писавшаго оперы, и имѣя вообще нѣкоторое понятіе о пристрастіи представителей „могучей кучки“, вступала съ нимъ въ споръ, хотя совершенно не знала музыки Вагнера, и все-таки пыталась доказывать, что, разъ она такъ прогремѣла во всей Европѣ, навѣрное ужъ она не такъ плоха. Тогда милый дядя, добродушно улыбаясь моему юношескому задору, заявилъ мнѣ, что приглашаетъ меня съ Сережей къ себѣ въ ложу на представленіе *Лоэнгрина*, но съ условіемъ, что онъ замкнетъ ложу изнутри и до конца спектакля ни за что меня не выпуститъ. Какъ теперь помню мой ужасъ и возмущеніе, когда я впервые услышала модную „музыку будущаго“. Напрасно молила я въ антракты дядю выпустить меня,—онъ былъ непреклоненъ и все время повторялъ: „Нѣтъ вы мнѣ, М-мъ Сержъ, не вѣрили и все хвалили Вагнера, можетъ быть,

даже въ зависти меня заподозрили, такъ теперь ужъ наслаждайтесь до конца". Такъ какъ мнѣ раньше еще говорили, что опера кончается, когда приплываетъ лебедь, то я ждала его съ еле сдержаннымъ нетерпѣніемъ и безпрестанно спрашивала, когда же онъ наконецъ приплыветъ, поэтому знаменитый, столь излюбленный многими дуэтъ Эльзы съ Лоэнгриномъ казался мнѣ безконечнымъ. А Александръ Сергѣевичъ тихонько добродушно хихикалъ надъ моимъ нетерпѣніемъ.

Почти каждую недѣлю въ теченіе всей этой зимы у Даргомыжскаго собирались музыканты, его друзья и ученики, а также дѣвицы Пургольдтъ, изъ которыхъ старшая обладала изящнымъ меццо-сопрано, а младшая, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Римскаго-Корсакова, была недурной піанисткой. На этихъ вечерахъ главную роль судьи, критика и признаннаго авторитета несомнѣнно игралъ авторъ „Русалки". Молодые композиторы исполняли у него свои только-что набросанныя произведенія, повергая ихъ на его нелицепріятный судъ; въ это же время Мусоргскій писалъ свою шуточную музыку на I-й актъ *Женитьбы* Гоголя, видимо навѣянную концепціей *Каменнаго гостя*, котораго тогда писалъ Александръ Сергѣевичъ, который, добродушно посмѣиваясь, похвалилъ удачный подборъ речитативовъ къ тексту Гоголя, но когда говорилъ объ этомъ серьезно, то всегда заявлялъ, что это, конечно, только талантливая шутка и продолжать ее безцѣльно. Мусоргскій вообще считался въ кружкѣ какимъ-то enfant terrible, и хотя всѣ члены „могучей кучки" и одобряли его талантъ, тѣмъ не менѣе его эксцентричность, немного шалая жизнь и вѣчное музыкальное остроуміе, если можно такъ выразиться, нѣсколько шокировали его товарищей, безусловно признававшихъ его оригинальную музыкальную физіономію. По поводу одной его комической пѣсенки, въ которой онъ обращается къ старухѣ такъ: „свѣтикъ Савишна, свѣтъ Ивановна", я возмутилась такой безсмыслицей, тѣмъ болѣе, что тексты своихъ произведеній онъ почти всегда писалъ самъ, и начала доказывать Даргомыжскому, что у одной женщины не можетъ быть двухъ отчествъ, но онъ упорно защищалъ Мусоргскаго, котораго очень любилъ, и увѣрялъ, что это вполнѣ извинительная поэтическая вольность, вызванная музыкальнымъ созвучіемъ. Но особеннымъ его расположеніемъ пользовался Римскій-Корсаковъ, авторъ прославившей его въ то время оперы „*Псковитянка*", къ которому нашъ дядя относился съ какой-то отческою нѣжностью и, говоря о немъ, всегда съ чувствомъ добавлялъ: „Это

большой талантъ, и надо его очень беречь, чтобъ дать ему вполнѣ расцвѣсть".

Наибольшимъ уваженіемъ, не безъ примѣси нѣкотораго страха передъ его ядовитымъ перомъ, пользовался въ „могучей кучкѣ" музыкальный, весьма вліятельный критикъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Цезарь Кюи, авторъ мало извѣстныхъ оперъ въ родѣ *Сына Мандарина*, *Кавказскаго плѣнника*, *Вильяма Радклиффа* и проч., которыя совершенно провалились тотчасъ же послѣ ихъ постановки. Еще въ прошломъ году, слушая поставленную по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея его оперу *Капитанская дочка*, я невольна думала: „И неужели эта скучная, жидкая по оркестровкѣ и лишенная всякой оригинальности музыка написана тѣмъ суровымъ и строгимъ критикомъ, котораго такъ всѣ боятся". Впрочемъ „кучкисты" находили его музыку талантливой, а романсы превосходными, хотя ихъ очень рѣдко исполняли въ концертахъ, ибо публика ихъ не жаловала. Даргомыжскій тоже считалъ Кюи талантливымъ композиторомъ и говорилъ, что его служба (онъ былъ военнымъ инженеромъ) мѣшаетъ ему развивать свой талантъ, но особенно онъ преклонялся передъ музыкальной ученостью Кюи, что и повело къ тому, что, умирая, онъ, къ сожалѣнію, поручилъ ему написать Vorspiel къ своему *Каменному гостю*. Никогда не забуду, какъ, присутствуя въ первый разъ при исполненіи (уже посмертномъ) этой оперы-драмы, я приняла этотъ Vorspiel Кюи за настраиваніе инструментовъ и удивлялась, почему оно такъ долго продолжается, такая это была какофонія.

Владиміръ Стасовъ, тоже музыкальный критикъ, а главное самодовольный болтунъ, вѣчно чѣмъ-нибудь увлекавшійся, былъ въ это время пропагандистомъ идей „могучей кучки", вышедшей собственно говоря изъ преклоненія передъ Глинкой, но эволюціонировавшей подъ вліяніемъ Даргомыжскаго въ сторону музыкальной драмы и живописанія природы звуками, къ чему пришелъ талантливый продолжатель Глинки въ своемъ *Каменномъ гостѣ*. Стасовъ былъ невозможнымъ собесѣдникомъ, крикливымъ, шумнымъ и въ высшей степени несдержаннымъ какъ въ своихъ похвалахъ, такъ и въ своихъ порицаніяхъ: если ему что-нибудь нравилось, то онъ оралъ, какъ оглашенный, что это вещь дивная, художественная, истинно тузовая (его любимое, имъ самимъ придуманное, весьма нелѣпое выраженіе), если же не одобрялъ, то оралъ еще громче, что это мерзость, позоръ, ничтожное, безъ всякаго смысла произведеніе. Такъ ругалъ онъ и Вагнера, и Сѣрова, и даже чуднаго Чайковскаго, котораго,

по грубости своей натуры, совершенно не могъ понимать. И что всего удивительнѣе, Стасовъ считалъ себя компетентнымъ судьей во всѣхъ искусствахъ, такъ онъ написалъ свое знаменитое по выверту изслѣдованіе о нашемъ народномъ эпосѣ, въ которомъ доказывалъ на основаніи самаго отдаленнаго сходства, что рус, скіе заимствовали сюжеты своихъ былинъ и у монголовъ, и у другихъ восточныхъ инородцевъ, чуть не у австралійцевъ, но его утвержденія не получали права гражданства въ наукѣ. Онъ критиковалъ и художниковъ, при чемъ тоже вѣчно кого-нибудь превозносилъ выше облаковъ за „тузовыя“ произведенія, а другихъ разносилъ и топталъ въ грязь. И что всего удивительнѣе онъ не умѣлъ играть ни на одномъ инструментѣ и былъ не болѣе свѣдущъ и въ рисованіи, и музыканты, и живописцы, и скульпторы боялись его критики и радовались, когда вызывали его дикіе, совершенно некультурные восторги. Даргомыжскій тоже дружилъ съ нимъ и одобрялъ его критику, но мнѣ всегда казалось, что это было только внѣшнее одобреніе, а въ глубинѣ души онъ былъ немного шокированъ его необузданностью, ибо, какъ истый баринъ и хорошо воспитанный человѣкъ, онъ не могъ мысленно не осуждать этого дурно воспитаннаго крикуна, эту „іерихонскую трубу“, какъ очень удачно прозвалъ Стасова остроумный Буренинъ. Признаюсь, я всегда удивляюсь, какъ могли музыканты выносить этого самодовольнаго и несноснаго болтуна; я только одинъ разъ имѣла съ нимъ дѣло по поводу участія, принятаго его сестрой Н. В. Стасовой, женщиной совершенно другого характера, въ устроенномъ по моей иниціативѣ чествованіи M-me Adam, и то я всячески уклонялась отъ личныхъ сношеній съ нимъ и даже отъ переписки, такъ что, не добившись отъ меня подробностей объ этомъ дѣлѣ, онъ все перевралъ въ написанной имъ книжкѣ, въ которой въ совершенно неприличномъ тонѣ восхвалялъ свою скромную сестру. Конечно, Даргомыжскій не могъ не относиться благожелательно къ Стасову, который и лично, и печатно осыпалъ его самыми гиперболическими похвалами, доказывалъ, что партитура *Каменнаго гостя* составитъ событіе въ музыкальномъ мірѣ, что это геніальное произведеніе, достойно воплотившее въ себѣ твореніе музы Пушкина, разбиралъ до мелочи все написанное тогда и неистово обрушивался на тѣхъ невѣждъ, которые не понимали всей высоты замысла этой дивной музыкальной драмы, въ которой каждое слово безсмертнаго русскаго поэта находило достойное музыкальное воплощеніе подъ перомъ геніальнаго русскаго музыканта. Мнѣ всегда казалось, что такія грубыя,

преувеличенныя похвалы могли только повредить Александру Сергѣевичу во мнѣніи читателей, такъ какъ меня, не спеціалистку, а простую любительницу мелодичной музыки, такое склоненіе слова *геніальный* во всѣхъ падежахъ невольно коробило, но члены „могучей кучки“ этого не находили и въ ихъ глазахъ вѣчно восхищавшійся ихъ „тузовыми“ произведеніями Стасовъ былъ талантливымъ критикомъ, умѣло сокрушавшимъ, хотя, какъ оказалось впослѣдствіи съ Сѣровымъ и Рубинштейномъ, и не сокрушившимъ репутаціи ихъ враговъ, и мѣткое прозвище „іерихонской трубы“ глубоко возмущало ихъ [1]).

Какъ я уже говорила, въ теченіе тѣхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, когда я его знала, Даргомыжскій писалъ партитуру своего *Каменнаго гостя*, въ которой онъ поставилъ за идеалъ буквальное воспроизведеніе пушкинскаго текста,—это было дѣйствительно нѣчто совершенно новое и до тѣхъ поръ неслыханное, такъ какъ Вагнеръ самъ писалъ свои либретто и ему было поэтому легко приспособить къ нимъ свою музыку. Въ *Каменномъ гостѣ* авторъ черпалъ свое вдохновеніе изъ чужого произведенія, при чемъ старался съ благоговѣніемъ использовать каждую черточку текста и передать ее въ возможно выразительныхъ музыкальныхъ краскахъ. Весь *Каменный гость* представляетъ изъ себя музыкальный мелодичный речитативъ, мѣстами удивительно плѣнительный, хотя въ общемъ, по моему дилеттантскому мнѣнію, нѣсколько однообразный. Прелестныя двѣ пѣсенки Лауры „Одѣлась туманомъ Гренада“ и „Я здѣсь, Инезилья“ превосходны; вся комическая, въ высшей степени выразительная партія Лепорелло прекрасна, замѣчательно по замыслу финальное появленіе *Каменнаго гостя*. Кромѣ того меня еще глубоко трогалъ въ речитативѣ Донъ-Жуана на кладбищѣ прелестный въ высшей степени мелодичный и трогательный по музыкѣ разсказъ о любви къ Донъ-Жуану Инесы, начинавшійся тахъ: „Бѣдная Инеса“, ея ужъ нѣтъ... А потомъ „а мужъ ея былъ негодяй суровый“ и т. д. Въ эти первыя музыкальныя короткія фразы было вложено столько нѣжности и искренняго чувства, столько мягкой грусти и поэзіи, что даже тогда, когда Даргомыжскій наигрывалъ ихъ просто на фортепіано, подпѣвая

[1]) Изрѣдка у Даргомыжскаго бывали Балакиревъ и Бородинъ, изъ которыхъ первый былъ слишкомъ самолюбивъ, чтобы охотно вращаться въ кружкѣ, гдѣ уже былъ свой кумиръ, а второй былъ слишкомъ занятъ, такъ какъ занималъ мѣсто проф. химіи въ Медико-хирург. академіи, поэтому имѣлъ мало свободнаго времени.

своимъ хриплымъ разбитымъ голосомъ, я не могла равнодушно слушать этой музыки, въ глубоко прочувствованныхъ звукахъ которой выливалась цѣлая драма любящей женской души, что невольно трогало до слезъ. Кстати по поводу голоса дяди не могу не замѣтить, что это былъ замѣчательный инструментъ, ибо этотъ хриплый, старчески разбитый голосъ иногда просто творилъ чудеса и, когда Александръ Сергѣевичъ, не любившій итальянскаго пѣнія, желая осмѣять его, принимался распѣвать итальянскія аріи, подражая ихъ колоратурнымъ пѣвицамъ, то голосъ его выдѣлывалъ такіе кунштюки, что нельзя было не удивляться, при чемъ каррикатурность пѣнія была такъ выразительна, что всѣ покатывались со смѣха. Вообще онъ превосходно понималъ искусство пѣнія и былъ прекраснымъ преподавателемъ, при чемъ онъ обучалъ всегда безплатно исключительно бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ двѣ или три увлеклись имъ настолько, что даже вступили съ нимъ въ связь, при чемъ съ одной онъ прожилъ лѣтъ десять и былъ очень огорченъ, когда она ушла отъ него, чтобъ выйти замужъ. Даргомыжскій не только никогда не былъ женатъ, но и вообще считалъ бракъ, и въ особенности появленіе дѣтей, чѣмъ-то нечистымъ и похвалялся тѣмъ, что отъ всѣхъ его многочисленныхъ связей у него никогда не было дѣтей. Впрочемъ сестру Софью и ея семью онъ горячо любилъ и искренно уважалъ, чего вполнѣ заслуживала эта замѣчательно умная и прекрасная женщина.

Музыкальныя собранія происходили обыкновенно у Александра Сергѣевича черезъ извѣстные промежутки, когда онъ заканчивалъ писать опредѣленную часть *Каменнаго гостя*, при чемъ онъ проигрывалъ написанное, и новое, и прежнее собравшимся друзьямъ и подвергалъ свою музыку ихъ обсужденію, но судъ всегда былъ только одинъ: восторгъ и удивленіе передъ новыми оригинальными формами. У меня осталось, между прочимъ, въ памяти, какъ дядя, наигрывая вступленіе къ ночной сценѣ у Лауры, энергично доказывалъ, что его друзья находятъ эту музыку столь выразительной, столь ярко живописующей красоту изображаемой ею южной ночи, томную нѣгу воздуха и даже восходъ луны, съ чѣмъ я совершенно не соглашалась, доказывая, что нельзя выразить звуками такого явленія природы, какъ восходъ луны, тѣмъ не менѣе сама эта музыкальная картина чудной южной ночи была необычайно мелодична и красива. Обыкновенно при исполненіи *Каменнаго гостя* на роялѣ композиторъ самъ пѣлъ и за Лепорелло и за Донъ-Жуана и только женскія партіи донны Анны и Лауры исполняли А. Н.

Пургольдтъ (впослѣдствіи вышедшая замужъ за Моласа) и концертная пѣвица Хвостова, тоже бывавшая у Даргомыжскаго и обладавшая прекраснымъ голосомъ, но лицомъ и фигурой донельзя безобразная, такъ что ей приходилось поэтому совершенно отказаться отъ мысли о сценѣ. Такъ какъ партія Лауры, благодаря двумъ прелестнымъ вставнымъ пѣсенкамъ, была болѣе выигрышной, чѣмъ партія донны Анны, то милый дядя, чтобъ не обидѣть своихъ исполнительницъ, давалъ имъ чередоваться и пѣть Лауру черезъ разъ. Послѣ каждаго такого домашняго представленія въ присутствіи Стасова и Кюи, въ публикѣ распространялись новыя свѣдѣнія объ оригинальной, въ высшей степени своеобразной музыкѣ оперы-драмы *Каменный гость* и въ обществѣ шли постоянные разговоры о томъ, когда же наконецъ это произведеніе будетъ закончено и увидитъ свѣтъ рампы. Къ сожалѣнію, въ это время Александръ Сергѣевичъ, бывшій вообще слабаго здоровья, началъ серьезно прихварывать, возбуждая безпокойство и волненіе среди всѣхъ его близкихъ и друзей. Наконецъ сестрѣ удалось уговорить не любившаго лѣчиться горячо любимаго брата пригласить на консультацію знаменитаго въ то время доктора С. П. Боткина. Боткинъ нашелъ у Даргомыжскаго сильнѣйшій, крайне запущенный аневризмъ и сказалъ Софьѣ Сергѣевнѣ, что врядъ ли больной проживетъ больше мѣсяца. Тѣмъ не менѣе прошли и мѣсяцъ и два, и три, а онъ все продолжалъ жить и хоть и часто страдалъ мучительными сердечными припадками, тѣмъ не менѣе продолжалъ усиленно работать надъ своимъ излюбленнымъ дѣтищемъ *Каменнымъ гостемъ*. Всѣ мы радовались его душевной бодрости и тому, что онъ въ силахъ писать и чувствовать свою музыку. Друзья по-прежнему навѣщали его, и, сознавая всю серьезность своего положенія, онъ уже тогда спокойно обсуждалъ съ ними печальную возможность не кончить своего произведенія и поручилъ докончить его, въ случаѣ своей смерти, Кюи, а оркестровать Римскому-Корсакову.

Четыре мѣсяца спустя послѣ діагноза Боткина, въ одну печальную декабрьскую ночь Даргомыжскій захворалъ такъ сильно, что разбудили его сестру и послали за врачемъ. Оказалось, что аневризмъ былъ тутъ ни при чемъ, а бѣдный мученикъ захворалъ ущемленіемъ грыжи, такъ что ему угрожала немедленная смерть, если не сдѣлать тотчасъ же операціи. Съ замѣчательнымъ мужествомъ, несмотря на страхъ сестры, уже пережившей смерть матери, умершей тотчасъ же послѣ операціи, больной заявилъ, что согласенъ подвергнуться операціи, при

чемъ, утѣшая сестру, говорилъ ей: „Я все перенесу только, чтобъ продлить свою жизнь до тѣхъ поръ, пока не кончу *Каменнаго гостя*“,—такъ что даже въ эти тяжелыя минуты онъ думалъ исключительно только о своемъ произведеніи. Призванный хирургъ Чарторoевъ тотчасъ же пригласилъ на консультацію знаменитаго тогда уже старика Нарановича и начинавшаго входить въ славу его ассистента Богдановскаго, которому, какъ самому молодому и увѣренному въ своихъ силахъ, было поручено произвести операцію. Прошло 44 года съ того рокового дня, и тѣмъ не менѣе я и до сихъ поръ живо помню, какъ все произошло тогда, такъ какъ сидѣла въ гостиной съ мужемъ въ то время, какъ въ сосѣдней комнатѣ, спальнѣ бѣднаго страдальца, происходила страшная операція въ присутствіи трехъ знаменитыхъ хирурговъ. Тишина въ квартирѣ стояла поразительная, и изъ сосѣдней комнаты только изрѣдка раздавался легкій стонъ, несмотря на то, что, по причинѣ аневризма сердца, операція производилась не только безъ хлороформа, но даже безъ мѣстнаго анестезированія, до чего, кажется, тогда еще не додумались. Такого рѣдкаго мужества, самообладанія и героической выносливости я рѣшительно не могла даже себѣ представить, и въ эти минуты я поняла, что можно быть героемъ не только на полѣ битвы. Должно быть, въ общей сложности операція продолжалась около получаса, хотя не поручусь, что и меньше, ибо протекавшія минуты намъ казались безконечными, наконецъ появилась заплаканная Madame Hortense и заявила: „Monsieur a bien supporté l'opération“, потомъ пришла Софья Сергѣевна, навѣдавшаяся къ брату послѣ операціи, и съ глубокимъ чувствомъ сказала сыну: „Alexandre просто поразителенъ въ своемъ самообладаніи,—несмотря на всѣ пережитыя страданія, онъ еще шутитъ съ докторами и даже улыбнулся мнѣ“.

Почти цѣлую недѣлю послѣ операціи продолжалась мучительная агонія геніальнаго страдальца, возбуждавшаго во всѣхъ его окружающихъ искреннее благоговѣніе передъ героической борьбой со смертью слабаго тѣла и сильнаго духа. Какъ ни слабъ былъ Александръ Сергѣевичъ, какъ ни истощенъ физическими страданіями и невозможностью поддерживать свои силы питаніемъ, онъ все-таки не унывалъ и бодрился. А между тѣмъ если иногда пытались давать ему кромѣ жидкой пищи и немного самой легкой твердой, его тотчасъ же начинало тошнить, потомъ рвать и черезъ рану въ кишечникѣ моментально выскакивала вся только-что принятая пища.

До сихъ поръ не могу забыть, какъ однажды, сидя въ гостиной, я услышала, что его рветъ и, не зная, есть ли у него кто въ комнатѣ, вбѣжала къ нему въ спальню и увидала, что сестра держитъ его, а откуда-то на полъ вылетаетъ сахарный горошекъ; о, какое это было ужасное мучительное зрѣлище! И среди такихъ-то тяжелыхъ условій этотъ мученикъ, геройски заглушая въ себѣ невыносимыя физическія страданія, все-таки требовалъ къ себѣ на кровать партитуру *Каменнаго гостя* и на устроенномъ ему сестрой пюпитрѣ дописывалъ ее, забывая при этомъ всѣ свои муки и повинуясь только одной непрестанной мысли докончить свое дѣтище, прежде чѣмъ безжалостная смерть унесетъ его. Уходъ за нимъ, благодаря неослабѣвающей заботливости обожавшей его сестры, былъ по истинѣ идеальный во всѣхъ отношеніяхъ, но все-таки невольно казалось, что его упорство работать въ такомъ состояніи должно вредить ему. Иногда сестра, видя его опять въ полусидячемъ положеніи, согбеннымъ надъ нотами съ карандашемъ въ рукѣ, не выдерживала этой муки, подходила къ нему и ласково говорила ему: „Прошу тебя, Alexandre, побереги себя хоть немного, отдохни, не надрывайся такъ надъ работой, Богъ дастъ, еще поправишься и тогда допишешь“. Слыша это, онъ, всегда такой терпѣливый и выносливый во время болѣзни, начиналъ сер-, диться и съ раздраженіемъ отвѣчалъ: „Ахъ, оставь, Софья пойми, вѣдь я доживаю свои послѣдніе дни, поэтому долженъ спѣшить“. И дѣйствительно, его предчувствія оправдались, и онъ умеръ, не дописавъ своей оригинальной по замыслу и исполненію оперы-драмы; впрочемъ, говорили тогда, что, кромѣ Vorspiel'e онъ не дописалъ въ своей партитурѣ всего 12 тактовъ, и, къ величайшему сожалѣнію всѣхъ любящихъ музыку, кончить свое произведеніе, какъ уже упомянула выше, онъ поручилъ Кюи. Конечно, я сужу только, какъ любящая музыку дилеттанка, но на меня Vorspiel Кюи сравнительно съ музыкой Даргомыжскаго производитъ впечатлѣніе изящно написанной, глубоко-трогательной картины, къ которой, по какому то недоразумѣнію, на первомъ ея планѣ нарисовали грубую, совершенно не гармонирующую съ картиной фигуру. А между тѣмъ я, хоть и дилеттанка, но не невѣжда въ музыкѣ, ибо, кромѣ того, что шесть лѣтъ брала уроки игры на роялѣ, въ юности обладала довольно красивымъ и сильнымъ контральто и два года училась пѣнію въ хорѣ школы Музыкальнаго Общества и принимала участіе во всѣхъ его концертахъ. Мало того, свекровь моя говорила мнѣ ужъ послѣ смерти милаго дяди,

что и онъ, слыша мое пѣніе, такъ какъ я имѣла привычку постоянно напѣвать, находилъ, что у меня недурный голосъ, и говорилъ, что если бы я не была такъ радикальна въ музыкѣ (т. е., по рецепту Писарева, считала ее, вопреки своему внутреннему чувству, совершенно безполезной), то онъ охотно занялся бы обработкой моего голоса.

Но я отдалилась отъ своего предмета, спѣшу опять возвратиться къ нему и замѣтить, что если музыка Кюи была ужасна по своей какофоніи, за то оркестровка Римскаго-Корсакова была несомнѣнно хороша, хотя я все-таки вполнѣ увѣрена, что, если бъ Даргомыжскому удалось самому прожить еще нѣсколько лѣтъ, то навѣрное онъ оркестровалъ бы свое дѣтище гораздо тоньше и изящнѣе, ибо онъ не любилъ громкаго рева трубъ и вообще въ его оркестровкѣ струнные инструменты какъ-то всегда преобладали надъ духовыми, а у Римскаго-Корсакова наоборотъ.

Александра Сергѣевича похоронили на кладбищѣ Александро-Невской лавры рядомъ съ могилой Глинки, и на похоронахъ его вовсе не было того необычайнаго скопленія народа, какое наблюдается на похоронахъ современныхъ намъ литераторовъ и художниковъ; ужъ конечно знаменитую псевдо-цыганку съ вызывающими выкриками Вяльцеву хоронили гораздо торжественнѣе, чѣмъ этого талантливаго русскаго композитора. Вспоминаю одну трогательную подробность относительно выбора кладбища: семейное мѣсто погребенія Даргомыжскихъ было на Смоленскомъ кладбищѣ, и дядя, зная приверженность своей сестры ко всякимъ семейнымъ традиціямъ, еще передъ смертью просилъ ее не препятствовать его друзьямъ музыкантамъ выбрать для него мѣсто погребенія на другомъ кладбищѣ, и любящая сестра съ трогательнымъ смиреніемъ покорилась его желанію, ибо она понимала, что хоронить будутъ не только ея брата, но и выдающагося русскаго художника, и сознавала, что при такихъ обстоятельствахъ семейныя традиціи должны уступить мѣсто общественной роли умершаго. Поэтому, когда друзья покойнаго композитора выразили желаніе похоронить Даргомыжскаго на кладбищѣ Александро-Невской лавры, рядомъ съ могилою Глинки, Софья Сергѣевна безпрекословно согласилась на это, памятуя слова умирающаго брата.

Недавно праздновалось столѣтіе со дня рожденія покойнаго композитора, составился комитетъ и было рѣшено отслужить панихиду въ церкви Св. Духа и литію на могилѣ, при чемъ съ разрѣшенія Теляковскаго пѣлъ хоръ Императорскихъ театровъ.

Не знаю, это ли обстоятельство, или свойственная нашей молодежи страсть къ зрѣлищамъ, только тысячи народа окружали церковь, такъ что я и дочь моя, съ трудомъ, только при помощи полиціи, могли проникнуть въ церковь. Признаюсь, я съ горечью глядѣла на эту разношерстную толпу, состоявшую главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи, видѣвшую во всей церемоніи одно только интересное зрѣлище и не мало не интересовавшуюся тѣмъ, къ кому относилось это чествованіе; пріятно только было видѣть среди толпы артистовъ Императорскихъ театровъ, явившихся почтить память талантливаго продолжателя Глинки. Шаляпинъ прислалъ отъ себя вѣнокъ съ надписью *геніальному творцу Каменнаго гостя*, были вѣнки и отъ Консерваторіи, и отъ Музыкальнаго общества, возложить который пріѣзжала сама Принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская, внучка столь памятной всѣмъ русскимъ музыкантамъ Великой Княгини Елены Павловны, въ салонѣ которой Даргомыжскій впервые выступалъ, какъ піанистъ и композиторъ и пожиналъ свои первые лавры. Были возложены еще вѣнки отъ многихъ другихъ учрежденій, между прочимъ даже отъ Тульскаго дворянства, къ которому принадлежалъ по происхожденію покойный. И при видѣ этой горы вѣнковъ и всѣхъ этихъ представителей различныхъ музыкальныхъ учрежденій, при мысли о томъ, что ни одно изъ нихъ, начиная съ Императорскихъ театровъ и Консерваторіи и кончая Музыкальнымъ обществомъ и всевозможными оркестровыми дѣятелями (за исключеніемъ всегда чуткаго и отзывчиваго графа Шереметева). и не подумало почтить память одного изъ талантливѣйшихъ русскихъ композиторовъ исполненіемъ его произведенія (Казачекъ, съ Волги nach Riga и др.). Что же касается области романса, то послѣ Глинки никто еще не превзошелъ Даргомыжскаго, конечно, лирическіе романсы Чайковскаго не уступаютъ по красотѣ такимъ прелестнымъ вещамъ, какъ *Безумная я все еще его люблю* (романсъ, который когда-то пѣла Віардо и сводила имъ съ ума весь Петербургъ), *Чаруй меня* и др., но зато Даргомыжскій создалъ, если можно такъ выразиться, особый типъ романса-драмы, каковы *Старый капралъ*, *Свадьба*, *Паладинъ* (измѣной слуга Паладина убилъ) и др. Когда Петровъ пѣлъ въ концертахъ *Стараго капрала* (слова Беранже), то его выразительная, такая простая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко прочувствованная декламація потрясала до глубины души и заставляла каждаго слушателя переживать драму „Стараго капрала“. А какъ неподражаемъ по безобидному юмору и тонкой едва

замѣтной ироніи другой циклъ его романсовъ, каковы: „Онъ былъ титулярный совѣтникъ, она генеральская дочь“, или *Мельникъ*, или *Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ*, несомнѣнно, что въ этихъ областяхъ романса Даргомыжскій и до сихъ поръ не нашелъ себѣ достойнаго преемника. И какъ грустно видѣть людямъ, любящимъ и высоко ставящимъ русское искусство, что у насъ преклоняются передъ иностранными композиторами, идолопоклонствуютъ передъ Вагнеромъ, Штраусомъ, Дебюсси и игнорируютъ своихъ талантливыхъ музыкантовъ, въ оперѣ ставятъ какихъ-то невозможно бездарныхъ Мадамъ Беттерфлей и Электръ, а въ концертахъ исполняютъ произведенія тѣхъ же западныхъ идоловъ, а даже по случаю столѣтняго юбилея русскаго композитора, не находятъ возможнымъ возобновить его произведеній. И если, какъ ходятъ слухи, въ будущемъ сезонѣ дѣйствительно будетъ возобновленъ *Каменный гость*, то этимъ мы будемъ исключительно обязаны только такому чуткому артисту, какъ Шаляпинъ, который настоялъ на постановкѣ лебединой пѣсни Даргомыжскаго.

Позволяю себѣ закончить свои воспоминанія написаннымъ мною послѣ смерти милаго дяди стихотвореніемъ, въ которомъ я, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, пыталась начертать симпатичный образъ безвременно угасшаго талантливаго музыканта.

Памяти Алекс. Серг. Даргомыжскаго.

Онъ въ гробъ сошелъ, исполненъ силы,
Средь зрѣлыхъ творческихъ трудовъ,
И изъ безвременной могилы
Не слышитъ нашъ привѣтный зовъ.
Въ часы предсмертнаго страданья
Онъ трудъ великій довершалъ,
И довершилъ его въ сознаньи,
Что новый путь намъ завѣщалъ.
Его своеобразный геній
Не шелъ избитою тропой,—
Лишь тамъ искалъ онъ вдохновеній,
Гдѣ не нашелъ бы ихъ другой.
Путемъ упорнымъ изученья
Онъ въ тайны творчества проникъ,
И въ вѣчно юныя творенья
Внесъ правды искренній языкъ.

Искусства знамя вѣчно чистымъ
Рукою твердой онъ держалъ,
И бодро шелъ путемъ тернистымъ
Безъ жажды купленныхъ похвалъ.
Но мощенъ духомъ и талантомъ,
Младенецъ сердцемъ весь свой вѣкъ,
Онъ не былъ только музыкантомъ,
Онъ былъ поэтъ и человѣкъ.

Ал. Бородина.

Записки Н. А. фонъ-Розенбаха [1]).

На страницахъ этой тетради хочу занести воспоминанія изъ моей жизни съ самаго производства въ офицеры.

Высочайшимъ приказомъ отъ 17 іюня 1854 года я былъ произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ Школы Гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ въ прапорщики Л.-гв. Преображенскаго полка. Производство въ этотъ полкъ состоялось благодаря милостивому ходатайству Е. И. В. Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Въ Л.-Гв. Преображенскомъ полку ваканцій не было, на производство сверхъ вакансій имѣлъ право одинъ фельдфебель школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, но такъ какъ я былъ первый по выпуску и мое имя было занесено на мраморную доску, то Командиръ Школы генералъ-маіоръ Сутгофъ, сдѣлалъ обо мнѣ особое представленіе и мнѣ была предоставлена ваканція внѣ правилъ для производства въ Преображенскій полкъ.

Л.-Гв. Преображенскій полкъ былъ переполненъ офицерами; я сталъ 50-ъ прапорщикомъ, но благодаря тому, что въ 1854 году былъ сформированъ 5-ый, а вслѣдъ за нимъ и 6-ой батальонъ, и вслѣдствіе этого комплектъ офицеровъ увеличенъ, я былъ произведенъ уже 30-го августа 1855 года въ подпоручики. Преображенскимъ полкомъ командовалъ въ то время С. Е. В. генералъ-маіоръ графъ Э. Т. Барановъ, человѣкъ

---

[1]) Приступаемъ къ печатанію въ хронологическомъ порядкѣ интересныхъ записокъ Николая Антоновича фонъ-Розенбаха, бывшаго туркестанскаго генералъ-губернатора, начальника штаба Петроградскаго военнаго округа и гвардейскаго корпуса.

Ред.

во всѣхъ отношеніяхъ превосходный. Я былъ зачисленъ по производствѣ въ 3-ій батальонъ въ 7-ю роту. Батальономъ командовалъ полковникъ М. П. Лярскій, ротою капитанъ Тимротъ.

Преображенскій полкъ былъ расположенъ лѣтомъ 1854 года въ Петергофѣ, для охраны города отъ могущаго произойти десанта англо-французскаго флота. Въ Александріи, Царской резиденціи, выставлялся ежедневно ночью караулъ на берегу моря отъ полка.

Л.-Гв. Преображенскій полкъ пользовался со стороны Императора Николая Павловича особымъ вниманіемъ; изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ это былъ его наилюбимѣйшій полкъ. Живо сохранилось въ моей памяти воспоминаніе о полковомъ праздникѣ 6-го августа въ 1854 году.

Послѣ обѣда, бывшаго въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ, Императоръ Николай подошелъ къ офицерамъ полка и сказалъ имъ: „Помните, господа, что Моя семья и Преображенскій полкъ составляютъ одну семью“.

Въ августѣ 1854 года былъ сформированъ изъ 4-го, 5 и 6-го батальоновъ Л.-Гв. Преображенскій резервный полкъ.

Дѣйствующій полкъ, въ составѣ 1-го, 2-го и 3-го батальоновъ, выступилъ въ сентябрѣ подъ начальствомъ графа Баранова въ Литву, гдѣ сосредоточился дѣйствующій гвардейскій корпусъ подъ начальствомъ генерала-отъ-артиллеріи Сумарокова.

Командиромъ Л.-Гв. Преображенскаго резервнаго полка былъ назначенъ С. Е. В. генералъ-маіоръ князь С. М. Воронцовъ, сынъ кавказскаго намѣстника. Въ этотъ полкъ и я былъ переведенъ съ зачисленіемъ въ 5-ю гренадерскую роту. Весьма мнѣ было прискорбно не выступить съ товарищами въ походъ, но пришлось безропотно подчиниться своей участи; на то была воля начальства.

Для укомплектованія дѣйствующаго полка было приступлено, въ началѣ 1855 года, къ сформированію маршеваго батальона. Я былъ зачисленъ въ составъ этого батальона на должность адъютанта и казначея.

Назначеніе это состоялось вслѣдствіе слѣдующихъ обстоятельствъ.

Незадолго до сформированія маршеваго батальона, былъ прикомандированъ къ Л.-Гв. Преображескому резервному полку старшій адъютантъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Л.-Гв. Московскаго полка капитанъ Батуринъ для исправленія должности младшаго штабъ-офицера.

Офицеры Преображенскаго полка встрѣтили капитана Батурина весьма недружелюбно и показывали ему явное невниманіе, дошедшее до того, что когда офицеръ этотъ былъ дежурнымъ по карауламъ и прибылъ къ выстроенному на плацу паряженному въ караулъ батальону, никто изъ начальниковъ караула не всталъ для встрѣчи его на свое мѣсто.

Руководствуясь мыслью, что ктобы ни былъ дежурнымъ по карауламъ, ему должны быть оказаны должныя почести, я сталъ при приближеніи капитана Батурина на правый флангъ своего караула.

Капитанъ Батуринъ не забылъ этого случая, и когда черезъ нѣсколько времени на него было возложено командованіе маршевымъ батальономъ и отводъ этого батальона въ г. Бѣлостокъ, гдѣ стоялъ дѣйствующій полкъ, онъ обратился къ генералу-маіору князю Воронцову съ настойчивою просьбою назначить меня адъютантомъ маршеваго батальона, на что и послѣдовало согласіе князя.

Вышеописанный ничтожный случай имѣлъ рѣшающее вліяніе на мою дальнѣйшую службу.

Въ виду того, что на адъютанта маршеваго батальона были возложены и обязанности казначея и квартирмейстера, то мнѣ предстоялъ обширный кругъ дѣятельности, къ которой я, какъ только-что произведенный офицеръ, вовсе не былъ подготовленъ.

Пользуясь нѣсколькими недѣлями, оставшимися до отправленія батальона въ походъ, я съ всевозможною энергію взялся за изученіе законовъ и разныхъ военныхъ положеній. Въ мое распоряженіе былъ назначенъ всего одинъ 18-ти лѣтній писарь, пригодный только для переписки бумагъ, и такимъ образомъ составленіе требованій, отчетность, словомъ, все дѣлопроизводство пало исключительно на меня. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что со стороны чиновъ штаба Преображенскаго полка ничего не было сдѣлано для облегченія моего положенія. Полковой адъютантъ поручикъ Козенъ, передавая списки нижнихъ чиновъ батальона, предупредилъ меня, что не отвѣчаетъ за вѣрность ихъ, и просилъ ихъ провѣрить во время марша,

Капитанъ Батуринъ былъ человѣкъ добрый и благородный, но въ высшей степени не дѣловой; отъ него я не могъ ожидать ни совѣтовъ, ни указаній. Мое положеніе было дѣйствительно трагическое.

Но съ Божьею помощью мнѣ удалось перебороть всѣ затрудненія.

12 февраля маршевый батальонъ Преображенскаго полка

представился въ Инженерномъ манежѣ на смотръ Императору Николаю. Это была послѣдняя часть, удостоившаяся этого счастья. Черезъ недѣлю незабвеннаго Императора не стало.

14 февраля батальонъ выступилъ въ походъ при морозѣ въ 20 градусовъ. 18-го, во время ночлега на станціи Ящеры, мы узнали отъ проѣзжающаго курьера въ Варшаву о кончинѣ Императора. Какъ громомъ поразило насъ это извѣстіе. Горькія слезы проливали офицеры и солдаты. Покойный Императоръ пользовался горячею любовью войскъ; въ особенности сильно было это чувство у чиновъ Преображенскаго полка, избалованнаго постоянными къ нему милостями Незабвеннаго Монарха.

Въ началѣ марта во время ночлега батальона, не помню именно въ какой деревнѣ, капитанъ Батуринъ былъ внезапно вытребованъ на почтовую станцію къ командиру Преображенскаго дѣйствующаго полка графу Баранову, проѣзжавшему изъ Бѣлостока въ Петербургъ, куда онъ былъ вызванъ вступившимъ на престолъ Императоромъ Александромъ II, назначившимъ его начальникомъ штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

Графъ Барановъ, интересуясь состояніемъ маршеваго батальона, потребовалъ отъ капитана Батурина подробныя свѣдѣнія относительно состава, снаряженія и продовольствія батальона. Представленныя капитаномъ Батуринымъ свѣдѣнія были настолько смутны и неопредѣленны, что графъ пожелалъ узнать, кто бы могъ ему представить болѣе точныя справки. Капитанъ Батуринъ указалъ на меня, и немедленно вытребованный къ графу Баранову, я ему въ подробности объяснилъ все относящееся до батальона. Графъ настолько былъ удовлетворенъ моими отвѣтами, что когда вторично обогналъ батальонъ, при проѣздѣ изъ Петербурга въ Бѣлостокъ, куда ѣхалъ для сдачи полка, онъ прямо потребовалъ меня къ себѣ. Я вторично удостоился полнаго одобренія графа за все мною сдѣланное, и онъ настолько оцѣнилъ мою дѣятельность, что по пріѣздѣ въ Бѣлостокъ прямо заявилъ офицерамъ, что если батальонъ благополучно и въ порядкѣ дойдетъ до Бѣлостока, полкъ исключительно мнѣ будетъ въ этомъ обязанъ.

До Вильны батальонъ дошелъ прекрасно, оставивъ въ пути нѣсколько человѣкъ больныхъ. Но тутъ наступила полная распутица, въ Литвѣ свирѣпствовалъ пятнистый тифъ, появилась въ батальонѣ масса больныхъ этою болѣзнью и въ каждомъ изъ попутныхъ городовъ пришлось оставить по нѣсколько десятковъ больныхъ. Врачебный персоналъ заключался въ одномъ врачѣ на два батальона (Преображенскій и Семеновскій) и въ одномъ

фельдшерѣ на батальонъ. Часто слѣдовало при батальонѣ 20—30 больныхъ тифомъ, на ночлегахъ фельдшеръ не успѣвалъ оказывать каждому больному нужную помощь, и тутъ я являлся ему по мѣрѣ силъ ревностнымъ помощникомъ. Неоднократно приходилось мнѣ проводить нѣсколько часовъ въ крошечной избѣ, переполненной больными.

Можно только удивиться какъ я уцѣлѣлъ и не захворалъ тифомъ.

10-го мая батальонъ вступилъ въ Бѣлостокъ. Графа Баранова тамъ уже не было, но общество офицеровъ встрѣтило меня самымъ радушнымъ образомъ и устроило въ честь меня обѣдъ. Капитанъ Батуринъ уѣхалъ немедленно, поручивъ мнѣ сдачу батальона, что мною и было сдѣлано вполнѣ благополучно. Однимъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни былъ день, когда мнѣ была вручена квитанція въ сдачѣ батальона. Квитанцію эту я передалъ, по возвращеніи въ Петербургъ, капитану Батурину. Онъ горячо меня благодарилъ, заявляя, что безъ моей помощи онъ попалъ бы подъ судъ. Вслѣдъ за симъ произведенный въ полковники въ л.-гв. Московскій полкъ, онъ до конца своей жизни сохранилъ ко мнѣ добрую память.

Весною 1856 года состоялось Высочайшее повелѣніе о сформированіи 1-го и 2-го гвардейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Начальникомъ сихъ батальоновъ, на правахъ начальника дивизіи, былъ назначенъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ графъ Э. Т. Барановъ, командиромъ 1-го батальона флигель-адъютантъ графъ А. С. Строгановъ, командиромъ 2-го флигель-адъютантъ князь Барятинскій А. И.

Покойный Императоръ Александръ II очень интересовался этими батальонами. Офицеры были назначены: въ первый изъ полковъ 1-й пѣхотной дивизіи, преимущественно изъ л.-гв. Преображенскаго полка, во второй изъ полковъ 2-й гвард. пѣхотной дивизіи. Графъ Барановъ указалъ графу Строганову на меня, какъ на офицера, котораго весьма желательно было бы имѣть въ батальонѣ, вслѣдствіе чего графъ Строгановъ и предложилъ мнѣ быть переведеннымъ въ его батальонъ.

Но мнѣ служилось настолько хорошо въ Преображенскомъ полку, что я долго не рѣшался на переводъ, и только послѣ личныхъ, настойчивыхъ убѣжденій графа изъявилъ на это согласіе.

Вслѣдъ за переводомъ въ 1-й стрѣлковый батальонъ я былъ назначенъ батальоннымъ казначеемъ; хозяйственныхъ комитетовъ еще не было въ то время, почему на мою долю и выпали

хлопоты по снаряженію и обмундированію батальона. Графъ Строгановъ желалъ, чтобы все было готово, какъ можно скорѣе, и въ первыхъ числахъ мая участвовали на весеннемъ парадѣ, въ числѣ другихъ войскъ, двѣ роты 1-го Стрѣлковаго батальона, и въ началѣ іюля батальонъ въ полномъ составѣ выступилъ въ Москву, гдѣ участвовалъ во всѣхъ коронаціонныхъ торжествахъ. Графъ Строгановъ былъ человѣкъ весьма образованный, прекрасныхъ душевныхъ качествъ и баринъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Денегъ онъ не жалѣлъ на батальонъ. Для всѣхъ офицеровъ были выстроены на его счетъ бараки въ лагерѣ подъ Москвою, всѣ мы ежедневно приглашались къ нему на обѣдъ, при чемъ столъ былъ превосходный, можно даже сказать роскошный.

Меня онъ съ перваго раза полюбилъ, и за все время его командованія батальономъ, къ сожалѣнію весьма короткаго, я постоянно пользовался его благорасположеніемъ. Я всегда вспоминаю объ этомъ времени съ особымъ удовольствіемъ.

Въ день коронаціи я удостоился получить чинъ поручика по линіи, и за отличіе орденъ Станислава 3-й степени. Мнѣ было въ то время всего 20 лѣтъ; полученныя награды доставили мнѣ громадное удовольствіе.

По окончаніи коронаціонныхъ празднествъ батальонъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ расположился въ большихъ казармахъ Л.-Гв. Московскаго полка у Семеновскаго моста.

Весною 1857 года былъ изданъ новый воинскій строевой уставъ.

Вслѣдъ за выходомъ этого устава, было назначено въ Высочайшемъ присутствіи батальонное ученье нашему батальону. Батальонъ приготовился какъ могъ къ этому смотру, но вслѣдствіе весьма короткаго времени знаніе устава чинами батальона было не твердое. Смотръ не удался; одна изъ командъ Государя Императора не была понята, пошла путаница, и разгнѣванный Государь прогналъ батальонъ съ плаца, при чемъ выразилъ графу Строганову свое неудовольствіе въ весьма рѣзкой формѣ. Какъ говорили впослѣдствіи, недоброжелатели графа Строганова довели до свѣдѣнія Его Величества, что батальонъ имъ до крайности распущенъ, и что Государь выѣхалъ на смотръ съ намѣреніемъ его подтянуть.

По должности батальоннаго казначея я не участвовалъ на смотрѣ. По возвращеніи батальона въ казармы графъ Строгановъ послалъ немедленно за мною. Я засталъ графа крайне взволнованнаго и огорченнаго; при его крайнемъ самолюбіи

ему было нелегко перенести гнѣвъ Государя, и къ тому же, какъ ему казалось, незаслуженный. Онъ объявилъ мнѣ, что не можетъ послѣ того, что случилось, продолжать службу, что намѣренъ подать въ отставку и спросилъ меня, можетъ ли быть все приготовлено къ сдачѣ въ 24 часа. Мои убѣжденія отказаться отъ этого намѣренія были тщетны. Мнѣ осталось только заявить, что, согласно его желанію, на другой день все будетъ готово для сдачи батальона.

Какъ намъ впослѣдствіи стало извѣстно, Государь Императоръ, съ свойственнымъ мягкосердечіемъ, сожалѣя о случившемся, имѣлъ намѣреніе поручить генералъ-адъютанту Плаутину поѣхать къ графу Строганову и передать ему желаніе Государя, чтобы онъ продолжалъ службу, но генералъ Плаутинъ, неизвѣстно почему убѣжденный, что графъ Строгановъ ни взирая ни на что выйдетъ въ отставку, отговорилъ Его Величество отъ этого шага. Я думаю, что если намѣреніе Государя было бы приведено въ исполненіе, графъ Строгановъ остался бы на службѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ мнѣ говорилъ нѣсколько лѣтъ спустя.

Графъ Барановъ, получивъ отъ графа Строганова прошеніе объ увольненіи отъ службы, послалъ за мною и спросилъ меня, намѣренъ ли графъ Строгановъ потребовать отъ своего преемника деньги за всѣ тѣ предметы, которые имъ заведены для батальона на собственный счетъ. Я отвѣтилъ графу, что графъ Строгановъ не только за все имъ заведенное денегъ не потребуетъ, но даже передалъ мнѣ необходимыя средства, чтобы удовлетворить подрядчика, который строилъ въ Красномъ Селѣ офицерскіе бараки, постройка которыхъ еще не была окончена. Оставаясь до послѣдней минуты grand seigneur'омъ, онъ не желалъ, чтобы его преемникъ расплачивался за тѣ затѣи, которыя имъ были задуманы.

Черезъ нѣсколько дней графъ Строгановъ простился съ офицерами, глубоко сожалѣвшими разстаться съ нимъ, и уѣхалъ въ деревню. Въ временное командованіе батальономъ вступилъ младшій штабъ-офицеръ, полковникъ П. П. Карцевъ, до прибытія вновь назначеннаго командира флигель-адъютанта полковника князя А. И. Шаховского.

Князь Шаховскій былъ человѣкъ почтенный, очень добрый, но крайне апатичный; службою онъ мало интересовался. Мнѣ стоило всегда большого труда добиться у него доклада, вся его служебная дѣятельность ограничивалась подписываніемъ бумагъ, подлежащихъ его подписи. Въ той же степени мало онъ

интересовался и строевою частью. Осенью 1859 года я принялъ на законномъ основаніи 2-ю роту. За все время моего командованія этою ротою при князѣ Шаховскомъ, т. е. съ 1859 по 1862 годъ, онъ ни разу не посѣтилъ мою роту.

Понятно, что при подобномъ направленіи батальонъ не могъ совершенствоваться, и только благодаря прекрасному составу офицеровъ онъ не разстроился окончательно.

Въ 1862 году былъ назначенъ командиромъ нашего батальона, переименованнаго съ 1861-го года въ батальонъ Его Величества, флигель-адъютантъ полковникъ л.-гв. Преображенскаго полка А. А. Ребиндеръ. Назначеніе это совпало съ перемѣщеніемъ батальона за городъ; штабъ батальона и 3 роты были переведены въ г. Павловскъ, моя рота въ Царское Село, гдѣ въ 1863 году весь батальонъ былъ сосредоточенъ.

Полковникъ Ребиндеръ былъ человѣкъ благородный, добрый и какъ прослужившій 15 лѣтъ въ строю, удовлетворительно знающій службу, но благодаря прирожденной нерѣшительности, вялости, онъ скоро подпалъ подъ вліяніе батальоннаго адъютанта поручика Козлова, сдѣлавшагося фактически батальоннымъ командиромъ.

Въ это время оставилъ нашъ батальонъ камандиръ роты Его Величества флигель-адъютантъ капитанъ Янковскій. Рота Его Величества, которою камандовать считалось за особую честь, сдѣлалась вакантною. Полковникъ Ребиндеръ предполагалъ предложить ее мнѣ, но затѣмъ, вслѣдствіе просьбы фрейлины Великой Княгини Александры Іосифовны графини Комаровской, измѣнилъ свое намѣреніе и назначилъ командиромъ этой роты брата ея штабсъ-капитана графа Комаровскаго. Когда же нѣсколько мѣсяцевъ спустя графъ Комаровскій былъ назначенъ адъютантомъ Великаго Князя Константина Николаевича, то мнѣ было приказано вступить въ командованіе ротою Его Величества.

Въ началѣ 1863-го года, по случаю Польскаго возмущенія, 2-я гвард. пѣхотная дивизія была передвинута въ Литву, откуда въ скоромъ времени стали получаться извѣстія объ участіи этихъ войскъ въ стычкахъ съ шайками мятежниковъ. Крѣпко завидовали мы нашимъ товарищамъ, призваннымъ къ военнымъ дѣйствіямъ, въ то время, когда мы мирно стояли въ Царскомъ Селѣ. Но не долго продолжалось наше бѣдствіе. 13-го марта неожиданно пріѣзжаетъ къ намъ камандующій 1-ю гвард. пѣхотною дивизіею генералъ-маіоръ Дрентельнъ и объявляетъ намъ, что Высочайше повелѣно нашему батальону дви-

путься 15 марта въ Либаву для охраны прибрежья Балтійскаго моря между этимъ городомъ и Полангеномъ отъ высадки польскихъ выходцевъ, имѣющихъ, по свѣдѣніямъ нашего правительства, произвести дессантъ для поддержанія кипѣвшаго въ Ковенской губерніи мятежа. Къ этому генералъ Дрентельнъ присовокупилъ, что Государю Императору благоугодно произвести 14-го марта смотръ батальону въ Петербургѣ передъ выступленіемъ его въ походъ.

Работа закипѣла. Ребиндеръ растерялся совершенно, но благодаря энергическимъ и толковымъ распоряженіямъ Козлова, въ 36 часовъ все было приготовлено къ выступленію въ походъ. 14-го батальонъ представился на смотръ Государю и удостоился царскаго одобренія, и 15-го рано утромъ сѣлъ на Варшавскую желѣзную дорогу и двинулся въ полномъ порядкѣ въ Ригу.

На другой же день, по прибытіи въ этотъ городъ 4-я рота была двинута на подводахъ въ Либаву; при ней слѣдовалъ полковникъ Ребендеръ и штабъ батальона; остальныя три роты подъ моимъ начальствомъ, какъ старшаго въ ротѣ капитана, послѣдовали за ними обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ.

Походъ былъ веселый, всѣ были въ наилучшемъ настроеніи, ожидая участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; на пути помѣщики встрѣчали насъ самымъ радушнымъ образомъ, оказывая намъ на ночлегахъ и дневкахъ широкое гостепріимство.

Скоро по прибытіи въ городъ Либаву обнаружилось, что дессанта ожидать нельзя, и нашъ батальонъ получилъ приказаніе двинуться въ Ковенскую губернію, гдѣ поступить подъ начальство генералъ-лейтенанта барона Майделя, командовавшаго всѣми войсками, расположенными въ этой губерніи. По вступленіи въ предѣлы Ковенской губерніи, батальонъ былъ раздѣленъ, двѣ роты (3-я и 4-я) были расположены въ мѣстечкѣ Янишки, двѣ роты (Е. В. и 2) подъ моимъ начальствомъ въ городѣ Шавли. Батальонный штабъ былъ временно помѣщенъ въ г. Митавѣ, а затѣмъ передвинутъ въ г. Шавли. Командиръ батальона полковникъ Ребиндеръ, въ ожиданіи родовъ своей жены, отпросился въ отпускъ въ Царское Село; въ временное командованіе вступилъ младшій штабъ-офицеръ полковникъ В. П. Даниловъ.

Скоро послѣ моего прибытія въ г. Шавли было получено извѣстіе о появленіи недалеко отъ этого пункта шайки Мицкевича. По приказанію барона Майделя немедленно былъ сформированъ отрядъ (двѣ роты Стрѣлковаго Е. В. батальона и рота Нарвскаго пѣхотнаго полка), для преслѣдованія этой шайки. Начальство надъ этимъ отрядомъ было возложено на

меня. Въ теченіе десяти дней гнался я за этой шйкою, двигаясь за нею по направленію къ городу Поневѣжу, но безуспѣшно; не удалось ее настичь, и когда слѣды ея окончательно исчезли, я согласно данной мнѣ инструкціи возвратился въ г. Шавли. Двигаясь постоянно форсированнымъ маршемъ, мы сдѣлали, преслѣдуя шайку Мицкевича, не менѣе 300 верстъ, артельныя повозки, вслѣдствіи ихъ тяжести, пришлось бросить, питались мы тѣмъ, что находили на мѣстѣ. Офицеры и нижніе чины сильно утомились; болѣе всѣхъ я былъ утомленъ, ибо, по званію начальника отряда, былъ обязанъ, въ то время какъ прочіе отдыхали, дѣлать разспросы и собирать свѣдѣнія о движеніи шайки. Если я за все время десятидневнаго похода провелъ 30 часовъ во снѣ, такъ это много.

На другой же день по возвращеніи въ г. Шавли, было получено извѣстіе о появленіи шайки Яблоновскаго. Другихъ свободныхъ частей, кромѣ нашихъ двухъ стрѣлковыхъ ротъ, въ Шавляхъ не было, почему генералъ баронъ Майдель и рѣшилъ направить ихъ на поиски за Яблоновскимъ, но такъ какъ въ это время прибылъ въ Шавли полковникъ Даниловъ, то на него, какъ на старшаго, было возложено командованіе отрядомъ, въ составъ котораго вошли, кромѣ нашихъ двухъ ротъ, двѣ роты Эстляндскаго пѣхотнаго полка и полуэскадронъ Московскаго драгунскаго полка. Я вступилъ въ командованіе ввѣренною мнѣ ротою Его Величества. 9-го іюня мы выступили изъ Шавли и, сдѣлавъ переходъ въ 40 верстъ, прибыли поздно вечеромъ въ мѣстечко Попеляны. Почти ничего не ѣвши цѣлый день, мы сильно проголодались и сначала предполагали заказать себѣ ужинъ; но въ виду того, что мы рано утромъ на другой день должны были продолжать нашъ походъ, я отговорилъ прочихъ офицеровъ отъ этого намѣренія; было рѣшено немедленно ложиться спать и отложить ѣду до слѣдующаго утра. Это случайное обстоятельство спасло меня отъ смерти.

Не успѣлъ я еще заснуть, какъ посланный отъ полковника Данилова потребовалъ меня къ нему. Оказалось, что къ полковнику явилась латышка, извѣстившая его, что въ 15-ти верстахъ отъ Попелянъ, близъ помѣщичьей усадьбы въ лѣсу ночуетъ шайка Яблоновскаго. Не желая ее упустить, было рѣшено отряду немедленно выступить изъ Попелянъ съ предложеніемъ атаковать шайку Яблоновскаго рано утромъ, съ разсвѣтомъ. Надежда вступить въ бой пріободрила всѣхъ, была забыта усталость, и отрядъ бодро двинулся по направленію къ усадьбѣ, указанной латышкою. Приблизившись къ лѣсу, гдѣ

предполагался ночлегъ шайки, отрядъ перестроился въ боевой порядокъ. Въ первой линіи шли двѣ стрѣлковыя роты, имѣя впереди цѣпь, за ними двѣ роты Эстляндскаго полка. Лѣсъ былъ настолько густой, что драгуны оказались безполезными, отрядъ прикрылся боковыми пѣхотными патрулями.

Не дойдя приблизительно одну версту до усадьбы, прибѣгаетъ ко мнѣ начальникъ одного изъ патрулей, унтеръ-офицеръ моей роты Петровъ и докладываетъ мнѣ, что имъ замѣчены слѣды повозки, ведущіе вправо отъ дороги въ лѣсъ: „Не слѣды ли это повозки, направленной изъ усадьбы въ станъ мятежниковъ съ провизіею“, докладываетъ онъ мнѣ. Находя предположеніе унтеръ-офицера весьма вѣроятнымъ, я немедленно сообщилъ о немъ полковнику Данилову, совѣтуя ему приказать отряду остановиться и послать патрули для рекогносцировки той части лѣса, куда вели слѣды повозки, но Даниловъ на это не согласился, разсчитывая получить въ усадьбѣ болѣе точныя свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія шайки. Черезъ 1/4 часа мы дошли до усадьбы, оказавшейся покинутою всѣми обывателями, кромѣ одного батрака. Батракъ этотъ, допрошенный полковникомъ Даниловымъ, объяснилъ, что шайка Яблоновскаго ночуетъ недалеко отъ усадьбы и мѣсто ея нахожденія ему извѣстно, такъ какъ возилъ туда наканунѣ вечеромъ разную провизію. Взятый Даниловымъ въ проводники, онъ предложилъ отряду повернуть кругомъ. Вслѣдствіе этого роты Эстляндскаго полка оказались въ первой линіи, стрѣлковыя во второй. Дойдя до мѣста, гдѣ унтеръ-офицеромъ Петровымъ были замѣчены слѣды повозки, мы повернули влѣво. Нѣсколько минутъ спустя послышались выстрѣлы въ цѣпи ротъ Эстляндскаго полка; шайка Яблоновскаго была настигнута.

Впослѣдствіи появилось много горячихъ обвиненій противъ полковника Данилова за то, что вступилъ въ бой, не обрекогносцировавъ мѣстность. Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе Данилова. Баронъ Майдель, отправляя отряды въ поиски за шайками, несомнѣнно подтверждалъ всѣмъ начальникамъ отрядовъ, чтобы, настигнувъ шайки, они не теряли время, а рѣшительно ее атаковали. Иначе, присовокупилъ баронъ, она успѣетъ разбѣжаться, предварительно условившись, гдѣ вновь соберется, черезъ нѣсколько дней, конечно начальникъ отряда будетъ вправѣ донести, что имъ разбита шайка, но пользы отъ этого мало. Стремительно ее атаковавъ, отрядъ нанесетъ шайкѣ дѣйствительное пораженіе и уничтожитъ ее.

Это наставленіе барона, въ большинствѣ случаевъ вполнѣ

цѣлесообразное, оказалось въ дѣлѣ съ Яблоновскимъ не у мѣста. Шайка его рѣзко отличалась отъ прочихъ, бродившихъ въ Ковенской губерніи. Тщательно организованная, прекрасно вооруженная, составленная исключительно изъ дворянъ и шляхтичей безъ всякой примѣси всякаго сброда, она представляла дѣйствительную силу. Атакуй мы шайку часомъ раньше, мы застали бы ее вѣроятно врасплохъ; теперь же несомнѣнно извѣщенная о нашемъ движеніи, она имѣла время приготовиться къ бою и нужно дать справедливость предводителю ея Яблоновскому, распоряженія его были весьма искусны. Разсыпавъ цѣпь стрѣлковъ по густому лѣсу, онъ занялъ главную позицію за болотистою рѣчкою, при переходѣ черезъ которую мы были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

Продолжаю теперь мой разсказъ. Цѣпь стрѣлковъ Эстляндскихъ ротъ, продолжая движеніе по густому лѣсу, разорвалась; между ротами образовался значительный интервалъ. Желая его восполнить, я двинулъ мою роту изъ второй въ первую линію и сталъ между ротами Эстляндскаго полка; одновременно я послалъ одинъ взводъ въ цѣпь подъ начальствомъ поручика Гоголя. Такимъ образомъ образовался слѣдующій боевой порядокъ: двѣ роты Эстляндскаго полка и между ними моя рота въ первой линіи, 3-я рота стрѣлковъ въ резервѣ. Полуэскадрону драгунъ было приказано спѣшиться и выносить раненыхъ пѣхотинцевъ на перевязочный пунктъ.

Стрѣлки моей роты, разсыпанные въ цѣпи, завязали перестрѣлку; тутъ былъ тяжело раненъ поручикъ Гоголь; у него на глазахъ былъ убитъ одинъ изъ стрѣлковъ; онъ выхватилъ у него ружье и бросился на мятежника, убившаго стрѣлка, но тотъ, вооруженный двухстволкою, выстрѣлилъ въ поручика Гоголя и ранилъ его въ бедренную кость. Поручика Гоголя вынесли изъ цѣпи, начальство надъ которой принялъ взводный унтеръ-офицеръ.

Въ этотъ моментъ подъѣхалъ къ моей ротѣ полковникъ Даниловъ и подалъ сигналъ къ атакѣ. Стройно и бодро двинулись мои стрѣлки; я шелъ впереди роты; но когда мы выбрались изъ лѣса и подошли къ болотистой рѣчкѣ, я, тяжело раненый, свалился; пуля попала въ поясницу близъ позвоночнаго столба и засѣла въ лѣвомъ боку; очевидно, рана мнѣ была нанесена однимъ изъ мятежниковъ, уцѣлѣвшимъ въ лѣсу и выстрѣлившимъ въ меня сзади. Одновременно со мной выбылъ изъ строя прапорщикъ Данзасъ, тяжело раненый въ грудь. Въ ротѣ болѣе не осталось офицеровъ. Фельдфебель роты Романов-

скій выскочилъ впередъ и подъ его начальствомъ рота, не дрогнувъ, продолжала наступленіе. Попавъ въ болотистую рѣчку, стрѣлки, вязнувъ въ ней по животъ, медленно подвигались впередъ.

Тутъ подошелъ къ ней полковникъ Даниловъ; усмотрѣвъ, что роты Эстляндскаго полка, лишившіяся также почти всѣхъ своихъ офицеровъ, пріостановились, онъ остановилъ мою роту, отвелъ ее назадъ и, разсыпавъ по опушкѣ лѣса густую цѣпь, завязалъ живую перестрѣлку съ мятежниками, занимавшими противоположный берегъ рѣченки. Рѣшиться на вторую атаку было немыслимо; нанесенныя намъ потери были слишкомъ значительны; изъ ввѣренной мнѣ роты выбыли изъ строя всѣ офицеры и изъ ста нижнихъ чиновъ, которые составляли комплектъ роты, 37 человѣкъ „въ томъ числѣ 18 убитыхъ, 19 раненыхъ“.

Велики, хотя и не въ той же степени, были потери и въ прочихъ ротахъ. Всего уцѣлѣло, кромѣ полковника Данилова, одинъ гвардейскій офицеръ (прапорщикъ Евреиновъ) и два армейскихъ офицера. Тѣмъ не менѣе въ надеждѣ подкрѣпленія, намъ было извѣстно, что остальныя двѣ роты нашего батальона (3 и 4) двинуты подъ начальствомъ полковника Меженинова изъ Янишекъ также въ Попеляны. Къ сожалѣнію, роты эти присоединились къ нашему отряду только на другой день, т. е. 11 іюня, полковникъ Даниловъ продолжалъ бой до 4-хъ часовъ пополудни и рѣшился только тогда, въ виду полнаго утомленія людей, прекратить его и уйти обратно въ Попеляны. Командира 2-й роты штабъ-капитана Нейдгарда, смертельно раненаго, онъ самъ вынесъ изъ огня. Около 8 часовъ вечера отрядъ вернулся въ Попеляны.

Что касается меня, то, послѣ сдѣланной перевязки, меня положили на подводу, которую удалось добыть въ близъ лежащей деревнѣ, и отправили въ Попеляны. Рядомъ со мною на подводѣ лежалъ тяжело раненый стрѣлокъ моей роты Незвановъ, подводою правилъ раненый въ ногу унтеръ-офицеръ Петровъ. Страданія мои были ужасны, и въ почти безчувственномъ состояніи довезли меня до мѣста. На другой день пуля была вырѣзана старшимъ врачемъ батальона Евлановымъ; врачъ этотъ, не хирургъ, сдѣлалъ въ первый разъ въ жизни операцію. Благодаря тому, что я былъ раненъ на тощакъ, надѣялись, что пуля не задѣла кишекъ; была слабая надежда на мое выздоровленіе.

12-го іюня утромъ транспортъ съ ранеными былъ отправленъ въ Шавли. По приказанію полковника Данилова была наряжена, для прикрытія транспорта, моя рота. Въ тотъ же день отрядъ, присоединивъ прибывшія наканунѣ 3 и 4 роты, высту-

пилъ для преслѣдованія шайки Яблоновскаго. Двѣнадцать дней онъ гнался за ней, сдѣлавъ при этомъ отъ 300 до 400 верстъ, но тутъ было получено извѣстіе, что Яблоновскій настигнутъ отрядомъ полковника Пущина, совершенно случайно наткнувшагося на него, и послѣ кровопролитнаго дѣла, гдѣ и отрядъ Пущина понесъ значительныя потери, на голову разбитъ и шайка его разсѣяна.

Полковникъ Даниловъ прибылъ на мѣсто боя черезъ нѣсколько часовъ послѣ его окончанія.

Яблоновскій самъ спасся бѣгствомъ за границу; послѣ разсѣянія его шайки возмущеніе въ Ковенской губерніи почти прекратилось; хотя наши подвижныя колонны и продолжали двигаться по разнымъ направленіямъ, но серьезныхъ стычекъ съ мятежниками уже болѣе не было. Къ осени водворился въ губерніи полный порядокъ и спокойствіе

По пріѣздѣ раненыхъ въ г. Шавли стало извѣстно, что вмѣсто Ребиндера назначенъ командиромъ нашего батальона флигель-адъютантъ графъ Шуваловъ. Высшее начальство, недовольное тѣмъ, что Ребиндеръ отпросился въ отпускъ, въ то время, когда ввѣренный ему батальонъ принималъ участье въ военныхъ дѣйствіяхъ, не пожелало его возвращенія къ батальону, и онъ былъ назначенъ въ распоряженіе инспектора стрѣлковыхъ батальоновъ. Такого исхода онъ не ожидалъ, и, какъ намъ впослѣдствіи стало извѣстнымъ, онъ горько раскаивался въ своемъ минутномъ малодушіи.

Графъ Шуваловъ былъ человѣкъ молодой, энергичный, въ высшей степени любезный, своею обходительностью съумѣвшій быстро пріобрѣсти симпатію своихъ подчиненныхъ, но, какъ не служившій вовсе въ строю, совершенно незнакомый со службою. Первымъ проявленіемъ его дѣятельности была забота о раненыхъ. По его распоряженію былъ высланъ изъ Митавы въ Шавли прекрасный хирургъ докторъ Браклеръ, и подъ его наблюденіемъ и попеченіемъ всѣ раненые офицеры нашего батальона были перевезены изъ Шавли въ Митаву, гдѣ мы несравненно лучше могли быть помѣщены, вообще удобнѣе обставлены. Тѣмъ не менѣе переѣздъ для меня былъ весьма тяжелъ и не имѣлъ неблагопріятныхъ послѣдствій только благодаря неусыпнымъ заботамъ доктора Браклера.

Въ Митавѣ я пролежалъ около мѣсяца; тутъ пріѣхала ко мнѣ жена, и когда рана моя начала заживать и я окрѣпъ настолько, что могъ двинуться въ дальнѣйшій путь, я выѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ г. Гапсаль, гдѣ остался до конца августа.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, мы поселились въ Царскомъ Селѣ, я поправился настолько, что уже могъ ходить съ палкою.

Въ послѣднихъ числахъ декабря ожидалось возвращеніе батальона. По прибытіи его въ Царское навѣстили меня мои добрые товарищи, и тутъ батальонный адъютантъ Козловъ передалъ мнѣ непремѣнное желаніе графа Шувалова, чтобы 30 декабря на ожидаемомъ Царскомъ смотрѣ, я сталъ бы въ строй. На мое заявленіе, что я безъ палки ходить не могу, Козловъ замѣтилъ, что это не можетъ служить препятствіемъ. Желаніе графа Шувалова, чтобы я былъ на своемъ мѣстѣ, когда Государь объѣдетъ батальонъ, когда же батальонъ построится для церемоніальнаго марша, въ командованіе моею ротою можетъ опять вступить старшій офицеръ.

30-го декабря состоялся Высочайшій смотръ нашему батальону; батальонъ былъ построенъ развернутымъ фронтомъ по канавкѣ отъ Царскосельскаго дворца къ тріумфальнымъ воротамъ.

За нѣсколько минутъ до прибытія Государя, я подъѣхалъ въ экипажѣ къ батальону и сталъ на правый его флангъ. Его Величество милостиво поздоровался съ баталіономъ и поѣхалъ шагомъ по фронту. Нижніе чины были одѣты въ той же одеждѣ, въ которой совершили походъ; почти что у каждаго изъ нижнихъ чиновъ ввѣренной мнѣ роты были прострѣлены или шапки или шинель, слѣды боя подъ Попелянами. Возвращаясь назадъ, Государь милостиво благодарилъ батальонъ за походъ, и подъѣжая къ ротѣ Имени Его, сказалъ: „А Мою роту благодарю за выказанную храбрость и мужество“. Изъ личнаго доклада полковника Данилова, прибывшаго въ Петербургъ ранѣе батальона, по случаю назначенія камандиромъ армейскаго стрѣлковаго батальона, Его Величеству было извѣстно, что въ бою подъ Попелянами Его рота, лишившаяся всѣхъ офицеровъ, продолжала атаку подъ начальствомъ фельдфебеля. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, поздравилъ меня своимъ флигель-адъютантомъ.

Это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ моментовъ моей жизни. Въ то время въ строю было весьма мало флигель-адъютантовъ, и никогда я не мечталъ о счастьи и чести носить вензеля Государя.

Баталіономъ Государь остался вполнѣ доволенъ; горячо поблагодаривъ всѣхъ чиновъ за понесенные въ походѣ труды и лишенія, Его Величество поѣхалъ въ Царскосельскій дворецъ, откуда послѣ завтрака долженъ былъ отбыть по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ.

Я конечно также стремился въ Петербургъ, чтобы сообщить находящейся тамъ женѣ о своей радости. Пассажирскій поѣздъ долженъ былъ отойти только черезъ нѣсколько часовъ, но графъ Шуваловъ объяснилъ мнѣ, что, нося званіе флигель-адъютанта, я имѣю право ѣхать на Царскомъ поѣздѣ. Я поѣхалъ на станцію желѣзной дороги и сѣлъ въ свитскій вагонъ Царскаго поѣзда. Остальныя лица свиты Государя: генералъ-маіоръ графъ Шуваловъ 1, флигель-адъютанты Яновскій и Рылѣевъ, и командиръ нашего батальона графъ Шуваловъ ожидали Государя на платформѣ. Государь пригласилъ ихъ всѣхъ сѣсть къ Нему въ вагонъ, затѣмъ, обращаясь къ дежурному флигель-адъютанту Яновскому спросилъ его, не нахожусь ли и я въ поѣздѣ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Онъ послалъ за мной. Входя въ Царскій вагонъ, я видѣлъ, что всѣ мѣста въ отдѣленіи, гдѣ сидѣлъ Государь, были заняты, кромѣ кресла противъ Него. Я остановился въ недоумѣніи, куда мнѣ сѣсть. Государь указалъ мнѣ на кресло противъ Него. И такимъ образомъ я, еще нѣсколько часовъ тому назадъ мало извѣстный гвардейскій капитанъ, оказался внезапно ближайшимъ сосѣдомъ Государя.

Государь разговаривалъ всю дорогу со мной; Онъ разспрашивалъ о походѣ и о боѣ въ Попелянахъ. Я отвѣчалъ Ему съ полною откровенностью, передавая чистосердечно всѣ вынесенныя впечатлѣнія. Вообще Онъ былъ ко мнѣ безконечно добръ и милостивъ, и этою Его милостью я пользовался неизмѣнно со дня моего назначенія флигель-адъютантомъ до кончины моего Незабвеннаго Благодѣтеля, т. е. въ теченіе слишкомъ семнадцати лѣтъ.

Въ концѣ февраля 1864 года я поправился настолько, что могъ явиться въ батальонъ и вступить въ командованіе ротою. Будучи старшимъ капитаномъ въ батальонѣ, хорошимъ строевымъ офицеромъ и опытнымъ въ дѣлахъ службы, графъ Шуваловъ постоянно обращался ко мнѣ за совѣтами. Тутъ установились между нами тѣ близкія и дружескія отношенія, которыя продолжались долгіе годы, желалъ бы я сказать, которыя продолжались по настоящее время. Но, къ сожалѣнію, я этого сказать не могу. Послѣ моего назначенія въ 1889 году членомъ Военнаго Совѣта, наши близкія и дружескія отношенія прекратились внезапно, и не по моей винѣ.

Для окончательнаго поправленія здоровья я лѣтомъ 1864 года былъ уволенъ въ трехъ-мѣсячный отпускъ за границу. Проѣздомъ черезъ Берлинъ я разсчитывалъ посовѣтоваться съ

знаменитымъ хирургомъ Лангенбекомъ и просить его указанія, на какія именно воды направиться. Въ это время происходила Прусско-Датская война; профессоръ Лангенбекъ находился при дѣйствующей арміи, но наканунѣ моего пріѣзда въ Берлинъ вернулся туда. Я отправился къ нему; онъ осмотрѣлъ мою рану и посовѣтовалъ ѣхать въ Пирмонтъ. „На этихъ водахъ", присовокупилъ онъ, „находится прекрасный врачъ, докторъ Валентинеръ, я напишу ему письмо, подробно опишу результатъ моего осмотра и сдѣлаю нужныя указанія; пріѣжайте завтра за письмомъ".

Уплативъ доктору Лангенбеку нужное вознагражденіе и заручившись письмомъ, я уѣхалъ въ Пирмонтъ. По пріѣздѣ туда, я обратился къ доктору Валентинеру и передалъ ему письмо профессора Лангенбека. Онъ открылъ его при мнѣ и просилъ меня указать, въ какую именно часть плеча я раненъ. Я отвѣтилъ, что раненъ не въ плечо, а поясницу. Сначала я никакъ не могъ объяснить себѣ вышеописанное недоразумѣніе, впослѣдствіи же оно вполнѣ выяснилось. Оказалось, что г-нъ Валентинеръ весною, передъ началомъ курса, объѣзжаетъ всѣ врачебныя знаменитости съ просьбою направлять больныхъ, коимъ необходима желѣзная вода на его попеченіе въ Пирмонтъ, уплачивая вѣроятно за каждаго высланнаго паціента извѣстное вознагражденіе. Письмо профессора Лангенбека не заключало въ себѣ никакихъ указаній относительно моего лѣченія, а было написано съ исключительною цѣлью, чтобы я обратился къ господину Валентинеру, а не иному врачу.

Сознаюсь, что я былъ глубоко возмущенъ. Господинъ Валентинеръ, имѣя на своемъ попеченіи массу больныхъ, не имѣлъ возможности внимательно слѣдить за лѣченіемъ каждаго. Въ концѣ курса я совершенно пересталъ обращаться къ нему и руководствовался при пріемѣ воды собственными соображеніями. Тѣмъ не менѣе выдалъ ему передъ отъѣздомъ вознагражденіе въ томъ размѣрѣ, какъ было принято уплачивать на Пирмонтскихъ водахъ. Конечно, я вынесъ не высокое мнѣніе о добросовѣстности нѣмецкихъ врачей.

По возвращеніи въ Россію, я вновь вступилъ въ командованіе ротою, въ ожиданіи скораго производства въ полковники. Но мнѣ не довелось дождаться штабъ-офицерскаго чина, служа въ батальонѣ. 6-го ноября 1864 года состоялось Высочайшее повелѣніе о моемъ отчисленіи отъ фронта въ свиту Его Величества. Въ то время это считалось особымъ отличіемъ.

Состоя въ Свитѣ Государя, я былъ командированъ въ 1865

и 1866 г. для наблюденія за рекрутскимъ наборомъ въ Вятскую и Владимірскую губерніи, и для осмотра расположенныхъ въ этихъ губерніяхъ резервныхъ батальоновъ. Командировка эта представляла тотъ интересъ, что дала мнѣ возможность ознакомиться съ жизнью внутри Россіи. По возвращеніи въ Петербургъ, я представилъ отчетъ по командировкамъ военному министру. Отчетами этими остались довольны.

Въ октябрѣ 1866 года въ день свадьбы нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, подошелъ ко мнѣ на выходѣ начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ графъ Гейденъ и сказалъ мнѣ, что военный министръ имѣетъ въ виду испросить Высочайшее повелѣніе на мое командированіе въ восточную Сибирь для наблюденія за рекрутскимъ наборомъ, осмотра всѣхъ расположенныхъ тамъ мѣстныхъ войскъ и ревизіи военныхъ управленій, но прежде чѣмъ доложить объ этомъ Государю, генералъ-адъютантъ Милютинъ приказалъ меня спросить, согласенъ ли я на эту командировку.

Имѣя постояннымъ правиломъ не отказываться ни отъ какой службы, я отвѣтилъ графу Гейдену, что готовъ ѣхать.

Въ ноябрѣ состоялось по военному министерству Высочайшее повелѣніе о моемъ командированіи въ восточную Сибирь. Вслѣдъ за этимъ я былъ вызванъ къ шефу жандармовъ графу Шувалову, который объявилъ мнѣ, что, пользуясь моею поѣздкою въ Иркутскъ, онъ испросилъ Высочайшее повелѣніе на возложеніе на меня особаго конфиденціальнаго порученія. „Въ послѣднее время“, сказалъ графъ, „стало поступать на его имя множество доносовъ изъ восточной Сибири, обвиняющихъ мѣстную администрацію въ недостаточномъ надзорѣ за политическими ссыльными. Заявленія эти повторяются съ такою настойчивостью, что Государь Императоръ, принимая во вниманіе бывшіе въ 1865 году серьезные безпорядки, вызванные политическими ссыльными, повелѣлъ, по его докладу, возложить на меня подробное разслѣдованіе положенія ссыльныхъ въ восточной Сибири. При чемъ Высочайше повелѣно на время моей командировки подчинить мнѣ, на правахъ шефа жандармовъ, всѣ находящіяся въ Сибири жандармскія управленія, съ тѣмъ, чтобы я, въ случаѣ надобности, образовалъ особую слѣдственную комиссію, возложивъ на себя обязонность предсѣдателя. Генералъ-губернаторъ восточной Сибири генералъ Корсаковъ ожидается въ началѣ 1867 года въ Петербургъ“; „такимъ образомъ“, прибавилъ графъ, „вы его не застанете на мѣстѣ и вамъ будутъ руки вполнѣ развязаны. Завтра вы получите письменное предписаніе, къ кото-

рому будутъ приложены доносы, обвиняющіе мѣстное начальство въ недостаткѣ надзора за ссыльными и въ разныхъ послабленіяхъ".

Вслѣдствіе вышеизложеннаго командировка моя въ Сибирь получила особое значеніе. 6-го декабря я выѣхалъ изъ Петербурга, наканунѣ откланявшись Его Величеству.

Неудаченъ былъ мой переѣздъ изъ Петербурга въ Москву. Ночью загорѣлся спальный вагонъ, въ которомъ я ѣхалъ. Къ счастію поѣздъ былъ остановленъ; я выскочилъ изъ вагона въ чемъ былъ одѣтъ; вторично въ вагонъ войти было невозможно, и вся моя теплая одежда, приготовленная для дальняго путешествія сгорѣла. Къ моему благополучію деньги и бумаги находились въ сумкѣ, надѣтой на мнѣ, и уцѣлѣли такимъ образомъ.

По пріѣздѣ въ Москву пришлось тамъ остановиться на нѣсколько дней, чтобы вновь обмундироваться.

Это было впрочемъ единственное непріятное приключеніе случившееся со мною во всю дорогу. Весь путь въ Иркутскъ и обратно я совершилъ замѣчательно благополучно; даже не было особенно сильныхъ морозовъ и вьюгъ, столь обыкновенныхъ въ это время года.

До города Ачинска, перваго попутнаго города восточной Сибири, я слѣдовалъ безостановочно. Начиная съ этого города, я ѣхалъ ночью, а днемъ осматривалъ лежащіе на пути этапные пункты и конвойныя команды. Первая остановка была въ Красноярскѣ, куда пріѣхалъ наканунѣ новаго года. Тутъ я переночевалъ и послѣ 24 дней, проведенныхъ въ дорогѣ, въ первый разъ легъ въ кровать. 7-го января я прибылъ въ Иркутскъ.

Представившись мѣстнымъ властямъ и ознакомившись съ обществомъ, я взялся за исполненіе возложеннаго на меня порученія по военной части. Пріѣздъ мой въ Иркутскъ произвелъ на всѣхъ громадное впечатлѣніе, тридцать лѣтъ не было въ восточной Сибири командированнаго по Высочайшему повелѣнію флигель-адъютанта. Общее мнѣніе было, что на меня возложено особое секретное порученіе, но когда я съ полнымъ рвеніемъ взялся за осмотръ частей и ревизію военныхъ управленій, все успокоилось и повѣрило, что въ этомъ только состоитъ цѣль мой командировки.

Полкѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Иркутскѣ, я началъ объѣзды по краю. Подъ предлогомъ наблюденія за рекрутскимъ наборомъ, я направился въ тѣ пункты, гдѣ были поселены политическіе ссыльные; по пути я осматривалъ ссыльно-каторжные разводы.

Объѣзды эти, равно и разспросы мѣстныхъ жителей, привели меня къ убѣжденію, что особыхъ послабленій со стороны мѣстныхъ властей, въ надзорѣ за ссыльными не существуетъ, но рядомъ съ этимъ обнаружился фактъ, совершенно неизвѣстный министерствамъ въ Петербургѣ. На заводахъ для каторжниковъ почти что не было работъ: они проводили время въ полномъ бездѣйствіи, при чемъ, обезпеченные отъ правительства всѣмъ необходимымъ, ихъ положеніе было несравненно легче лицъ, сосланныхъ на поселеніе, которые сами должны были пріобрѣтать необходимыя средства къ пропитанію, и при невозможности ихъ найти, подвергались большимъ лишеніямъ. По сему предмету мною была составлена особая записка, которая была представлена, по возвращеніи въ Петербургъ, лично Государю Императору, и по повелѣнію Его Величества передана въ Комитетъ министровъ. При разсмотрѣніи этой записки въ комитетѣ министровъ я присутствовалъ, при чемъ былъ вызванъ изъ Москвы, гдѣ въ то время уже командовалъ полкомъ.

Между прочими городами я посѣтилъ и Кяхту, откуда былъ приглашенъ мѣстнымъ китайскимъ губернаторомъ на праздникъ въ Маймачинъ. Тамъ я провелъ цѣлый день, присутствовалъ на данномъ губернаторомъ парадномъ обѣдѣ, при чемъ отвѣдалъ отвратительную китайскую кухню, во всей подробности осмотрѣлъ городъ и былъ на спектаклѣ въ театрѣ. Все это представляло для меня громадный интересъ.

Окончивъ всѣ данныя мнѣ порученія и составивъ по всѣмъ подробные отчеты, я выѣхалъ въ первыхъ числахъ марта изъ Иркутска обратно въ Петербургъ. Желая воспользоваться послѣднимъ саннымъ путемъ, я ѣхалъ день и ночь, и прибылъ на 16-ый день, по выѣздѣ изъ Иркутска, въ Нижній-Новгородъ, сдѣлавъ въ этотъ срокъ около 4.500 верстъ.

Желая вознаградить себя за испытанныя въ дорогѣ лишенія, я заказалъ себѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ роскошный обѣдъ, но каково было мое разочарованіе, послѣ нѣсколькихъ ложекъ съѣденнаго супа, я болѣе ничего ѣсть не могъ; желудокъ мой отвыкъ отъ пищи. Правильный аппетитъ возстановился у меня только нѣсколько дней спустя по возвращеніи въ Петербургъ.

Государь Императоръ принялъ меня самымъ милостивымъ образомъ. Онъ подробно разспрашивалъ о всемъ, что видѣлъ въ Восточной Сибири, и я провелъ у Него въ кабинетѣ болѣе получаса. Горячо поблагодаривъ меня за исполненное порученіе, Онъ приказалъ мнѣ представить отчетъ о положеніи поли

тическихъ ссыльныхъ шефу жандармовъ графу Шувалову, которымъ я въ тотъ же вечеръ и былъ принятъ. Графъ Шуваловъ остался настолько доволенъ доставленными ему свѣдѣніями, что онъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, доложилъ Государю, что моя командировка въ Восточную Сибирь доказала, на сколько могутъ быть полезны подобныя командировки. Черезъ годъ, когда у него сдѣлалась вакантною должность Начальника штаба, онъ ходатайствовалъ передъ Его Величествомъ о моемъ назначеніи на эту должность. Но Государь не изъявилъ на это свое согласіе, объявивъ графу, что я, какъ отличный строевой офицеръ, нуженъ ему для строя. И слава Богу, что эта чаша меня миновала.

По военной части я представилъ генералъ-адъютанту Милютину отчетъ въ 100 листовъ. Повидимому онъ остался имъ доволенъ; по его ходатайству мнѣ былъ пожалованъ къ Святой прямо Орденъ Св. Анны 2-й степени съ короною.

Командировка моя въ Сибирь имѣла рѣшающее вліяніе на мою дальнѣйшую службу. Государь Императоръ началъ оказывать мнѣ особое вниманіе, замѣтно отличалъ передъ другими, неоднократно назначалъ меня состоять при Его Особѣ, во время путешествій по Россіи, и 30-го августа 1867 года назначилъ меня, 31-го лѣтняго полковника, командиромъ 1-го Лейбъ-Гренадерскаго Екатеринославскаго Имени Его полка, при чемъ объявилъ командующему войсками Московскаго военнаго округа генералъ-адъютанту Гильденштуббе, что онъ избралъ для командованія этимъ полкомъ меня, какъ одного изъ отличнѣйшихъ его флигель-адъютантовъ.

Въ первыхъ числахъ сентября 1867 года я переѣхалъ въ Москву и вступилъ въ командованіе Лейбъ-Екатеринославскимъ полкомъ. Полкъ я нашелъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Хотя и было ведено хозяйственное управленіе, но de facto всѣмъ распоряжался лично бывшій командиръ полка флигель-адъютантъ полковникъ Брантъ. Онъ между прочимъ самъ заготавливалъ сапожный товаръ, который, по полученіи, нижніе чины продавали за безцѣнокъ, какъ совершенно негодный; продовольствіе нижнихъ чиновъ было неудовлетворительное, провизію доставлялъ подрядчикъ, съ которымъ полковникъ Брантъ лично заключилъ контрактъ, почему протесты противъ недоброкачественности продуктовъ не имѣли успѣха. Хозяйственныхъ суммъ въ полку не существовало, все до копейки было выведено въ расходъ. Все это творилось на глазахъ у начальника дивизіи генералъ-лейтенанта Моллера. Во всѣхъ прочихъ пол-

кахъ дивизіи существовали, какъ я узналъ впослѣдствіи, болѣе или менѣе такіе же порядки.

Хозяйственныя управленія были введены въ полкахъ дивизіи съ 1-го января 1867 года. По закону за хозяйственную часть отвѣчалъ уже не командиръ полка, а штабъ-офицеръ, завѣдывающій хозяйствомъ. Мнѣ оставалось принять полкъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ, или просить о назначеніи формальнаго слѣдствія. Я рѣшился на первое, надѣясь привести полкъ исподоволь въ порядокъ. Впослѣдствіи командующій войсками Московскаго военнаго округа ген.-ад. Гильденштуббе выразилъ мнѣ свое удивленіе, какъ я могъ полкъ принять въ такомъ видѣ, но когда я его спросилъ, пріятно ли ему было бы, если бы я просилъ о назначеніи слѣдствія, то онъ выразилъ мнѣ за мой образъ дѣйствій искреннюю благодарность, тѣмъ болѣе, что въ то время полкъ былъ приведенъ къ полный порядокъ, и въ казенномъ ящикѣ лежало нѣсколько тысячъ рублей хозяйственныхъ суммъ.

Скоро послѣ моего вступленія въ командованіе полкомъ пріѣхалъ ко мнѣ командиръ 3 Гренадерскаго Перновскаго полка полковникъ Меженіновъ, старый мой товарищъ по стрѣлковому батальону, и выразилъ надежду, что я буду командовать полкомъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ предмѣстникъ мой, полковникъ Брантъ.

Я отвѣтилъ ему рѣшительнымъ отказомъ и посовѣтовалъ и ему измѣнить систему командованія полкомъ. Къ несчастью для него, онъ меня не послушался. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда я уже командовалъ Павловскимъ полкомъ, казначей Перновскаго полка проворовался, было назначено слѣдствіе; которое обнаружило существующія въ полку злоупотребленія. Полковникъ Меженіновъ былъ преданъ суду и исключенъ изъ службы.

Также неудовлетворительно было общество офицеровъ въ Лейбъ-Екатеринославскомъ полку. Общество было раздѣлено на партіи.

Наитруднѣйшая задача моя была—подъемъ офицерскаго состава. Исключивъ наивреднѣйшихъ офицеровъ, нравственно вліяя на остальныхъ, устанавливая правильные порядки въ полку, мнѣ удалось успѣшно разрѣшить эту задачу.

Ежегодно осенью генералъ-адъютантъ Гильденштуббе производилъ такъ называемые смотры полкамъ 1-й Гренадерской дивизіи. Смотры эти заключались въ осмотрѣ обмундированія, выправки и наружнаго вида людей.

Въ октябрѣ 1867 года я представилъ ввѣренный мнѣ полкъ на смотръ въ большомъ манежѣ. Генералъ-адъютантъ Гильденштуббе, до котораго дошли слухи о печальномъ состояніи, въ которомъ полковникъ Брантъ сдалъ мнѣ полкъ, и о существовавшихъ при немъ злоупотребленіяхъ, и желая показать полное свое неудовольствіе полковнику Бранту, отнесся къ полку чрезвычайно сурово. Оставшись недовольнымъ обмундированіемъ, стойкою и въ особенности наружнымъ видомъ людей, онъ выразилъ въ рѣзкихъ словахъ свое неудовольствіе, объявляя офицерамъ, что ему представилась на смотръ не строевая часть, а безпорядочная толпа.

По приводѣ полка въ казармы, я былъ встрѣченъ на плацу адъютантомъ командующаго войсками, который при офицерахъ передалъ мнѣ приглашеніе генералъ-адъютанта Гильденштуббе, пріѣхать къ нему къ обѣду. Этимъ приглашеніемъ генералъ хотѣлъ очевидно подчеркнуть, что неудовольствіе его относится не ко мнѣ, а къ бывшему командиру полка.

За обѣдомъ, къ которому, кромѣ меня, никто не былъ приглашенъ, А. И. Гильденштуббе, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что я намѣренъ сдѣлать для исправленія полка. „Не дурная выправка, не плохое обмундированіе, безпокоятъ меня“, сказалъ генералъ „а огорчаетъ меня дурной видъ людей. Солдаты смотрятъ волками“.

Я позволилъ себѣ отвѣтить его высокопревосходительству, что все это скоро измѣнится. „Буду хорошо кормить людей, буду заботиться о томъ, чтобы все положенное отъ казны доходило до нихъ, и солдаты перестанутъ смотрѣть волками“.

Обѣщаніе мое исполнилось блестящимъ образомъ. Не прошло и года, и генералъ Гильденштуббе не могъ налюбоваться полкомъ. Онъ сталъ его наилюбимѣйшимъ.

Не могу тутъ но вспомнить съ глубокою благодарностью генералъ-адъютанта Гильденштуббе. За все время моего командованія полкомъ онъ оказывалъ мнѣ постоянную поддержку, помогалъ добрыми совѣтами и указаніями. Будучи отличнымъ строевымъ генераломъ, у него можно было поучиться весьма многому. Будучи строгимъ и требовательнымъ, онъ рядомъ съ этимъ былъ въ высшей степени справедливымъ начальникомъ. Лицамъ, относящимся добросовѣстно къ службѣ, было отлично служить подъ его начальствомъ.

Лѣтомъ 1869 года пріѣхалъ въ Москву Государь Императоръ. На другой день послѣ Его пріѣзда, былъ большой выходъ, а затѣмъ Его Величество присутствовалъ при разводѣ съ цере-

моніею 3-го батальона ввѣреннаго мнѣ полка, коимъ остался отмѣнно доволенъ.

Послѣ развода Государь уѣхалъ въ село Ильинское, куда я также немедленно направился для представленія роты Его Величества, командированной въ Ильинское для занятія карауловъ на все врмя пребыванія Ихъ Величествъ.

Наружный видъ людей Государю очень понравился, желая же ознакомиться съ строевымъ образованіемъ роты, онъ назначилъ ей смотръ на другой день, повелѣвъ, кромѣ меня, никому изъ начальствующихъ лицъ на смотрѣ не присутствовать. Смотръ удался вполнѣ. Его Величество остался отмѣнно доволенъ.

Въ Ильинскомъ я приглашался ежедневно къ Высочайшему столу, къ обѣду и завтраку. Государь и Императрица были ко мнѣ чрезвычайно милостивы и добры.

Въ виду назначеннаго въ Москвѣ Высочайшаго смотра войскамъ лагернаго сбора, Государь приказалъ отправить роту Екатеринославскаго полка временно въ Москву для участья на парадѣ. На время же ея отсутствія изъ Ильинскаго замѣнить ее ротою губернскаго батальона по распоряженію командующаго войсками.

Наканунѣ смотра, рота выступила изъ Ильинскаго.

Смотромъ Государь остался въ полной мѣрѣ доволенъ. Собравъ послѣ парада начальниковъ частей, онъ выразилъ всѣмъ искреннюю благодарность, сказавъ, что лучше всѣхъ представился Лейбъ-Екатеринославскій полкъ.

Послѣ парада я немедленно отправилъ роту Его Величества въ с. Ильинское (29 верстъ отъ Москвы), приказавъ командиру роты поручику Матвѣенко (впослѣдствіи флигель-адютанту) распорядиться такъ, чтобы ко времени вечерней прогулки Государя рота занимала караулы. Чтобы облегчить людей, я приказалъ назначить нѣсколько подводъ подъ солдатскіе ранцы Приказаніе мое было въ точности исполнено. Когда послѣ обѣда, въ 8 часовъ, Государь вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, гостившимъ у него, выѣхалъ изъ Ильинскихъ воротъ, на часахъ стояли екатеринославцы. Его Величество былъ пораженъ, остановилъ экипажъ и благодарилъ людей. Императоръ Александръ II былъ чрезвычайно чутокъ къ подобнымъ знакамъ вниманія и очень ихъ цѣнилъ. Мнѣ разсказалъ князь Барятинскій, какъ Государя удивилъ необыкновенно быстрый переходъ роты изъ Москвы въ Ильинское и бодрый и молодецкій видъ людей.

На другой день я поѣхалъ въ Ильинское и былъ по установленному порядку приглашенъ къ Высочайшему обѣденному столу. Послѣ обѣда Государь отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ слѣдующія достопамятныя слова: „Еще разъ спасибо тебѣ за полкъ: я долженъ тебѣ сказать, что мое самолюбіе страдало, видя, что Мой полкъ послѣдній въ корпусѣ; теперь успокоился; благодаря тебѣ, онъ сталъ первымъ".

Слова эти глубоко врѣзались въ моей памяти. Лучшую награду за службу, хлопоты и заботы о полкѣ получить было невозможно.

Во время пребыванія Государя въ Ильинскомъ я сильно захворалъ. У меня открылась рана, и я пролежалъ нѣсколько недѣль въ страшныхъ страданіяхъ въ кровати. На слѣдующіе Высочайшіе смотры я не могъ выѣхать. Когда на послѣднемъ изъ нихъ являлся къ Государю съ рапортомъ полковой адъютантъ поручикъ Афанасовичъ, то Его Величество сказалъ ему: „Передай командиру полка, что я въ полной мѣрѣ доволенъ полкомъ, одно „о чемъ я сожалѣю, что не видѣлъ его передъ полкомъ. Желаю ему скораго выздоровленія".

Изъ Москвы Государь поѣхалъ въ Ливадію.

Нѣсколько поправившись послѣ болѣзни, я испросилъ 6-ти недѣльный отпускъ и проѣхалъ на морскія купанья въ Ялту куда прибылъ въ половинѣ августа. На другой день послѣ пріѣзда, я поѣхалъ въ Ливадію представиться Государю. Его Величество былъ боленъ лихорадкою и, какъ мнѣ сказали, не принималъ никого. Тѣмъ не менѣе графъ Адлербергъ доложидъ Ему о моемъ пріѣздѣ. Государь былъ такъ милостивъ, что разрѣшилъ мнѣ представиться Ему. Вышелъ Онъ ко мнѣ въ халатѣ.

Разспросивъ меня о состояніи здоровья, Онъ сказалъ мнѣ, что рота Лейбъ-Эриванскаго полка, занимающая караулы въ Ливадіи, Ему очень напоминаетъ роту Лейбъ-Екатеринославскаго полка. „Поѣзжай и осмотри роту", прибавилъ Его Величество.

Черезъ нѣсколько дней Государь произвелъ смотръ этой ротѣ. Я былъ приглашенъ присутствовать на смотрѣ, и тутъ Государь неоднократно обращался ко мнѣ съ разными вопросами.

Въ послѣднихъ числахъ сентября я вернулся въ Москву. Тутъ ожидалъ меня непріятный сюрпризъ. Контрольною палатою былъ сдѣланъ на полкъ начетъ въ 50.000 рублей. Такъ какъ начетъ этотъ касался исключительно продовольственной части, то я поручилъ полковому квартирмейстеру штабсъ-ка-

питану Завилейскому подробно его разсмотрѣть и представить нужныя объясненія. Въ виду сложности и серьезности этой работы, я освободилъ его отъ всѣхъ прочихъ служебныхъ занятій.

Штабсъ-капитанъ Завилейскій, работавъ неустанно въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, представилъ, основываясь на документахъ, требуемыя объясненія, которыя, по препровожденіи ихъ въ контрольную палату, были ею признаны правильными, и начетъ былъ сложенъ до послѣдней копейки. Это было мое первое знакомство съ контрольнымъ вѣдомствомъ; не скрою, что оно не пріобрѣло мои симпатіи. Уже не говоря о причиненной неправильнымъ начетомъ тревогѣ, онъ вызвалъ громадную канцелярскую работу и заставилъ отвлечь одного изъ необходимѣйшихъ чиновъ полкового штаба отъ исполненія прямыхъ лежащихъ на немъ обязанностей на весьма продолжительное время, чѣмъ былъ нанесенъ служебнымъ интересамъ прямой вредъ.

Въ августѣ 1870 года я имѣлъ счастье представить вторично ввѣренный мнѣ полкъ Государю Императору.

Его Величество произвелъ цѣлую серію смотровъ.

На смотрѣ стрѣльбы всѣ роты Екатеринославскаго полка, вызванныя для стрѣльбы, дали результатъ выше отличнаго. Полкъ сталъ первымъ въ дивизіи. Тутъ Государь Императоръ объявилъ мнѣ, что Онъ назначитъ меня въ скоромъ времени командующимъ Л.-Гв. Павловскимъ полкомъ. Генералъ-адъютанту Гильденштуббе Онъ сказалъ о томъ же, присовокупивъ, что гвардейское начальство не довольно генералъ-маіоромъ Брантомъ, настаиваетъ на смѣнѣ его, и что Онъ надѣется, что я такъ же быстро исправлю Павловскій полкъ, какъ Лейбъ-Екатеринославскій.

Послѣднее ученье въ Высочайшемъ присутствіи былъ дивизіонный маневръ. Когда ввѣренный мнѣ полкъ вступилъ въ боевую линію, Государь Императоръ подозвалъ къ Себѣ генералъ-адъютанта Гильденштуббе и обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Желая, чтобы ты носилъ вмѣстѣ со мною мундиръ этого славнаго полка, Я тебя зачисляю въ списки его“. Пожалованіе полкового мундира считалось въ то время очень высокою наградою.

17 сентября 1870 года состоялось мое назначеніе командующимъ Л.-Гв. Павловскимъ полкомъ. Сдавъ Лейбъ-Екатеринославскій полкъ флигель-адъютанту полковнику Эллису я выѣхалъ въ концѣ сентября изъ Москвы.

При представленіи Государю Императору въ Царскомъ Селѣ, по случаю новаго назначенія, Его Величество осчастливилъ меня слѣдующими словами: „Еще разъ тебѣ спасибо за командованіе Екатеринославскимъ полкомъ. Я сказалъ твоему преемнику, что единственное мое желаніе, чтобы полкъ этотъ остался при немъ въ томъ же превосходномъ состояніи, въ которомъ онъ его принялъ отъ тебя. Что же касается Павловскаго полка, то шефъ его проситъ тебя полюбить его".

Я былъ тронутъ до глубины души. Воспоминаніе объ этомъ днѣ не изгладится никогда изъ моей памяти.

Павловскій полкъ я нашелъ въ изрядно разстроенномъ состояніи. Не было тѣхъ злоупотребленій по хозяйственной части, какъ въ Екатеринославскомъ полку, но общество офицеровъ оставляло желать весьма многаго. Оно было раздѣлено на партіи, старшіе офицеры не имѣли должнаго вліянія, множество офицеровъ было обременено непосильными долгами. Генералъ-маіоръ Брантъ, оказывая явное пристрастіе къ нѣкоторымъ, далеко не лучшимъ офицерамъ, усилилъ разладъ.

Сознавая, что основаніемъ благоустройства полка служитъ общество офицеровъ, мои главныя усилія были направлены къ улучшенію состава офицеровъ. Относясь безпристрастно ко всѣмъ, строго слѣдя за службою каждаго, подавая личный примѣръ точнаго исполненія служебныхъ обязанностей, часто принимая офицеровъ у себя, мнѣ удалось исподоволь, почти безъ крутыхъ мѣръ, вывести партіи, установить должное единодушіе и поднять общество офицеровъ на степень, приличествующую гвардейскому полку. Результатъ этотъ не замедлилъ отразиться на общемъ благоустройствѣ полка.

Павловскій полкъ скоро пріобрѣлъ репутацію отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ полка.

Не мало содѣйствовала мнѣ въ моихъ трудахъ постоянная поддержка всѣхъ начальствующихъ лицъ, а въ особенности неизмѣнно милостивое вниманіе Государя Императора. Офицеры, отъ которыхъ подобное проявленіе не ускользало, подчинились легче моимъ требованіямъ.

Сохранился въ моей памяти одинъ случай, когда особенно рельефно выразилось расположеніе ко мнѣ Государя. На одномъ изъ разводовъ съ церемоніею, отъ армейской части, Его Величество былъ оцѣтъ въ формѣ Лейбъ-Екатеринославскаго полка. Когда полковые адъютанты съ фельдфебелями парадировали мимо него, Государь подозвалъ къ себѣ адъютанта Павловскаго полка штабсъ-капитана Эндена и приказалъ ему мнѣ

передать, что желаетъ меня видѣть. Когда я подошелъ къ Его Величеству, Онъ обратился ко мнѣ, показывая на свой воротникъ, съ слѣдующими словами: „Я желалъ, чтобы ты видѣлъ, что я по-прежнему люблю и ношу мундиръ Екатеринославскаго полка". Слова эти немедленно облетѣли весь манежъ и не мало подняли меня въ глазахъ моихъ офицеровъ.

Несомнѣнно, что Государю было извѣстна трудность моего положенія. Оказывая мнѣ явно знакъ своего милостиваго вниманія, Онъ захотѣлъ меня поддержать.

Командованіе Павловскимъ полкомъ было однимъ изъ счастливѣйшихъ періодовъ моей жизни, и масса дорогихъ воспоминаній связана съ этимъ временемъ. Пришлось мнѣ занять впослѣдствіи несравненно высшія служебныя положенія, сдѣлаться вліятельнымъ человѣкомъ, видѣть себя окруженнымъ лестью и ухаживаніемъ, но, рядомъ съ этимъ, росло число завистниковъ и недоброжелателей, и явилось сознаніе, чѣмъ выше человѣкъ подымается, тѣмъ болѣе у него заботъ и огорченій.

Свято храня завѣтъ Государя полюбить полкъ, я дѣлалъ все зависящее отъ меня для всесторонняго его улучшенія. Не жалѣлъ я для этого трудовъ и пали они не на неблагодарную почву. Какъ мнѣ извѣстно, еще въ настоящее время вспоминаютъ меня съ благодарностью въ полку.

Пріобрѣтя репутацію отличнаго полкового командира, меня стали привлекать и къ постороннимъ занятіямъ. Въ Петербургскомъ округѣ почти не было комиссіи или комитета, въ составъ которыхъ я бы не былъ назначенъ. Всѣ вышедшіе въ семидесятыхъ годахъ пѣхотные уставы, разныя инструкціи и положенія подписаны мною.

Въ особенности много мнѣ пришлось трудиться въ главномъ комитетѣ по образованію войскъ; я былъ, за все время командованія полкомъ, усерднымъ помощникомъ предсѣдателя комитета генералъ-адъютанта Г. И. Черткова. Будучи глубоко ему преданнымъ, я работалъ съ особымъ удовольствіемъ вмѣстѣ съ нимъ. Григорія Ивановича Черткова можно конечно было упрекнуть въ нѣкоторой мелочности, въ пристрастіи къ излишней регламентаціи, но недостатки эти сторицею искупались прекрасными его качествами. Я въ жизни не встрѣчалъ другого человѣка столь рыцарски благороднаго, прямодушнаго и добросовѣстнаго.

Генералъ Чертковъ занимался съ увлеченіемъ въ главномъ комитетѣ по устройству и образованію войскъ; почти ежедневно собирались подъ его предсѣдательствомъ разныя ко-

миссіи. За его время составлено и издано много положеній весьма полезныхъ и содѣйствовавшихъ благоустройству арміи. Укажу между прочимъ на уставъ, о внутренней службѣ, въ которомъ наши войска чрезвычайно нуждались.

Лишившись обѣихъ ногъ, Григорій Ивановичъ продолжалъ трудиться съ тѣмъ же усердіемъ и настойчивостью.

Ко мнѣ онъ былъ чрезвычайно расположенъ и выказалъ неоднократно знаки искренней дружбы, и я сохраню о немъ, до конца моей жизни, благодарное воспоминаніе.

19-го декабря 1875 года Государь Императоръ праздновалъ свой 50-ти лѣтній юбилей со дня назначенія шефомъ л.-гв. Павловскаго полка. Я не стану описывать этотъ день; онъ описанъ во всей подробности въ исторіи Павловскаго полка. Ко мнѣ Государь былъ въ этотъ день безконечно милостивъ и осыпалъ знаками Своего вниманія.

Лѣтомъ 1876 года затянулся политическій горизонтъ, стали сильно поговаривать о возможности войны. Во время нашей стоянки въ лагерѣ, обратились ко мнѣ три молодыхъ офицеровъ съ просьбою дать имъ разрѣшеніе ѣхать въ Сербію для поступленія добровольцами въ Сербскую армію. На мой отвѣтъ, что я подобнаго разрѣшенія дать не могу, они заявили мнѣ, что командиръ л.-гв. Семеновскаго полка Свиты Е. В. генералъ-маіоръ князь Святополкъ Мірскій не только препятствуетъ, но даже уговариваетъ своихъ офицеровъ ѣхать въ Сербію, и что въ данномъ случаѣ онъ руководствуется указаніями свыше.

Я имѣлъ случай въ тотъ же день видѣть начальника штаба гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. На мой вопросъ, какъ отнестись къ просьбѣ офицеровъ поступить добровольцами въ Сербскую армію, онъ отвѣтилъ мнѣ, что этому не только препятствовать, но даже поощрять слѣдуетъ. Получивъ такое категорическое указаніе отъ начальника штаба гвардейскаго корпуса, я далъ моимъ тремъ офицерамъ испрашиваемое разрѣшеніе.

Вслѣдъ за симъ пріѣхалъ во время большихъ маневровъ на бивуакъ 2-й гвардейской дивизіи адъютантъ командующаго Сербскою арміею генерала Черняева подполковникъ Вульфертъ съ цѣлью вербовать добровольцевъ въ Сербскую армію. Около 15 молодыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ 4 л.-гв. Павловскаго полка, изъявили желаніе ѣхать въ Сербію. Затѣмъ, не испросивъ чьего-либо разрѣшенія, даже не представившись своимъ полковымъ командирамъ, они выѣхали съ бивуака. Паспортами и

деньгами они снабжались неизвѣстно откуда. Полковымъ командирамъ было предписано ихъ не исключать изъ частей.

По прибытію полка въ Петербургъ, ко мнѣ вновь обратились офицеры съ просьбою ѣхать въ Сербію, и на этотъ разъ уже ротные командиры. Я отвѣтилъ имъ, что мы, быть можетъ, наканунѣ войны, полкъ можетъ получить приказаніе двинуться въ походъ, на что же онъ можетъ быть годенъ, лишившись своихъ офицеровъ, поэтому я имъ рѣшительно отказываю въ испрашиваемомъ разрѣшеніи. Если высшее начальство будетъ недовольно моимъ образомъ дѣйствія, то пусть берутъ у меня полкъ, но рѣшенія я своего не измѣню. Офицеры эти, болѣе зрѣлые по годамъ, не рѣшились ослушаться меня и остались въ полку. Одновременно съ этимъ вѣтеръ свыше измѣнился круто. Государь Императоръ, какъ говорили, недовольный тѣмъ, что ген. Черняевъ объявилъ Милана королемъ, приказалъ произвести строжайшее разслѣдованіе, кто поощрялъ отправленіе офицеровъ въ Сербію и оказывалъ имъ въ этомъ содѣйствіе. Разслѣдованіе конечно не привело ни къ чему, ибо слишкомъ высокопоставленныя лица были въ этомъ замѣшаны, но результатъ былъ тотъ, что поступленіе офицеровъ волонтерами въ Сербскую армію прекратилось.

Тѣмъ не менѣе можно безошибочно сказать, что отправленіе офицеровъ въ Сербію было началомъ восточной войны.

19-го марта 1877 года я былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. На другой день, при представленіи по случаю новаго назначенія, Государь Императоръ объявилъ мнѣ, что сохраняетъ мнѣ мундиръ л.-гв. Павловскаго полка. Обыкновенно начальство возбуждало по командѣ ходатайство о сохраненіи мундира полка лицамъ, командовавшимъ продолжительное время и съ отличіемъ полками. Личное же пожалованіе Государемъ Императоромъ мундира полка было рѣдкое исключеніе и знакъ особаго благоволенія.

Надежда моя отдохнуть немного послѣ десятилѣтняго командованія полками не сбылась. Немедленно послѣ моего назначенія командиромъ бригады, на меня была возложена Е. И. В. командиромъ гвардейскаго корпуса, повѣрка запасовъ и боевой готовности во всѣхъ частяхъ корпуса, Мнѣ въ помощь было назначено по одному офицеру отъ каждаго рода оружія.

Порученіе было серьезное и, въ виду возможнаго выступленія гвардіи въ походъ, весьма отвѣтственное.

Неустанно трудясь съ утра до вечера, мнѣ удалось въ два мѣсяца успѣшно окончить данную мнѣ сложную работу.

Въ концѣ мая гвардейскій корпусъ выступилъ, по установленному порядку, въ Красно-Сельскій лагерный сборъ. Но вяло шли занятія; получая ежедневныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, сердца наши не лежали къ мирнымъ занятіямъ, всѣ стремились въ походъ. Наконецъ, 21-го іюля было получено давно желанное извѣстіе. Великій Князь Главнокомандующій дѣйствующею арміею сообщилъ телеграммою на имя временно-командующаго войсками Петербургскаго военнаго округа генералъ-адъютанта барона Бистрома, Высочайшее повелѣніе о движеніи гвардейскаго корпуса въ Турцію. Восторгъ былъ неописанный, офицеры и нижніе чины ликовали. Войска немедленно выступили въ мѣста постояннаго расположенія, чтобы готовиться къ выступленію въ походъ. Работа закипѣла въ полкахъ, начали прибывать запасные.

Первые выступили въ походъ лейбъ-гусары, сколько мнѣ помнится, 7-го августа. Движеніе пѣхоты началось съ ввѣренной мнѣ бригады. 16-го августа выступилъ л.-гв. Финляндскій, 17-го августа л.-гв. Павловскій полкъ, я слѣдовалъ съ бригаднымъ управленіемъ при послѣднемъ. Предполагалось перевезти всю пѣхоту до Яссъ по желѣзной дорогѣ, но вслѣдствіе значительнаго скопленія войскъ и неисправности румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, Павловскій полкъ былъ высаженъ въ Унгенахъ и слѣдовалъ оттуда до Яссъ обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ. Свой полковой праздникъ полкъ встрѣтилъ въ одномъ переходѣ отъ этого города.

Въ Яссахъ мы провели нѣсколько дней; тутъ было получено извѣстіе о неудачномъ третьемъ Плевненскомъ штурмѣ. Отдохнувъ нѣсколько дней, мы двинулись дальше и прослѣдовали черезъ всю Румынію обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ. Погода стояла благопріятная, войска не нуждались ни въ чемъ, въ предѣлахъ Румыніи „товарищество“ дѣйствовало исправно, снабжая насъ своевременно хлѣбомъ и фуражомъ. 1-го октября подошли мы къ Дунаю, и тутъ начались наши мученія; погода испортилась, начались дожди и дороги стали непроходимыми. Памятенъ мнѣ переходъ отъ Дуная въ Царевицы, всего 8 верстъ, и прошли мы это разстояніе не менѣе 15-ти часовъ. Грязь была непролазная, обозъ сталъ, лошади не берутъ; люди, вытаскивая повозки, работали до изнеможенія. Временно командующій 2-й гвардейскою пѣхотною дивизіею генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ слѣдовалъ, во время этого перехода, вмѣстѣ со мною при л.-гв. Финляндскомъ полку. Только благодаря нашимъ общимъ дружнымъ усиліямъ удалось преодолѣть встрѣчаемыя

препятствія. Грустныя размышленія навело на насъ отчаянное состояніе дороги, а дорога эта служила тыломъ нашей многочисленной арміи, и по ней слѣдовали ежедневно тысячи повозокъ. Правъ былъ графъ Шуваловъ, заявляя черезъ нѣсколько дней Великому Князю Главнокомандующему, что онъ желалъ бы лучше проиграть генеральное сраженіе, чѣмъ имѣть такой тылъ, какъ онъ его имѣетъ.

До перехода черезъ Дунай цѣль движенія 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи окончательно не опредѣлилась; то мы получали приказаніе двигаться въ Плевну, то на подкрѣпленіе Рущукскаго отряда. Въ Царевицахъ было получено окончательное приказаніе двинуться въ Павлово и поступить подъ команду Наслѣдника Цесаревича. Зная, насколько было болѣе порядка въ отрядѣ Цесаревича, чѣмъ въ прочихъ частяхъ дѣйствующей арміи, мы очень обрадовались этому распоряженію.

2-го и 3-го октября полки 2-ой бригады прибыли въ Павловъ. Туда пріѣхалъ къ намъ начальникъ полевого штаба генералъ-адъютантъ Непокойчицкій и объявилъ намъ, что главнокомандующій измѣнилъ свои предположенія, и 2-й гвард. дивизія назначается въ Плевненскій отрядъ; по присоединеніи л.-гв. Гренадерскаго полка къ 2-й бригадѣ, всѣмъ тремъ полкамъ надлежитъ двинуться черезъ Горный Студень къ Плевнѣ. Пользуясь присутствіемъ начальника полевого штаба, графъ Шуваловъ передалъ ему, насколько озабоченъ дальнѣйшимъ продовольствіемъ дивизіи. Въ Павловскомъ полку осталось сухарей на три, въ Финляндскомъ на два дня, откуда впередъ ихъ получать, не извѣстно. Ни объ интендантскихъ чиновникахъ, ни объ агентахъ товарищества ни слуха, ни духа; всѣ они точно сквозь землю провалились. „Что вамъ на это отвѣтить, любезный графъ“, сказалъ генералъ-адъютантъ Непокойчицкій; „пишите въ интенданство, пишите въ товарищество, авось кто-нибудь что-нибудь и пришлетъ“.

Отвѣтъ настолько характерный и настолько вѣрно изображающій хаосъ, царствовавшій въ дѣйствующей арміи, что я не преминулъ тутъ же его записать.

5-го октября прослѣдовали мы черезъ Горный Студень. Тутъ я имѣлъ счастье представить ввѣренную мнѣ бригаду Государю Императору. Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на насъ всѣхъ видъ Его Величества. Страдая отъ упорной лихорадки, удрученный бывшими неудачами и потерями войскъ, Онъ наружно страшно измѣнился; на Его исхудаломъ лицѣ была

наложена печать скорби. Тѣмъ не менѣе Онъ встрѣтилъ насъ съ Своею обычною привѣтливостью и добротою.

Пожелавъ намъ успѣха и не понести большихъ потерь, Онъ простился самымъ сердечнымъ образомъ съ дорогими Ему полками. Мнѣ Онъ сказалъ при прощаніи, намекая на полученную мною въ 1863 году рану: „Смотри, чтобы съ тобою не было то, что было уже разъ".

Мы двигались по направленію къ Плевнѣ. Весь гвардейскій корпусъ долженъ былъ вступить въ составъ западного отряда, ввѣренный начальству генералъ-адъютанта Гурко.

При ввѣренной мнѣ бригадѣ шелъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ. Будучи съ нимъ въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ, мы на всѣхъ ночлегахъ останавливались вмѣстѣ. На одномъ изъ нихъ, сколько мнѣ помнится въ Парадимѣ, мы встрѣтили начальника штаба гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, высланнаго изъ западнаго отряда генералъ-адъютантомъ Гурко, признававшимъ его присутствіе при гвардейскомъ корпусѣ, какъ старшаго въ чинѣ, неудобнымъ для себя. Графъ Воронцовъ-Дашковъ направлялся въ Рущукскій отрядъ, гдѣ онъ долженъ былъ командовать кавалеріею отряда, назначеніе чисто номинальное.

Онъ былъ глубоко возмущенъ распоряженіемъ генерала Гурко и заявилъ намъ, что, будучи хотя и старше въ чинѣ этого генерала, онъ тѣмъ не менѣе безпрекословно бы ему подчинился, и ничѣмъ не далъ повода къ этому несправедливому относительно него распоряженію.

Ночь мы провели всѣ вмѣстѣ въ полуразрушенной Болгарской мазанкѣ.

На послѣднемъ переходѣ насъ встрѣтилъ посланный отъ генералъ-адъютанта Гурко съ отзывомъ на имя графа Шувалова, въ которомъ предписывалось, за исключеніемъ артельныхъ и офицерскихъ повозокъ, оставить всѣ тяжести и весь обозъ въ Боготѣ, въ томъ числѣ и дивизіонный лазаретъ. Распоряженіе относительно лазарета насъ крайне поразило; намъ было извѣстно, что предстоитъ серьезное дѣло, а между тѣмъ лишаютъ дивизіоннаго лазарета; но на войнѣ не разсуждаютъ, приказаніе начальника отряда было въ точности исполнено.

10-го октября ввѣренная мнѣ бригада вступила въ деревню Эскибаркасъ, пунктъ сосредоточія главныхъ силъ Западнаго отряда. Всѣ войска были въ сборѣ за исключеніемъ Л.-Гв. Московскаго полка, прибывшаго только 11-го вечеромъ. Полкъ этотъ послѣ 2-хъ мѣсячнаго безостановочнаго движенія, отдох-

нувъ только нѣсколько часовъ въ Эскибаркасѣ, участвовалъ съ прочими полками дивизіи 12-го октября въ бою при Горномъ Дубнякѣ. Какъ разсказывали впослѣдствіи, нижніе чины этого полка были настолько утомлены, что засыпали подъ турецкими пулями.

10-го вечеромъ всѣ начальники отдѣльныхъ частей были потребованы къ начальнику отряда. Генералъ-адъютантъ Гурко прочелъ намъ диспозицію предстоящаго 12-го октября боя. Для атаки Горнаго Дубняка были назначены три колонны, лѣвая, средняя и правая. Мнѣ было довѣрено начальствованіе надъ лѣвою колонною, въ составъ которой вошли: полки Л.-Гв. Павловскій и Финляндскій (8 батальоновъ), 2 сотни донскихъ казаковъ и 4 и 5 батареи Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригады (16 орудій). Назначеніе этой колонны атака Горнаго Дубняка съ юго-запада, à cheval на Софійскомъ шоссе. Когда диспозиція была выслушана, я позволилъ себѣ обратиться къ генералу Гурко съ вопросомъ, какія намъ, начальникамъ колоннъ, принять мѣры, чтобы не было потери отъ собственнаго артиллерійскаго огня. Атакуя Горный Дубнякъ съ трехъ сторонъ, мнѣ казалось, такія потери неизбѣжны. Генералъ Гурко отвѣтилъ мнѣ, что онъ надѣется, что этого не будетъ. Очевидно, онъ не ожидалъ упорнаго сопротивленія, и думалъ, что позиція будетъ взята, такъ сказать, съ налета.

Тутъ же было отдано приказаніе, чтобы кромѣ лазаретныхъ линеекъ никакихъ повозокъ при войскахъ не было. Офицерамъ было разрѣшено взять съ собою вьюки, но такъ какъ большинство изъ нихъ не имѣло ни вьюковъ, ни вьючныхъ лошадей, то разрѣшеніемъ этимъ никто не воспользовался. Мы выступили изъ Эскибаркаса, имѣя при себѣ только то, что на насъ было надѣто.

11-го октября генералъ-адъютантъ Гурко выѣхалъ въ сопровожденіи всѣхъ начальниковъ частей для рекогносцировки мѣстности у Горнаго Дубняка. День былъ ясный, и очертаніе укрѣпленной турецкой позиціи было отчетливо видно.

Получивъ отъ генерала Гурко дополнительныя словесныя приказанія, мы разъѣхались по своимъ бивуакамъ. Настроеніе у всѣхъ было спокойное и веселое, никто не ожидалъ тѣхъ страшныхъ потерь, которыя мы понесли на слѣдующій день.

11-го вечеромъ я встрѣтился случайно съ командиромъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка флигель-адъютантомъ полковникомъ Любовицкимъ. „Завтра Павловцы встрѣтитъ въ Лейбъ-Гренадерахъ достойныхъ соперниковъ“, сказалъ онъ мнѣ. „Ни

о какомъ соперничествѣ не можетъ быть рѣчи", отвѣтилъ я ему, „исполните вашъ долгъ честно, какъ и мы постараемся его исполнить".

12-го въ первомъ часу утра войска выступили съ бивуака. Впереди моей бригады слѣдовалъ Л.-Гв. Егерскій полкъ, назначенный для атаки Телиша. Ночь была темная, войска шли медленно; лейбъ-егери замѣшкались при переправѣ въ бродъ черезъ рѣку Видъ, и когда я съ бригадою перешелъ эту рѣку, я видѣлъ, что я опоздалъ часа на два и не подойду къ назначенному по диспозиціи времени, 6-ти часовъ, къ Горному Дубняку. Вслѣдствіе этого я немедленно послалъ генералъ-адъютанту Гурко и начальнику сосѣдней средней колонны генералъ-маіору барону Зедделеру письменное сообщеніе, что вступлю въ бой не ранѣе восьми часовъ. Записка эта была получена своевременно названными лицами.

Въ началѣ девятаго часа моя бригада развернулась въ боевой порядокъ; на правомъ флангѣ боевой линіи шли два батальона Л.-Гв. Павловскаго полка, на лѣвомъ три батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка, между ними обѣ батареи, въ бригадномъ резервѣ два батальона Л.-Гв. Павловскаго и одинъ батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Подойдя къ укрѣпленію саженъ на 300, артиллерія открыла огонь, было $8^1/_4$ часовъ утра. Батареи быстро пристрѣлялись, было отчетливо видно, какъ 3-я выпущенная граната разорвалась надъ редутомъ, и что-то въ немъ загорѣлось.

Но тутъ представилось моимъ глазамъ неожиданное зрѣлище: Л.-Гв. Гренадерскій полкъ, идущій въ атаку на редутъ.

„Что дѣлаетъ Любовицкій, онъ все дѣло портитъ", обратился я къ находящемуся тутъ же графу Шувалову, по диспозиціи не было возложено на графа Шувалова никакое командованіе. Онъ рѣшился слѣдовать при ввѣренной мнѣ 2 бригадѣ [1]).

---

[1]) Очевидно, планъ Гурко—атаковать редутъ одновременно съ трехъ сторонъ—былъ разстроенъ. Впослѣдствіи полковникъ Любовицкій оправдывалъ свой образъ дѣйствій тѣмъ, что, попавъ неожиданно подъ сильный ружейный огонь, онъ не рѣшился отвести полкъ назадъ, а предпочелъ идти въ атаку, не выждавъ приближенія прочихъ войскъ.

Я думаю, что объясненіе это едва-ли заслуживаетъ вниманія: я полагаю скорѣе, что не ожидавъ встрѣтить со стороны турокъ столь упорное сопротивленіе, онъ разсчитывалъ ворваться первый въ редутъ. Такъ или иначе, но нельзя не признать полковника Любовицкаго главнымъ виновникомъ понесенныхъ нами громадныхъ потерь. Не будь его опрометчивой атаки, бой вѣроятно разыгрался бы иначе.

Гренадерамъ удалось занять небольшой ложементъ близъ ретуда, но вслѣдъ за тѣмъ бросившись на главный ретудъ, и встрѣченные страшнымъ огнемъ, они повернули назадъ и отступили въ безпорядкѣ къ занятому прежде ложементу. Опасаясь, что они могутъ быть выбиты оттуда, полковникъ Любовицкій прислалъ ко мнѣ адъютанта съ просьбою помочь ему.

Двинуть всѣ мои войска въ атаку я еще не могъ; Л.-Гв. Финляндскій полкъ не успѣлъ совершить продолжительное захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ, чтобы стать, согласно диспозиціи, á cheval на Софійскомъ шоссе, но, не желая отказать находящемуся въ бѣдѣ товарищу въ испрашиваемой поддержкѣ, я рѣшился двинуть расположенные на моемъ правомъ флангѣ два батальона павловскаго полка на помощь гренадерамъ.

Смѣло пошли павловцы подъ начальствомъ своего полкового командира полковника Шмита, но встрѣченные сильнѣйшимъ огнемъ, остановились и залегли шаговъ 100 отъ редута, перемѣшавшись съ гренадерами.

Не ожидая рѣшительныхъ результатовъ на моемъ правомъ флангѣ, я направился къ Л.-Гв. Финляндскому полку и приказалъ генералъ-маіору Лаврову атаковать съ тремя батальонами юго-западный уголъ редута. Атака была также безуспѣшна, батальоны, не дойдя до редута, остановились, пошла живая ружейная перестрѣлка. На помощь финляндцамъ я лично двинулъ изъ резерва батальонъ Павловскаго и послѣдній финляндскій батальонъ. Опять всѣ войска бросились впередъ, но не добѣжавъ до редута остановились. Затѣмъ послѣдовало нѣсколько частныхъ атакъ по иниціативѣ батальоныхъ командировъ. Всѣ ближе и ближе подходили войска къ редуту, но ворваться въ него не могли.

Число убитыхъ и раненыхъ все увеличивалось. Находясь нѣсколько разъ подъ сильнѣйшимъ турецкимъ огнемъ, я оставался пока цѣлъ и невредимъ.

Артиллерія сдѣлала попытку поддержать пѣхоту своимъ огнемъ, но павловцы и финляндцы подошли уже столь близко къ редуту, что одинъ снарядъ, пущенный 5-ою батареею, попалъ въ расположеніе роты Его Величества Л.-Гв. павловскаго полка и вывелъ изъ строя нѣсколько человѣкъ. Къ вящему насчастью осколками этого снаряда были смертельно ранены командиръ 1-го батальона флигель-адъютантъ полковникъ Руновъ и командиръ роты Его Величества капитанъ Ширманъ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ потерь отъ собственнаго огня, артиллерія замолчала; бой ограничился ружейною перестрѣлкою.

Въ часъ съ половиною дня подъѣхалъ ко мнѣ адъютантъ генералъ-адъютанта Гурко съ приказаніемъ общей атаки всѣхъ войскъ послѣ трехъ залповъ, послѣдовательно данныхъ артиллеріею всѣхъ трехъ колоннъ.

Желая во избѣжаніе всякой ошибки и недоразумѣнія самъ передать войскамъ о полученномъ приказаніи и намѣреваясь лично броситься во главѣ войскъ на редутъ, я поѣхалъ въ боевыя линіи. Графъ Шуваловъ нагналъ меня, чтобы поѣхать вмѣстѣ со мною. Но я остановилъ его: „Пока я живъ и здоровъ, оставайся на мѣстѣ и не рискуй понапрасно собою: когда меня убьютъ или ранятъ, тогда заступи меня", сказалъ я ему. Графъ Шуваловъ послушался меня и остановился. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора прилетѣлъ къ нему адъютантъ съ докладомъ, что я смертельно раненъ. Тутъ графъ Шуваловъ вступилъ въ командованіе моею бригадою и принялъ на себя непосредственное руководство боемъ, и при этомъ не жалѣлъ себя.

Но продолжаю разсказъ. Отъѣхавъ отъ графа Шувалова, я направился въ расположеніе Финляндскаго полка. Мое приближеніе было замѣчено турками; немедленно въ меня былъ открытъ огонь и шаговъ сто отъ редута я упалъ раненый въ животъ навылетъ. Сопровождавшій меня офицеръ генеральнаго штаба капитанъ Аффанасовичъ былъ сильно контуженъ, бригадному адъютанту барону Кене пуля прошибла фуражку. Немедленно нѣсколько солдатъ л.-гв. Финляндскаго полка подскочили ко мнѣ, чтобы вынести; одинъ изъ нихъ былъ тутъ же убитъ наповалъ.

Меня перенесли на перевязочный пунктъ л-гв. Павловскаго полка, тамъ положили въ лазаретную линейку и отвезли съ С. Чириково, гдѣ было открыто Краснымъ Крестомъ нѣчто въ родѣ лазарета.

Благодаря заботливости этого учрежденія, оказалось возможнымъ наложить перевязку; не будь Краснаго Креста, многіе изъ раненыхъ бы погибли. Нашъ дивизіонный лазаретъ находился въ Боготѣ, военные медики не располагали никакими средствами.

Около 9-ти часовъ вечера было получено извѣстіе, что Горный Дубнякъ взятъ. Проектированная генераломъ Гурко общая атака не удалась, приказаніе его о залпахъ было перепутано; но все ближе и ближе подошли наши войска къ редуту, залегли наконецъ въ ровъ. Тутъ кто-то закричалъ „ура", ура было подхвачено; нестройныя толпы солдатъ ворвались въ редутъ, и турецкій гарнизонъ былъ истребленъ.

Велика была моя радость, когда узналъ о побѣдѣ. Не даромъ была пролита наша кровь; если потери наши были велики, то и результатъ былъ крупный. Съ паденіемъ Горнаго Дубняка, Османъ-паша былъ отрѣзанъ отъ Софіи; на свѣжія подкрѣпленія и доставку провіанта онъ болѣе не могъ разсчитывать; судьба Плевны была рѣшена.

Ночью съ 12-го на 13-е октября я провелъ въ страшныхъ страданіяхъ, я лежалъ въ казачьемъ шалашѣ; погода была холодная; появилось сильное лихорадочное состояніе.

13-го октября я выразилъ желаніе, чтобы меня везли дальше, но врачи, опасаясь, что я умру дорогою, не изъявили на это согласія.

13-го утромъ пріѣхалъ меня навѣстить Великій Князь Главнокомандующій. Вслѣдствіе моей настойчивой просьбы, онъ приказалъ положить меня въ лазаретный фургонъ и везти въ Боготъ, гдѣ была расположена главная квартира. Рядомъ со мною положили тяжело раненаго генералъ-маіора барона Зедделера. Взялся насъ сопровождать младшій врачъ л.-гв. Гренадерскаго полка Левъ Васильевичъ Поповъ, нынѣ профессоръ медико-хирургической академіи.

Почти всю дорогу я находился въ безчувственномъ состояніи, рѣдко приходя въ себя. Въ Боготѣ, куда насъ доставили 14-го октября, встрѣтилъ насъ профессоръ Валь, которому Государемъ Императоромъ былъ порученъ уходъ за нами. Осмотрѣвъ мою рану, онъ объявилъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, что даетъ мнѣ не болѣе часа жизни.

Меня положили вмѣстѣ съ барономъ Зедделеромъ въ киргизкую юрту, принадлежащую Великому Князю Николаю Николаевичу и назначенную Его Высочествомъ въ наше распоряженіе.

Однакожъ предположеніе профессора Валя не осуществилось; я прожилъ ночь и чувствовалъ себя утромъ нѣсколько бодрѣе. Въ это утро навѣстилъ меня Государь Императоръ, пріѣхавшій изъ Горнаго Студеня въ Боготъ, чтобы видѣть раненыхъ.

Я лежалъ на низкой походной кровати. Государь Императоръ, желая меня поцѣловать, всталъ у моей кровати на колѣни. Безконечно милостивъ и добръ былъ Онъ ко мнѣ; успокаивалъ и утѣшалъ, спрашивалъ, не нуждаюсь ли я въ чемъ, выговаривалъ, отчего я, вопреки его приказанію, не берегъ себя въ бою. Замѣтивъ, что я покрытъ лѣтнимъ одѣяломъ, сказалъ, что пришлетъ мнѣ теплое одѣяло, высланное Ему Императрицею.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я и теперь не могу

вспомнить безъ слезъ и сердечнаго волненія и глубокаго, умиленія, объ этомъ посѣщеніи. Свѣтлый образъ Монарха, Ангела утѣшителя, явственно рисуется передо мною.

Въ тотъ же день осмотрѣлъ меня, по повелѣнію Его Величества, профессоръ Пироговъ. Найдя нѣкоторое улучшеніе, онъ нашелъ возможнымъ везти меня дальше. Было рѣшено отправить меня въ г. Систово въ евангелическій лазаретъ. По приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго, принимавшаго во мнѣ самое теплое участіе, врачъ Поповъ и бригадный мой адъютантъ поручикъ баронъ Кене должны были меня сопровождать до этого пункта.

Благодаря сердечнымъ заботамъ этихъ лицъ и здоровой моей натурѣ, я выдержалъ благополучно переѣздъ и былъ доставленъ, какъ мнѣ помнится, 18-го октября въ г. Систово. Евангелическій лазаретъ былъ обставленъ прекрасно, помѣщеніе сухое и теплое, уходъ за больными превосходный.

Въ Систовѣ я имѣлъ радость свидѣться съ женою, выѣхавшею изъ Петербурга при извѣстіи о моемъ раненіи.

Здоровье мое поправилось настолько, что было признано возможнымъ, въ концѣ октября, отправить меня въ Петербургъ, куда пріѣхалъ благополучно 8-го ноября.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два стихотворенія А. В. Кольцова.

Я вошелъ въ большую, не совсѣмъ свѣтлую комнату, и высокій, чуть сутулый старикъ усадилъ меня возлѣ себя, у стола.

Боясь оказаться неточнымъ въ передачѣ его замѣчательно чистаго, какъ будто изъ бронзы чеканнаго діалога, блиставшаго прекрасной красотой русской рѣчи, которою еще славятся центральные, ближайшіе къ великой царицѣ Волгѣ привольные города русскаго простора, я рѣшаюсь своими словами кратко передать его бесѣду со мною и цѣль моего визита къ нему.

Моему собесѣднику В. И. А—скому было за восемь десятковъ. Онъ всю жизнь провелъ въ одиночествѣ. Лѣтъ 25 назадъ А—скій былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Воронежѣ и за выслугой лѣтъ, получивъ пенсію, оставилъ службу и поселился въ томъ же городѣ.

Г. А—скій очень любилъ русскую литературу и особенно боготворилъ Пушкина; знакомство съ произведеніями великаго поэта г. А—скій обнаружилъ передо мною изумительное и, несмотря на свои восемь десятковъ, онъ съ необыкновенной легкостью цитировалъ наизусть цѣлыя строфы изъ „Онѣгина“, „Полтавы“, „Цыганъ“, „Бориса Годунова“ и др. Обожая великаго поэта, г. А—скій интересовался всѣмъ, что имѣло отношеніе къ Пушкину: будь то книги, портреты, медали и т. п.

Мое знакомство съ г. А—скимъ вышло случайнымъ, и онъ просилъ меня зайти къ нему побесѣдовать о разныхъ разностяхъ и, кстати, обѣщалъ меня чѣмъ-то заинтересовать...

Оказывается, г. А—скій, живя много лѣтъ въ Воронежѣ, хорошо зналъ родственника извѣстнаго воронежскаго книгопродавца Д. А. Кашкина, дружившаго съ поэтомъ Кольцовымъ.

У этого родственника сохранились два стихотворенія Кольцова, написанныя рукой поэта и принадлежавшія его сестрѣ Анисьѣ Васильевнѣ. Между прочимъ одно время сестра была въ разладѣ съ братомъ-поэтомъ.

Послѣ смерти Кольцова Анисья Васильевна подарила оба стихотворенія книгопродавцу Кашкину, и рукописи эти впослѣдствіи перешли къ наслѣднику книгопродавца.

Г. А—скій часто встрѣчался въ Воронежѣ съ обладателемъ этихъ рукописей и дорожа всѣмъ, что касалось русской словесности, пріобрѣлъ у него эти рукописи. Много лѣтъ спустя А—скій рѣшилъ переѣхать на жительство въ Петербургъ, и это свое желаніе онъ осуществилъ прошлой осенью.

Я необычайно заинтересовался этими рукописями, и г. А—скій, внимая моей настойчивой просьбѣ, разрѣшилъ мнѣ переписать и опубликовать оба стихотворенія съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы черезъ два дня я ему вернулъ рукописи. Оба листка пожелтѣвшей почтовой бумаги малаго формата очутились у меня.

Я сперва принялся старательно свѣрять текстъ, а затѣмъ сличалъ почеркъ Кольцова съ напечатанными факсимиле стихотвореній въ Академическомъ изданіи сочиненій поэта, и сейчасъ же я убѣдился въ полной аналогіи почерковъ и пріемовъ письма. Перечеркнутыя слова, характерная буква е, соединенныя вмѣстѣ разныя слова, слабая грамотность письма, неувѣренный почеркъ, т. е., все то, чѣмъ можетъ быть характерна рукопись А. В. Кольцова.

Я переписалъ оба стихотворенія и вернулъ съ благодарностью оригиналы ихъ собственнику, просившему меня не упоминать полностью его фамилію въ моей статьѣ, каковую просьбу охотно исполняю.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего второго визита я вновь явился навѣстить г. А—скаго и нашелъ его не совсѣмъ здоровымъ, хотя и съ трудомъ дѣлавшимъ по комнатѣ нужныя передвиженія.

Очевидно, старческая немощь сказывалась и одолѣвала бремя лѣтъ...

Дней черезъ десять послѣ моего послѣдняго посѣщенія я еще разъ явился къ г. А—скому провѣдать его и усердно просить пожертвовать обѣ рукописи въ Императорскую Публичную Библіотеку, но меня ожидалъ печальный сюрпризъ... За недѣлю до этого дня г. А—скій скончался, и телеграфно вызванная его сестра—игуменья одного изъ монастырей Тверской епархіи, прибыла въ Петроградъ для погребенія брата. Тѣло А—скаго

было предано землѣ на Смоленскомъ кладбищѣ. Сестра-игуменья распродала вещи покойнаго, а его бумаги и друг. документы увезла съ собою въ монастырь. Въ какой монастырь?—мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Такъ и утерялись рукописи Кольцова.

Первое стихотвореніе называется „Горе“. Вотъ его содержаніе:

Г о р е.

„Ахъ ты, горе, горе,
Горе горькое!
Гдѣ ты сѣяно,
Да гдѣ выросло?
Во сыпучихъ ли
Пескахъ...
Во дремучихъ ли
Лѣсахъ Муромскихъ?
Кто тебя вспоилъ,
Да кто выкормилъ,
Да кто въ свѣтъ пустилъ
Тебя, горюшко,
Горемычное,
Ко чужимъ людямъ
Горе мыкати?
И зачѣмъ ты къ намъ
Въ гости, горюшко,
Появляешься,
Не желанное
И не званное?
Отравишь стопу
Пировую всю,
И уйдешь опять,
Какъ ночная тать,
Невидимкою,
И весь пиръ — не въ пиръ,
И вся жизнь—не въ жизнь...
Пропадало-бъ ты,
Горе-горькое,
Гдѣ родилося
Да гдѣ выросло;
Зачѣмъ по свѣту

Бродишь цѣлому
И быть гостьею
Всѣмъ нерадостной?

Алексѣй Кольцовъ.

1839 г.
4 мая. Воронежъ.

II.

„Ночька темная,
Время позднее,—
Скучно дивицѣ
Безъ товарища.

* * *

Полюби меня,
Душа дѣвица,
Меня молодца
Разудалаго.

* * *

Ночька темная
Не протянется,—
Веселѣй тебѣ
Будетъ на сердцѣ.

* * *

Кровь горячая
Разыграется,
Обольетъ огнемъ
Груди бѣлыя.

* * *

Припаду я къ нимъ
Съ нѣгой страстною,
Съ жаждой пылкою
Наслажденія.

* * *

Обовью рукой
Шейку стройную,
Шейку бѣлую
Лебединую.

* * *

Я вопьюсь въ твои
Уста сладкія,
Я съ любовію
Страстной, пламенной...

* * *

Мы тогда съ тобой
Весь забудемъ міръ,
И наплачемся,
И натѣшимся".

Алексѣй Кольцовъ.

Въ стихотвореніи „Горе" есть другой варіантъ 17 строфы, зачеркнутый рукой Кольцова: „Къ намъ заходишь въ гости".

Передъ 23-й строфой было: „Отравишь ты нашу"; въ 24 строфѣ вмѣсто слова „всю" было зачеркнуто „чашу"; 25 строфа: „Чашу жизненную" зачеркнута и въ 31 строфѣ зачеркнуто слово „горе" послѣ „ты".

Во второмъ безымянномъ стихотвореніи въ 19 строфѣ вмѣсто словъ „съ жаждою" зачеркнуто слово „загорюсь"; въ 22 строфѣ вмѣсто „стройную" было зачеркнуто слово „бѣлую" и, наконецъ, вмѣсто послѣдняго двустишія было зачеркнуто.

„Душа дѣвица
Раскрасавица"

Второе стихотвореніе не датировано. Всѣ слова въ обоихъ стихотвореніяхъ перечеркнуты рукою Кольцова.

Въ этихъ двухъ новонайденныхъ стихотвореніяхъ чувствуются думы, грусть, тоска и тревожный умъ подлиннаго Кольцова...

С. Шпицеръ.

Религіозно-философскія письма Н. И. Пирогова.

> Какимъ бы предметомъ ни занимался человѣкъ науки, всѣ знаютъ, что онъ никакъ не отдѣлается отъ назойливаго вопроса: во что онъ вѣритъ; а этотъ вопросъ—самый главный: согласны ли его вѣрованія съ убѣжденіями, добытыми имъ путемъ науки?
>
> Пироговъ „Дневникъ“, изд. 1910, стр. 164.

Въ майской книгѣ „Рус. Старины“ за 1915 г. мною опубликовано нѣсколько писемъ знаменитаго хирурга, посвященныхъ вопросамъ воспитанія, брака, семейной жизни и т. п. Письма эти, объединенныя въ одну группу по содержанію, представляли собой часть переписки Н. И. Пирогова съ баронессою Ал. Ант. Бистромъ (впослѣдствіи его второй женой) и взяты изъ собранія писемъ, сохранившихся у его сына, нынѣ покойнаго Владиміра Николаевича Пирогова. Всего въ этомъ собраніи находится 22 письма къ А. А. Бистромъ, размѣромъ отъ 3 до 41 страницъ, исписанныхъ мелкимъ, убористымъ почеркомъ. Много страницъ этой переписки, вызванной любовью всемірно-извѣстнаго уже въ то время ученаго къ 22-хъ лѣтней дѣвушкѣ, посвящено изложенію общественныхъ взглядовъ Пирогова, много въ этихъ письмахъ данныхъ для выясненія происхожденія его педагогическихъ идей, имѣвшихъ такое большое значеніе для развитія русской общественности, и мнѣ приходилось уже отмѣчать цѣнность всѣхъ этихъ вновь публикуемыхъ матеріаловъ для жизнеописанія одного изъ лучшихъ людей XIX вѣка.

Предлагаемое здѣсь письмо Н. И. Пирогова—самое большое по размѣру изъ всей его переписки съ А. А. Бистромъ—особенно цѣнно въ только-что указанномъ отношеніи потому, что оно почти цѣликомъ посвящено изложенію его взглядовъ на вопросы религіи и вѣры. О своихъ религіозно-философскихъ

воззрѣніяхъ Пироговъ говоритъ очень подробно и обстоятельно въ „Дневникѣ стараго врача“, который онъ писалъ въ послѣдніе два года своей жизни. Изложивъ въ „Дневникѣ“ свои взгляды на вопросы религіи и вѣры, онъ резюмируетъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ, такъ краснорѣчиво характеризующихъ стараго естественника и автора знаменитаго предисловія къ „Анналамъ Дерптской Хирургической Клиники“ [1]).

„Вотъ и я, грѣшный, хотя и поздно, но убѣдился, наконецъ, что мнѣ, при складѣ и емкости моего ума, не слѣдовало попадать въ колеи крѣпкихъ духомъ и односторонніхъ спеціалистовъ. Жизнь-матушка привела, наконецъ, къ тихому пристанищу. Я сдѣлался, но не вдругъ, какъ многіе неофиты, и не безъ борьбы, вѣрующимъ. Къ сожалѣнію, однако же, еще и до сихъ поръ, на старости, умъ разъѣдаетъ по временамъ оплоты вѣры. Но я благодарю Бога за то, что по крайней мѣрѣ успѣлъ понять себя и увидалъ, что мой умъ можетъ ужиться съ искреннею вѣрою. И я, исповѣдуя себя весьма часто, не могу не вѣрить себѣ, что искренно вѣрую въ ученіе Христа Спасителя.

Прежде меня слишкомъ занимала историческая сторона христіанства. Теперь я убѣдился, что это—дѣло науки, слѣдовательно, требующее и научныхъ пріемовъ; но въ наукѣ я всегда былъ и буду за полную свободу изслѣдованія, самаго чистаго и свободнаго отъ всякой задней мысли. Для того же, кто, какъ я, ищетъ въ ученіи Христа, мира и утѣшенія, вся суть не въ исторіи.

Самъ Спаситель ничего ни оставилъ намъ документальнаго въ научно-историческомъ смыслѣ. Мы узнаемъ о Его жизни и ученіи изъ книгъ, писанныхъ Его послѣдователями. Эти письмена дошли до насъ чрезъ тьму вѣковъ, и какихъ еще вѣковъ—язычества, сектантства, варварства, фанатизма! Кто по современно-научнымъ понятіямъ рѣшитъ теперь—что апокрифъ, что нѣтъ; безъ строгой исторической критики теперь немыслима стала никакая исторія, даже и священная. А къ какимъ результатамъ можно придти, изслѣдуя строго и свободно на-

---

[1]) Въ этомъ предисловіи, между прочимъ, читаемъ: „Я считаю священною обязанностію добросовѣстнаго преподавателя немедленно обнародовать свои ошибки и ихъ послѣдствія, для предостереженія и назиданія другихъ, еще менѣе опытныхъ, отъ подобныхъ заблужденій... Откровенное и добросовѣстное описаніе дѣятельности имѣетъ важное значеніе. Правдивое изложеніе дѣйствій, хотя бы и ошибочныхъ, укажетъ на механизмъ самыхъ ошибокъ и на возможность избѣгнуть ихъ повторенія... Въ моей книгѣ нѣтъ мѣста ни для лжи, ни для самохвальства“...

учно историческіе документы христіанскаго ученія, можно узнать отъ тюбингенской школы, отъ Штрауса и Ренана, и если бы пришлось выбирать между двумя послѣдними, то я все-таки предпочелъ бы изъ двухъ золъ выбрать меньшее, по моему мнѣнію,—это Штрауса (т. е. его книгу „Жизнь Іисуса Христа“, а не смерть самого Штрауса, кажется, рехнувшагося совсѣмъ при концѣ жизни).

Для меня главное въ христіанствѣ—это недостижимая высота и освящающая душу чистота идеала вѣры; на немъ цѣлыя вѣка тьмы, страстей и неистовствъ не оставили ни единаго пятна; кровь и грязь, которыми міръ не разъ старался осквернить идеальную святость и чистоту христіанскаго ученія, стекали потоками назадъ на осквернителей“ [1]).

Это написано въ послѣдніе годы жизни автора „Дневника“. О томъ же, каково было его религіозное воспитаніе въ дѣтствѣ, въ семьѣ родителей, которые оставались набожными до самой смерти, водили дѣтей во всѣ положенные дни въ церковь, заставляли ихъ строго соблюдать посты и т. п.,—Пироговъ пишетъ: „Евангеліе въ зеленомъ бархатномъ переплетѣ съ изображеніями на эмали четырехъ евангелистовъ, закрытое серебряными застежками, стояло передъ кивотомъ съ образами. Мнѣ его не читали ни дома, ни въ школѣ. Иногда только я видѣлъ отца читавшимъ изъ Евангелія во время молитвы, но потомъ оно закрывалось, цѣловалось и становилось снова подъ образа... Слова молитвы, также какъ и слова Евангелія, слышавшіяся въ церкви, считались сами по себѣ, какъ слова, святыми и исполненными благодати Святаго Духа; большимъ грѣхомъ считалось переложить ихъ и замѣнить другими; духъ старообрядчества, только уже Никоновскаго старообрядчества, былъ господствующимъ“ [2]).

И только въ 1842 г., когда онъ былъ уже знаменитымъ профессоромъ медико-хирургической академіи, во время очень тяжелой болѣзни, вызванной его усиленными трудами въ клиникахъ и анатомическомъ институтѣ, Пирогову въ первый разъ въ жизни пришла мысль объ упованіи въ Промыселъ. „И вмѣстѣ съ упованіемъ зародилась въ душѣ какая-то сладкая потребность семейной любви и семейной жизни“.

Каковъ былъ дальнѣйшій ходъ развитія новой религіозной системы Пирогова, неизвѣстно, такъ какъ „Дневникъ“ обры-

[1]) „Дневникъ“, изд. 1910 г., стр. 187—188.
[2]) „Дневникъ“, изд. 1910 г., стр. 158—159.

вается на разсказѣ о сватовствѣ автора къ Е. Д. Березиной (первая жена Н. И., о ней—въ майской книгѣ „Рус. Старины“ за 1915 г.). Извѣстно, что въ послѣдующіе годы онъ не менѣе ревностно, чѣмъ раньше, занимался своими распилами и разрѣзами, операціями и лекціями.

Въ 1846 г. умерла первая жена Пирогова. Подавленный горемъ, собираясь въ продолжительное заграничное путешествіе, чтобы немного разсѣять тягостное состояніе, вызванное безвременной, трагической кончиной любимой жены, Н. И. писалъ своей доброй знакомой, Е. Н. Огонь-Догановской [1]), сообщая ей о послѣднихъ дняхъ Екатерины Дмитріевны и прося сообщить ему, что ей извѣстно объ этомъ: „Какъ мало, напримѣръ, мы все еще проникнуты мыслью о безсмертіи! Мы выговариваемъ только это слово, какъ попугаи, но, въ сущности, вѣрьте мнѣ, мы тѣ же язычники и грубые, невѣжественные матеріалисты. Мы толкуемъ только, что мы вѣримъ въ другой міръ, а соотвѣтствуетъ ли хоть одинъ нашъ поступокъ этому вѣрованію? Когда бы эта мысль проникнула совершенно наше существованіе, то она отражалась бы вездѣ“...

Въ 1848 г. Пироговъ совершилъ свою знаменитую научную поѣздку на Кавказъ, столь плодотворную по результатамъ для развитія хирургіи, а по возвращеніи оттуда вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ группировавшимся вокругъ великой княгини Елены Павловны кружкомъ общественныхъ дѣятелей. Приблизительно въ то же время, или нѣсколько ранѣе, Н. И. познакомился съ сыномъ бывшаго морского министра, художникомъ Ѳ. А. Моллеромъ, и его сестрой, Эмиліей Амосовной Глазенапъ. У нихъ же была общая знакомая вдова генерала Евг. Ѳед. Козенъ, урожденная Бистромъ, съ которой Пирогова познакомилъ его дерптскій пріятель, студенческаго времени, сынъ фельдмаршала, Ник. Петр. Витгенштейнъ. Ѳ. А. Моллеръ, какъ писалъ мнѣ въ декабрѣ 1913 г. Вл. Ник. Пироговъ,—вмѣстѣ съ Евг. Ѳед. Козенъ, „былъ представителемъ очень возвышенныхъ стремленій тогдашней петербургской интеллигенціи“. Подъ вліяніемъ этой группы въ міровоззрѣніи Н. И. произошелъ, по словамъ его сына, поворотъ въ сторону болѣе идеалистическаго направленія.

Въ „Дневникѣ стараго врача“ объ этомъ же времени читаемъ: „Послѣ погрома моей обрядовой религіи, которую исповѣды-

[1]) Сестрѣ бабки извѣстнаго педагога С. А. Рачинскаго, который и опубликовалъ эти письма; они—въ сочиненіяхъ Пирогова, изд. 1914 г., т. I.

валъ съ дѣтства, и послѣ того, какъ убѣдился, что не могу быть ни атеистомъ, ни деистомъ, я искалъ успокоенія и мира души, и, конечно, пережитое уже мною, чисто внѣшнее вліяніе таинствъ церковныхъ богослуженій и обрядовъ не могло успокоить взволнованную душу. Вся внѣшняя сторона вѣры оказывала на меня вмѣсто успокаивающаго и примиряющаго дѣйствія — другое, противоположное. Мнѣ нуженъ былъ отвлеченный, недостижимо-высокій идеалъ вѣры. И, принявшись за Евангеліе, котораго я никогда еще самъ не читывалъ,—а мнѣ было уже 38 лѣтъ отъ роду,—я [1]) нашелъ для себя этотъ идеалъ" [2]).

Итакъ, по свидѣтельству самого Пирогова, онъ въ первый разъ приступилъ къ чтенію книгъ Священнаго Писанія 38 лѣтъ отъ роду, т.-е. въ 1849 г. И, повидимому, читалъ онъ ихъ усердно, такъ какъ черезъ годъ, въ письмахъ къ А. А. Бистромъ, проявлялъ серьезное знакомство съ Евангеліемъ, Дѣяніями Апостоловъ и нѣкоторыми спеціальными богословскими сочиненіями. Самымъ любимымъ его чтеніемъ было чтеніе посланій Апостоловъ, изъ которыхъ преимущество онъ отдавалъ апостоламъ Іоанну и Павлу.

Въ началѣ 1850 г. Е. Ѳ. Козенъ познакомила Пирогова со своей молоденькой родственницей, 20-лѣтней дочерью генерала барона Антона Родриговича Бистрома—Александрой, и знаменитый европейскій ученый, которому тогда шелъ уже 40-й годъ, рѣшилъ, что эта дѣвушка соотвѣтствуетъ его идеалу жены и что она съумѣетъ замѣнить мать его малюткамъ-сыновьямъ.

Съ большимъ подъемомъ описываетъ Пироговъ знакомство свое съ А. А. Бистромъ въ письмѣ къ Ѳ. А. Моллеру отъ 16—20 февраля 1850 г. „15 февраля въ 9 часовъ вечера я положилъ мои вопросы жизни [3]) въ лѣвой боковой карманъ и отправился къ моей знакомой (Е. Ѳ. Козенъ). Я нашелъ тамъ моего пріятеля и незнакомую мнѣ даму... Понемногу рѣчь дошла и до вопросовъ жизни... Я нарочно сѣлъ противъ особы... Дошелъ до второго вопроса [4]). Читая его, я чувствовалъ, что

[1]) Въ рукописи „Дневника" здѣсь были слова: „удивился что" — зачеркнутыя авторомъ.

[2]) „Дневникъ", стр. 194.

[3]) Заглавіе первой педагогической статьи Н. И. Пирогова, появившейся въ печати въ 1856 г. („Морской Сборникъ", № 9, іюль) и вызвавшей все литературно-педагогическое движеніе 50—60 годовъ.

[4]) Въ заключительныхъ строкахъ „Вопросовъ жизни", въ обѣихъ редакціяхъ, читаемъ: „И такъ, вамъ предстоитъ рѣшить другой вопросъ жизни: какъ устроить вашъ семейный бытъ, какъ найти сочувствіе въ кругу вамъ близкихъ?" Затѣмъ слѣдуетъ рядъ предположительныхъ ха-

дрожь и какіе-то сотрясающіе токи взадъ и впередъ пробѣгали по моему лицу, мой собственный голосъ слышался мнѣ другимъ въ ушахъ; я непроизвольно опять посмотрѣлъ на незнакомку и на этотъ разъ вижу — она отвернулась и украдкой утерла слезу. Еще разъ взглянулъ я; она уже сидѣла задумчиво одна. „Это она“,—сказалъ мнѣ что-то: — „Она!“—повторилъ я твердымъ голосомъ. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами...“ [1]).

Между новыми знакомыми возникла переписка, которая со стороны Н. И. Пирогова вылилась въ обширную серію писемъ-дневниковъ, въ которыхъ онъ подробно излагалъ свои взгляды на вопросы воспитанія дѣтей, устройства семейной жизни и т. д. Много говорилъ онъ въ нихъ о своей любви къ А. А. Бистромъ, давалъ обширныя самохарактеристики, поясняя, что желаетъ, чтобы невѣста до свадьбы хорошо узнала его и не укоряла бы послѣ свадьбы мужа въ томъ, что онъ увлекъ ее, неопытную дѣвушку, и что ей не по силамъ тѣ трудныя и сложныя требованія, которыя онъ предъявляетъ къ матери-воспитательницѣ. Много также мѣста удѣлено въ этихъ письмахъ изложенію взглядовъ геніальнаго врача на религію, и предлагаемое письмо полнѣе всего отразило именно эту часть вопросовъ жизни, такъ сильно занимавшихъ Н. И. въ періодъ, предшествовавшій его выступленію на поприще общественной дѣятельности.

Письмо это начато въ Страстной Четвергъ 1850 г., послѣ пріобщенія Пирогова Св. Таинъ, въ моментъ чрезвычайно высокой его душевной настроенности. и окончено въ Страстную Субботу. Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ-трехъ дней, при своихъ обычныхъ научныхъ занятіяхъ, Н. И. написалъ свыше полутора печатныхъ листовъ, весьма содержательныхъ и глубоко продуманныхъ.

Излишне, въ виду приведенныхъ выше выдержекъ изъ „Дневника стараго врача“, дѣлать болѣе подробное сопоставленіе религіозныхъ воззрѣній Пирогова въ 50-хъ годахъ и въ концѣ его жизни. Но слѣдуетъ подчеркнуть основные моменты его религіозно-философскихъ взглядовъ въ ту пору, когда онъ былъ въ зенитѣ своей научной славы и въ расцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ. И слѣдуетъ отмѣтить, что по существу его позднѣйшіе взгляды не расходились съ идеями конца 40-хъ годовъ.

рактеристикъ жены искателя идеальнаго въ земной жизни—отъ евангельской Маѳы до Ксантиппы. Сочиненія, т. I, изд. 1914 г.

[1]) Письмо опубликовано въ журн. „Школа и Жизнь“, № 16 за 1915 г.

Ибо и въ періодъ наивысшаго развитія своей жизненной энергіи, и на закатѣ дней своихъ Пироговъ одинаково переносился, по выраженію нашего изслѣдователя психологіи всякаго умственнаго творчества, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго,—„въ эмпиреи высокой и вдохновенной мысли“, и всегда его посѣщало въ такихъ случаяхъ, „философское ясновидѣніе, когда разумъ становится лицомъ къ лицу съ сокровеннѣйшими тайнами природы“ [1]). Ибо, какъ говоритъ этотъ же изслѣдователь по поводу религіозныхъ идей Пирогова, изложенныхъ въ его „Дневникѣ“,—„всѣ духовныя силы этого необыкновеннаго человѣка находились между собою въ полной гармоніи, и надо всѣми ими не господствовалъ, не владычествовалъ,—а сіялъ, какъ свѣточъ, могучій и высокій разумъ. Голова Пирогова—это такая самая голова, какихъ въ большомъ количествѣ производила только одна нація въ мірѣ — древнегреческая. Спокойствіе и сила, глубина и ясность, чутье правды и мѣры, истинный реализмъ, практическій смыслъ и тактъ, почти инстинктивное пониманіе вопросовъ жизни, соединеніе въ одномъ человѣкѣ философа въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—что такое все это, вмѣстѣ взятое, какъ не чисто эллинскій типъ древняго „мудреца“? [2]).

Рѣзко и категорически подчеркиваетъ Н. И. Пироговъ по поводу одного выраженія въ письмѣ А. А. Бистромъ, что „слово ненависть можетъ быть терпимо въ христіанствѣ только въ отношеніи къ безчувственнымъ предметамъ, но не къ лицамъ и не къ взглядамъ. Терпимость—суть главныя отличительныя черты христіанства... Ничѣмъ лучше и сильнѣе не убѣждается невѣрующій и маловѣрующій въ истинной утѣшительности и высокости христіанскаго ученія, какъ терпимостію; она убѣждаетъ лучше всѣхъ доводовъ на свѣтѣ. И такъ, чтобы о религіозной ненависти я никогда отъ тебя не слышалъ, если ты истинно меня любишь и хочешь слѣдовать моимъ наставленіямъ. Это въ моихъ глазахъ нравственное преступленіе“.

И въ своей практической дѣятельности, когда онъ уже былъ миссіонеромъ просвѣщенія на постахъ попечителя Одесскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ, черезъ десять слишкомъ лѣтъ послѣ писемъ къ невѣстѣ, Пироговъ осуществлялъ свои идеалы. Онъ имѣлъ полное, нравственное и фактическое, право заявить въ своей прощальной рѣчи къ кіевскимъ студентамъ: „Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ,

---

[1]) „Тайна жизни“ (о Пироговѣ)—„Одесскія Новости“, 1885, 12 IX.
[2]) „Л. Н. Толстой и Н. И. Пироговъ“,—„Одес. Нов.“, 1887, 23 I.

что мои убѣжденія, мои надежды—не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ въ основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы"... Въ другой рѣчи, произнесенной въ то же время, онъ говорилъ по тому же поводу: „Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями" [1]).

Далѣе Пироговъ поучаетъ свою молодую и проявляющую склонность къ квіетизму невѣсту о томъ, что такое истинная любовь по ученію евангелистовъ и апостоловъ. „Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не помнитъ зла, все переноситъ, всему вѣритъ"—цитируетъ онъ апостола Павла и дѣлаетъ въ скобкахъ ремарку: „О, мужъ вдохновенный, Самъ Богъ руководитъ твоимъ перомъ!!!", подчеркивая, что изъ трехъ, остающихся человѣчеству основъ жизни—вѣры, надежды, любви—любовь есть главнѣйшая. И разъясняетъ дальше, что это должна быть любовь къ ближнему, любовь дѣйственная. Съ трепетомъ и волненіемъ восклицаетъ онъ по поводу замѣчанія невѣсты, навѣяннаго ей піэтистами, что вѣра можетъ быть вмѣнена вмѣсто дѣлъ: „Нѣтъ! Саша, вѣру безъ дѣлъ я не постигаю". И подкрѣпляетъ свое заявленіе словами апостола Іакова, добавляя: „послѣ я тебѣ докажу, что все ученіе Христа было—вѣра дѣлъ".

„Изливъ" передъ невѣстой свое „пониманіе трехъ христіанскихъ добродѣтелей", и заявивъ, что ему бы хотѣлось, чтобы и дѣти его „проникнуты были этими же убѣжденіями", но чтобы они дошли къ нимъ не тѣмъ путемъ, опаснымъ „обрывистымъ, путемъ сомнѣній и заблужденій,—которымъ дошелъ отецъ ихъ",—Н. И. приводитъ нѣсколько соображеній изъ области исторіи текста Священнаго Писанія. На-ряду съ этимъ онъ приводитъ біографическія свѣдѣнія объ евангелистахъ и апостолахъ, пользуясь книгой французскаго аббата Dassange'a.

Наконецъ, Н. И. переходитъ къ изложенію своего взгляда на значеніе вѣры. „Я со дня на день болѣе и болѣе вникаю въ его (христіанскаго ученія) смыслъ, и болѣе и болѣе убѣждаюсь и внутренно чувствую, въ чемъ, впрочемъ, и прежде уже былъ убѣжденъ и прежде чувствовалъ: дѣла, не молитва; вѣра дѣлъ, а не вѣра, выраженная однимъ помысломъ и молитвою,—*вотъ моя вѣра*... И еще было бы лучше, если бы добрыхъ (истинно добрыхъ) дѣлъ было столько въ моей жизни, чтобы они мнѣ

[1]) Сочиненія, изд. 1914 г., т. I.

не давали времени молиться; тогда бы вся жизнь моя была молитва, въ настоящемъ, глубокомъ, христіанскомъ смыслѣ этого слова, т. е. вдохновенная, богоугодная жертва любви въ земной жизни".

Послѣ ряда подтверждающихъ эти положенія выписокъ изъ священнаго писанія слѣдуетъ указаніе на два взгляда на сущность христіанскаго ученія: историческаго, полагающаго главнымъ основаніемъ самыя событія, и отвлеченнаго, видящаго въ христіанскомъ ученіи идеалъ и считающаго этотъ идеалъ земной жизни и стремленіе къ другой, вѣчной, за самое существенное. Высказывая далѣе утвержденіе, что идеалъ христіанства вѣченъ, непреложенъ, единственeнъ, приведя слова апостола Павла о томъ, что буква убиваетъ, а духъ животворитъ,— Пироговъ заявляетъ: „Я принадлежу къ послѣдователямъ идеальнаго или отвлеченнаго взгляда"...

Въ заключеніе этого обширнаго исповѣданія своей вѣры великій хирургъ говоритъ: „любовь нашу къ ближнимъ докажемъ дѣлами, а любовь нашу къ Богу осуществимъ чрезъ искреннюю безкорыстную любовь къ ближнимъ... Вотъ моя религія"...

О религіи дѣлъ Пироговъ говоритъ и въ другихъ письмахъ къ А. А. Бистромъ. Такъ, въ письмѣ отъ 10 марта читаемъ: „У тебя есть религія сердца. Но религія дѣлъ, вѣнецъ земной жизни человѣка, о! одна Высшая Воля можетъ помочь намъ въ трудномъ исполненіи этой религіи. — Тутъ-то, слѣдя безпристрастно за собою, мы находимъ, что то дѣла наши не согласны съ религіей нашего сердца, то религія сердца не выражается въ нашихъ дѣлахъ такъ, какъ бы это должно быть" [1]).

Въ публикуемомъ здѣсь письмѣ встрѣчаются многочисленныя выписки изъ дѣяній апостоловъ. Цитировались Пироговымъ священныя книги по славянскому изданію и переводились имъ, въ видѣ точныхъ выписокъ и въ видѣ изложенія, на русскій языкъ. Надо отмѣтить, что переводъ Пирогова достаточно близокъ и даже совпадаетъ съ синодальнымъ переводомъ Дѣяній святыхъ Апостоловъ (выпущеннымъ впервые въ 1862 г.). Пользуюсь случаемъ выразить глубокую благодарность профессору Петроградской духовной академіи Сергѣю Михайловичу Зарину за его просвѣщенное содѣйствіе, выразившееся въ разъясненіи ряда вопросовъ богословскаго характера, возникшихъ при подготовкѣ публикуемаго письма къ печати.

С. Штрайхъ.

[1]) Полностью письмо — въ „Голосѣ Минувшаго", май 1915.

Письма Н. И. Пирогова.

20 апрѣля (1850 г.) четвергъ.

Началъ послѣ Пріобщенія Св. Таинъ въ Четвергъ.

Твое послѣднее письмо, неоцѣненный другъ Саша, отъ 10 апрѣля, я получилъ на Страстной недѣлѣ, когда начиналъ говѣть. *Первое* [1]) впечатлѣніе, которое оно на меня сдѣлало, какъ, признаюсь, и впечатлѣнія первыя отъ другихъ твоихъ писемъ, не было совсѣмъ выгодно;—почему, навѣрное сказать трудно; но за то, послѣ, когда, во время приготовленія къ Пріобщенію, я занимался чтеніемъ Евангелія и жизни Апостоловъ и еще раза два прочелъ опять и послѣднее письмо твое, то почуствовалъ себя щастливымъ [2]), что Богъ посылаетъ мнѣ такую жену и такую мать моимъ дѣтямъ, какъ ты.—Но, вотъ тебѣ, *во-первыхъ*, мои замѣчанія, прежде нежели я перейду къ разсужденію о предметахъ, еще несравненно болѣе серьезныхъ.

Замѣчаніе 1-ое. Блюди за твоимъ здоровьемъ, оно теперь не твое, а наше общее; подумай, что ты принадлежишь теперь 3-мъ особамъ [3]) и не имѣешь права располагать собою такъ, какъ тебѣ хочется. Мнѣ не нравится, что ты занимаешься слишкомъ много и скучаешь о разлукѣ слишкомъ. Первое неблагоразумно, второе нерелигіозно. — Оставь то и другое, если ты хочешь доказать, что меня слушаешься, любя такъ, какъ мнѣ хочется, чтобы ты меня любила: духомъ, идеально, чисто и свято.

Замѣчаніе 2-ое. Боязнь, что ты мнѣ не угодишь, что я тебя разлюблю, что я буду раскаиваться въ выборѣ, не должны бы были приходить тебѣ въ голову, послѣ моихъ писемъ и моей

---

[1]) Набранное курсивомъ подчеркнуто одинъ разъ самимъ Пироговымъ. Набранное жирнымъ шрифтомъ подчеркнуто Пироговымъ 2 и 3 раза.

[2]) Слово „чувство“ и производныя отъ него Пироговъ пишетъ безъ буквы „в“ въ первомъ слогѣ. Лишь изрѣдка встрѣчается общепринятое начертаніе. Отступленіе наблюдается и въ словѣ „счастье“ съ производными отъ него. Слово „благовѣствованіе“ Пироговъ пишетъ „благовѣтствованье“. Въ остальномъ встрѣчаются лишь случайныя описки; онѣ и правлены.

[3]) Три особы—Пироговъ и его два сына отъ первой жены: Николай и Владиміръ. О первой женѣ Пирогова—Екатеринѣ Дмитріевнѣ Березиной—и его сыновьяхъ см. „примѣчанія“ къ письмамъ Н. И., опубликованнымъ въ майской книгѣ „Русской Старины“ за 1915 годъ.

откровенности, которую я тебѣ доказывалъ до сихъ поръ; если бы ты взяла на себя трудъ все это хорошенько обдумать (ты видишь, я тебя не щажу и говорю съ тобою жестко; я не боюсь такъ говорить, потому что чувствую: сердце докажетъ тому, кто истинно любитъ, что онъ не долженъ въ однѣхъ словахъ искать доказательствъ любви)... Тебѣ пора бы, кажется, убѣдиться, что все, что я тебѣ писалъ въ такой подробности о себѣ и что могло подать поводъ думать, что будто я ужасно хлопочу *о моемъ щастіи*, дѣлалъ я совсѣмъ не для себя, а *для тебя*, чтобъ дать тебѣ средство чрезъ познаніе меня сдѣлаться счастливою.

Твое, а не мое щастіе у меня на умѣ. Нещастія и бѣды въ будущемъ меня какъ-то уже теперь не тревожатъ, я свыкся съ ними отчасти, думалъ довольно объ ихъ неизбѣжности, и, наконецъ, теперь я чуствую, меня не оставляетъ подкрѣплять Своею Волею и Милосердый мой Отецъ. И такъ, если и бываютъ мгновенія сомнѣній и печали, то я утѣшаюсь вскорѣ, подумавъ, что они также скоротечны, какъ и мгновенія радости. О чемъ же тутъ много хлопотать? — Даже, если хочешь, мгновенія печали и скуки еще какъ-то пріятнѣе; они не оставляютъ въ сердцѣ того опасенія за щастіе, какъ минуты веселости. Но, разумѣется, можетъ ли быть пріятнымъ видѣть жену, которую любишь и которая терпитъ отъ того, что меня не понимаетъ. Мой долгъ, такъ какъ себя перемѣнить совершенно нельзя въ мои лѣта, разсказать ей въ подробности все, что о себѣ знаешь, и показать болѣе худую свою сторону, нежели свои чувства, которыя, надѣешься и убѣжденъ, обнаружатся всегда довольно явственно, чтобы ихъ замѣтить.

Замѣчаніе 3. Мои насмѣшки и замѣчанія о Женни [1]) ты не поняла. Получивши мои 2 или 3 послѣднія письма [2]), ты ихъ лучше поймешь, надѣюсь. Скажу тебѣ и предварю тебя заранѣе ты сама, сердись или не сердись, будешь имъ подвергаться не однажды; но, узнавъ мое сердце, которое не въ состояніи никому желать дѣйствительно зла и которое болѣе способно любить, ты не можешь и не должна ими обижаться. Смѣйся, и мы

---

[1]) Евгенія Ѳеодоровна Козенъ, родственница А. А. Бистромъ—см. о ней въ майской книгѣ „Русск. Стар.“.

[2]) Письма отъ 12—17 апрѣля посвящены также вопросамъ воспитанія дѣтей, при чемъ въ первомъ изъ нихъ (отъ 12—15 апрѣля) элементу личному — чувствамъ. Пирогова къ невѣстѣ—удѣлено нѣсколько больше мѣста, чѣмъ въ другихъ, а послѣднее—отъ 18 апрѣля—наполнено исключительно выдержками изъ Евангелія по вопросу о любви къ ближнему.

будемъ вмѣстѣ смѣяться; не бери все сейчасъ съ стороны серіозной, отличай; нѣкоторыя замѣчанія передаются и остаются въ памяти лучше въ видѣ насмѣшки. Не привязывайся слишкомъ къ формѣ. Можно и глубокій смыслъ передать въ шуточномъ видѣ, лишь бы онъ взошелъ въ душу и тотъ, кто его принимаетъ на себя, сумѣлъ бы отличить существенное отъ формы. Никогда не разбирай и не анализируй сказанное въ видѣ насмѣшки серьезно и педантически, этимъ покажешь недостатокъ и неопытность вкуса. Анализируя, нужно всегда примѣняться въ выраженіяхъ и въ образѣ изложенія къ образу изложенія того предмета, который анализируемъ; иначе подвергаешься непріятности быть не слушаннымъ или не читаннымъ, или и слушаннымъ и читаннымъ, но зѣвая, т. е. такъ, какъ ты, однажды, слушала мое чтеніе Шекспирова Цезаря.

Замѣчаніе 4. Богъ знаетъ съ чего ты берешь называть высокими теоріями ума то, что я пишу тебѣ. Что это, насмѣшка что ли надо мною? Смотри, моя душка, чтобы я не надулся на тебя также, какъ ты на меня за письмо отъ 22 марта [1]). Какое послѣ этого я долженъ сдѣлать заключеніе о моемъ умѣ? Когда то, что я писалъ къ тебѣ такъ просто, такъ откровенно, то веселясь, то печалясь, — но никогда не высоко, — ты называешь вдругъ *высокой теоріей?* Я бы непремѣнно отъ другой особы это счелъ за насмѣшку; но такъ какъ моя душа, Саша, особа слишкомъ серіозная и насмѣшекъ терпѣть не можетъ, то я, дѣйствительно, обижаюсь, думая, что она имѣетъ весьма плохое понятіе о моемъ умѣ, который она считаетъ просто за одинъ только умишко.

Замѣчаніе 5, уже серьезное. Вонмемъ. — Оно, впрочемъ, надѣюсь, будетъ лишнее послѣ того, какъ ты прочтешь и хорошенько поймешь смыслъ моихъ послѣднихъ писемъ.

Смотри, Саша, убѣдись, какъ вы женщины привыкли говорить фразы или же, что еще хуже, какое плохое имѣете вы понятіе о *достоинствѣ и важности вашихъ обязанностей.* И ты, ты, моя избранная, что ты говоришь, послушай: „далѣе не простирается моя умственная способность; при томъ (и все безъ запятыхъ), скажу тебѣ откровенно, **я нахожу слишкомъ достаточнымъ** (сомнительное окончаніе), для женщины (слава Тебѣ, Господи, одна запятая), если она проникнута желаніемъ

[1]) Письмо отъ 22 марта содержитъ въ себѣ нѣсколько колкихъ замѣчаній по адресу обывательски-мыслящихъ и занятыхъ мелкими дрязгами людей, особенно женщинъ, и въ частности задѣваетъ близкую родственницу А. А. Бистромъ.

выполнять свое назначеніе: ея обязанности жены, матери и хорошей хозяйки. **Но и на это надобно довольно умѣнья** и проч.", то-есть, это то же, если бы ты сказала: „я нахожу слишкомъ достаточнымъ жертвовать своею жизнью, своимъ счастьемъ, всѣми земными благами, *и на это надобно имѣть довольно умѣнія*".

Да, я думаю.—Такъ вы, женщины, привыкли играть этими святыми словами: *жена и мать*. „*Уже этого достаточно, если я буду хорошая жена, хорошая мать*"—повторяете вы,—прости, но не могу удержаться,—какъ сороки. Достаточно! Да что же еще выше этого *на землѣ*? Вѣра?—Да, она выше всего, но она же и поставляетъ первою и святою обязанностію для женщины быть хорошею женою и хорошею матерью [1]).—„Но далѣе не простирается моя умственная способность, **при томъ же**" и проч.—говоришь ты. Да понимаешь ли ты, какого запаса способности сердца и ума требуетъ надлежащее исполненіе этихъ 2-хъ обязанностей?

Нѣтъ!—Саша, воля твоя, ты не думала еще объ этомъ, или сказала такъ не подумавши.—Прочти, прочти, мои послѣднія письма, пойми, какъ я смотрю на женщину, особливо прочти мой идеалъ женщины, и, надѣюсь, ты будешь тогда выше думать о назначеніи женщины и не скажешь: „*но и на это надобно имѣть умѣніе*", а будешь благоговѣйно молиться: „Боже! даждь мнѣ Волю и Силу выполнить мое святое назначеніе на землѣ во Славу Твоего Имени и для блага, Твоимъ Милосердіемъ и Твоею отческою любовью осѣненнаго, человѣчества".

Замѣчаніе 6 (не менѣе серьозное). Касательно твоихъ взглядовъ и чуствъ о Вѣрѣ, онѣ для меня святы; я преклоняюсь предъ ними и благословляю Моего Господа, что Онъ посылаетъ мнѣ жену такъ вѣрующую, какъ ты. Сохрани меня Боже хотя на волосъ поколебать въ тебѣ это святое, неприкосновенное

[1]) Въ статьѣ „Вопросы жизни" читаемъ: „Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ: какъ устроить вашъ семейный бытъ и какъ найти сочувствіе въ кругу своихъ? Но, что если васъ не пойметъ та, въ которой вы хотѣли найти сочувствіе къ убѣжденіямъ, такъ дорого пріобрѣтеннымъ, въ которой вы ищете сотрудницу въ борьбѣ за идеалъ?.. Что, если спокойная, безпечная въ кругу семьи, жена будетъ смотрѣть съ безсмысленною улыбкою идіота на вашу завѣтную борьбу? Или, какъ Марѳа, расточая возможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одною лишь мыслію: угодить и улучшить матеріальное, земное ваше бытье?.. Что, если, стараясь нарушить ваши убѣжденія, купленныя долгою жизнію перевоспитанія, трудовъ, борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитаніи дѣтей?" Сочиненія, изд. 1914 г., т. I, стр. 31 и 77.

чуство, этотъ залогъ твоихъ добродѣтелей; это значило бы быть злодѣемъ противъ Бога и противъ самого себя; потому что послѣ Бога на чье благо будутъ обращаться эти добродѣтели жены, основанныя на Вѣрѣ, какъ не на благо мое и моихъ дѣтей? И такъ, благодарю Тебя, Отецъ Мой!

Но все же я считаю нужнымъ съ тобою вникнуть въ подробность. Нужно не только вѣрить, но и умѣть доказывать и убѣждать въ вѣрѣ другихъ, особливо дѣтей; нужно умѣть и защищать свою вѣру противъ внѣшнихъ нападеній и сомнѣній, которымъ она всегда подвергалась. Я считаю недостойнымъ настоящаго Вѣрующаго затыкать уши, отступаться и молчать, когда слышишь нападенія и возраженія. Не такъ дѣйствовалъ Спаситель, не такъ дѣйствовали Евангелисты и Апостолы. Спаситель твердо отвѣчалъ на всѣ возраженія фарисеевъ и садукеевъ. Апостолы боролись противъ ересей и безвѣрія. Слѣдовательно, кромѣ своихъ внутреннихъ, неприкосновенныхъ убѣжденій, тщательно сохраняемыхъ въ скиніи души, нужно еще и быть вооруженнымъ доводами ума и науки, чтобы развить между невѣдующими или маловѣрными свои убѣжденія. Это нашъ долгъ.

Послѣ замѣчаній моихъ на твои письма я распространюсь обо всемъ этомъ въ подробности (см. *впра*). Теперь скажу тебѣ только покуда, что: 1) не справедливо съ твоей стороны и не въ духѣ настоящаго христіанскаго ученія говорить: „прежде (у тебя сказано *тамъ*, но смыслъ *тогда*) любовь одушевляла меня (къ Спасителю) и заставляла **ненавидѣть** все, что не согласовалось съ Божественнымъ ученіемъ“—*Ненавидѣть* не существуетъ въ христіанскомъ ученіи; слово *ненависть* можетъ быть терпимо въ христіантствѣ только въ отношеніи къ безчуственнымъ предметамъ, но не къ лицамъ и не къ взглядамъ [1]).

---

[1]) Черезъ 9 лѣтъ, въ рѣчи при прощаніи съ одесскимъ еврейскимъ обществомъ, Н. И. говорилъ: „Навѣрное всѣ мы раздѣляемъ и мысль великаго Гумбольдта о томъ, что цѣль человѣчества состоитъ въ развитіи внутренней его силы, къ которой оно должно стремиться общими силами, не стѣсняясь различіемъ племенъ и націй“. Въ рѣчи къ студентамъ университета св. Владимира, произнесенной чрезъ 3 года послѣ только-что цитированной, онъ говорилъ по тому же вопросу: „Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ... Наконецъ, вы,—думаю,—увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей... Но не различая вашихъ національностей предъ лицомъ науки, я никогда не мечталъ о слитіи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать

Терпимость, indulgence, tolerance,—суть главныя отличительныя черты христіанства. Посмотри, какъ поступилъ Спаситель съ блудницей, которую народъ, слѣдуя постановленію Ветхаго Завѣта, хотѣлъ побить камнями [1]). Ненавидя и преслѣдуя (словомъ ли, мыслію ли, дѣломъ ли) тѣхъ, которые не имѣютъ одинакихъ съ нами взглядовъ и религіозныхъ убѣжденій, не превращаемся ли мы въ фарисеевъ и садукеевъ, *гнавшихъ, ненавидѣвшихъ* и преслѣдовавшихъ Спасителя за то, что Онъ не слѣдовалъ ихъ ученію. Іисусъ бесѣдовалъ, раздѣлялъ трапезы съ мытарями, слѣдовавшими совершенно другимъ религіознымъ взглядамъ. Ученики Его были изумлены, нашедъ Его бесѣдующимъ у колодца съ Самаритянкой.

Ничѣмъ лучше и сильнѣе не убѣждается невѣрующій и маловѣрующій въ истинной утѣшительности и высокости христіанскаго ученія, какъ терпимостію; она убѣждаетъ лучше всѣхъ доводовъ на свѣтѣ. И такъ, *чтобы о религіозной ненависти я никогда отъ тебя не слыхалъ, если ты истинно меня любишь и хочешь слѣдовать моимъ наставленіямъ*. Это въ моихъ глазахъ—нравственное преступленіе.

2) Несправедливо также съ твоей стороны думать слѣдующее;—что я впрочемъ не совсѣмъ ясно понимаю;—„правда, что и теперь сердце обливается кровью (вспоминая страданія Спасителя) *при мысли неблагодарности* и опять готова любить и вѣрить, но только тогда буду покойна и счастлива, когда мысль сія непрестанно будетъ преслѣдовать меня (какая мысль? о неблагодарности?),—тогда только пойму всю тщетность своихъ (т. е., моихъ) собственныхъ стараній, когда *не любовь* будетъ одушевлять борьбу съ самимъ собою (т. е. самой собою), а натуральная наклонность предпочитать добро злу“.

самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ“...

[1]) Сравнимъ это со слѣдующимъ отрывкомъ изъ рѣчи Н. И., которую онъ произнесъ въ апрѣлѣ 1861 г., при оставленіи поста попечителя кіевскаго учебнаго округа: „Всякому, кто искренно любитъ людей, вѣрно, не разъ приходилъ на мысль вопросъ, откуда происходитъ недружелюбіе, вражда и ненависть одной націи противъ другой? Начало этихъ чувствъ было бы естественно и извинительно, если бы оно происходило отъ того, что одна нація ненавидѣла бы другую или даже всѣ націи—за взгляды и убѣжденія, противные человѣчности и стремленію къ истинѣ.—Но какая изъ націй можетъ похвалиться, что всѣ ея убѣжденія дѣйствительно основаны на этихъ двухъ высшихъ стремленіяхъ и какую можно порицать за то, что всѣ ея убѣжденія совершенно имъ противны?“ (Сочиненія, т. I, изд. 1914 г., стр. 827).

Что это такое? Ты поймешь тщетность твоихъ стараній бороться, когда наклонность къ добру будетъ одушевлять тебя въ борьбѣ? Хочешь ли этимъ сказать, что бороться съ собою изъ одного влеченія къ добру—тщетное стараніе, или что бороться *изъ любви*—тщетное стараніе? Кажется, ты думала послѣднее. Если такъ, то несправедливо.

Послѣ, говоря о 3-хъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, я приведу тебѣ все главное, что нашелъ въ ученіи Апостоловъ и Евангелистовъ о любви, теперь же достаточно для убѣжденія тебя въ несправедливости слѣдующее: „Есть ли я говорю языками человѣческими и Ангельскими, а *любви* не имѣю, то я мѣдь звучащая и кимвалъ звенящій. Есть ли имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всѣ познанія, такъ что и горы могу переставлять, а не имѣю *любви*: то я ничто. И если я раздамъ все мое имѣніе и отдамъ тѣло на сожженіе, а любви не имѣю,—то это ни къ чему мнѣ не послужитъ. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, не гордится, любовь не превозносится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не помнитъ зла, не радуется неправдѣ, а радуется истинѣ, *все прикрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ* (о, мужъ вдохновенный, Самъ Богъ руководилъ твоимъ перомъ!!!). Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знанія изчезнутъ... Намъ остаются только три эти: вѣра, надежда, любовь; но *любовь изъ нихъ больше* (Апост. Павла Перв. Послан. къ Коринѳянамъ). „Паче же всего имѣйте *усердную любовь* другъ къ другу; ибо *любовь прикрываетъ множество грѣховъ*“ (Посл. Петра, первое).

Наконецъ, вотъ тебѣ и слова вдохновеннаго Богослова, любимца Спасителя, возлежавшаго на груди Его въ тотъ незабвенный день, когда онъ преломлялъ хлѣбъ: Абб. Dassange, составившій краткую біографію Богослова изъ твореній Св. Августина, Иринея и другихъ, говоритъ:

„Въ послѣднее время его жизни (св. Іоанна) его должны были приносить въ церковь къ вѣрующимъ: и такъ какъ слабость или его преклонный возрастъ (ему было тогда около100 лѣтъ) и его апостольскіе труды сильно ослабили его, мѣшали ему вести продолжительныя бесѣды, то онъ произносилъ только слѣдующія слова: „Дѣти мои, любите другъ друга!“ Ученики его однажды спросили, почему онъ постоянно повторяетъ одно и

то же.—„Это заповѣдь Господа,—отвѣтилъ онъ,—и достаточно соблюдать только ее, чтобы получить спасеніе“ [1]).

Отъ чего же въ тебѣ родилась такая недовѣрчивость къ любви?—Или ты подъ именемъ любви разумѣешь теперь только одностороннее влеченіе сердца къ избранному и потому думаешь, что это влеченіе земное, тѣлесное? Да и Апостолы говорятъ очевидно о любви земной, житейской, другъ къ другу. Они одушевляютъ ею послѣдователей ихъ ученія, зная, что сокровенный источникъ этого земного теченія, этой житейской любви,—не земной; онъ данъ человѣку отъ Бога, онъ—самое чистое проявленіе Духа Божія въ натурѣ человѣка, безъ него, безъ этого небеснаго чувства, напоминающаго человѣку безпрестанно о Богѣ, о любви, связывающей Его съ нимъ,—нѣтъ настоящаго влеченія къ добру, нѣтъ „натуральной наклонности, какъ ты выражаешься, предпочитать добро злу“.—Дай Богъ, чтобы я въ этомъ случаѣ тебя не понялъ, (что̀ твоя вина, потому что ты не соблюдаешь знаковъ препинанія и мало заботишься о грамматическомъ смыслѣ) [2]).

Ты, можетъ быть, именно то же хочешь сказать и то же думаешь, что и я: т.-е., что любовь должна одушевлять борьбу, а не одна натуральная наклонность предпочитать добру зло; кажется, впрочемъ, это такъ есть изъ того, что слѣдуетъ у тебя послѣ. Такъ и должно быть, Саша не можетъ думать иначе. Ея религія вѣрно основана на любви, на любви къ Богу, на любви къ избранному, на любви къ ближнимъ.—Моя также; но ты послѣ увидишь, какъ я понимаю эту любовь.

„Будемъ молиться, ты говоришь, моя неоцѣненная, чтобы Онъ осѣнилъ сердца наши теплой любовію къ Нему, Источнику всѣхъ благъ, и тогда, проникнутые симъ высокимъ чуствомъ, мы будемъ надѣяться на Его милосердіе и только бы горячія слезы раскаянія омывали прегрѣшенія наши“—(чудо! восхити-

---

[1]) Отрывокъ этотъ изъ книги абб. Дассанжа приведенъ въ письмѣ Пирогова по-французски. Переводъ его, какъ и дальнѣйшихъ отрывковъ, сдѣланъ М. А. Вайсбейнъ, которой приношу за ея любезное содѣйствіе глубокую благодарность. Книги Дассанжа, къ сожалѣнію, не удалось найти ни въ одномъ изъ общихъ или спеціальныхъ столичныхъ хранилищъ, несмотря на то, что поиски книги принялъ на себя профессоръ Петроградской духовной академіи С. М. Заринъ, затратившій на это много времени и энергіи и вступавшій даже по этому поводу въ переписку съ представителями Московской духовной академіи.

[1]) Что, по моему убѣжденію, вмѣстѣ съ душевными качествами необходимо для призванія быть образованною женою, матерью и хозяйкою. *Выноска Пирогова.*

тельно! святой, глубокой поцѣлуй устамъ твоимъ, произносящимъ эту умилительную мольбу къ Искупителю), — но за этимъ слѣдуетъ то, что противорѣчитъ моимъ понятіямъ о вѣрѣ; „вѣра, говоришь ты, тогда вмѣнится намъ вмѣсто дѣлъ“!

Нѣтъ! Саша, вѣру безъ дѣлъ я не постигаю. Слушай, что сказалъ одинъ изъ моихъ любимыхъ Апостоловъ, Іаковъ: „что пользы, братіи мои, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ, можетъ ли вѣра спасти его? (Гл. 2, 14). Если, напримѣръ, братъ или сестра наги и не имѣютъ дневнаго пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: подите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что пользы? *Такъ и вѣра, если дѣлъ не имѣетъ, мертва сама по себѣ.* На сіе можетъ кто-нибудь сказать: ты вѣру имѣешь, а я дѣла имѣю. Покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ твоихъ, а я покажу тебѣ вѣру мою въ дѣлахъ моихъ. Ты вѣришь, что Богъ единъ; хорошо, и бѣсы вѣрятъ и трепещутъ. Неосновательный человѣкъ! Хочешь ли разумѣть, что вѣра безъ дѣлъ мертва? Авраамъ не дѣлами ли оправдался, возложивъ сына своего на жертвенникъ? Не видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его и дѣлами совершилась вѣра? И такъ, не видите ли, что дѣлами, а не вѣрою только оправдывается человѣкъ. *Ибо, какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва*“. (Гл. 2. 14—26).

Послѣ, говоря о вѣрѣ, я тебѣ докажу, что все ученіе Христа было: *вѣра дѣлъ*.—Это ученіе восторженныхъ піетистовъ, которые не въ дѣлахъ, а въ одной вѣрѣ и молитвѣ заключаютъ все, и тебѣ передано нашею Женни отъ Нильсена [1]), а не могло излиться

---

[1]) Нильсенъ—протестантскій проповѣдникъ, имѣвшій успѣхъ въ нѣкоторыхъ кругахъ петербургскаго общества въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. По настоянію невѣсты Пироговъ пошелъ (въ мартѣ 1850 г.) послушать Нильсена, но остался недоволенъ его проповѣдью. Такъ, въ письмѣ отъ 12 марта онъ сообщаетъ А. А. Бистромъ: „Сегодня я исполнилъ твое желаніе и слушалъ проповѣдь Нильсена, которая продолжалась около 2 часовъ. Вотъ впечатлѣніе, которое она произвела на меня. Я взошелъ въ церковь съ большимъ расположеніемъ къ молитвѣ. Но на хорахъ было холодно, дуло, и уже это подѣйствовало на меня не совсѣмъ благопріятно. Еще менѣе меня согрѣла проповѣдь Нильсена. Meine Seele war nicht erquickt. Крикливая, пронзительнымъ голосомъ произносимая и нерѣдко прерывистая, рѣчь проповѣдника не оживляла и не успокаивала душу. Ни въ этой рѣчи, ни въ мимикѣ не было того величаваго спокойствія, которое я привыкъ воображать въ апостольской проповѣди. Были минуты, въ которыя проповѣдникъ, очевидно, проникнутый убѣжденіемъ въ истинѣ словъ своихъ, говорилъ увлекательно,—но не убѣждалъ и не разливалъ мира въ душѣ... Онъ... не

изъ твоего собственнаго сердца. Нѣтъ! Господи, молю Тебя! Вмѣни мнѣ дѣла мои, какъ бы они слабы ни были, вмѣсто вѣры моей, которая была нѣкогда еще слабѣе, и будь милосердъ ко мнѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

сказалъ ни слова, какимъ путемъ мы должны достигнуть этой непоколебимой вѣры, безъ которой нѣтъ спасенія, и послѣ въ молитвѣ не призвалъ даже и благословенія Божія на тѣхъ, которые чрезъ незнаніе или заблужденіе еще не достигли этой благодатной вѣры. Для чего же такая нетерпимость? Спаситель былъ милосердъ и къ мытарямъ, и къ саддукеямъ, и къ язычникамъ". Въ столичныхъ протестантскихъ кругахъ до сихъ поръ сохраняется память о пасторѣ Нильсенѣ, какъ о руководителѣ петроградскаго отдѣленія сарептской общины германскаго союза „Brüdergemeinde", существовавшаго въ столицѣ до 80 годовъ прошлаго столѣтія, имѣвшаго собственную молельню и функціонировавшаго независимо отъ мѣстнаго евангелическо-лютеранскаго управленія.

Письмо директора Царскосельскаго Лицея Малиновскаго объ открытіи Лицея.

Постановленіе о Царскосельскомъ Лицеѣ утверждено было Императоромъ Александромъ 12 августа 1810 года.

Черезъ десять послѣ того мѣсяцевъ директоромъ Лицея назначенъ былъ, 12-го іюня 1811 года, статскій совѣтникъ В. Ѳ. Малиновскій.

Въ августѣ того же года произведены были экзамены желавшимъ поступить въ лицей юношамъ и 22-го сентября тридцать изъ нихъ признаны достойными принятія въ число его воспитанниковъ.

Наконецъ, выработанъ былъ порядокъ торжественнаго открытія лицея. Малиновскій представилъ министру народнаго просвѣщенія „начертаніе краткой рѣчи“, которую долженъ былъ произнести при открытіи лицея, прибавивъ, что „приметъ съ тою преданностью, которую искренно хранитъ къ его особѣ все, что министръ соизволитъ въ ней отмѣнить или убавить“.

Однако, графъ Разумовскій представленнаго Малиновскимъ проекта рѣчи не одобрилъ и поручилъ директору департамента просвѣщенія И. И. Мартынову составить другой проектъ, который и передалъ Малиновскому, разрѣшивъ ему прочесть, а не произнести эту рѣчь.

Торжество открытія лицея состоялось въ среду, 19 октября 1811-го года. Оно неоднократно описано было въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ и въ воспоминаніяхъ современниковъ, свидѣтелей этого событія.

На слѣдующій же, послѣ открытія лицея, день В. Ѳ. Малиновскій сообщилъ объ этомъ праздникѣ брату Павлу Ѳедоровичу. Печатаемъ его письмо полностью [1]), въ виду того, что оно содержитъ нѣкоторыя подробности, ускользнувшія отъ вниманія другихъ свидѣтелей этого торжества.

Сарское Село, 20 октября 1811 г. Любезнѣйшій братъ. Вчера совершился первый подвигъ мой открытіемъ лицея. Я желалъ въ душѣ моей, чтобъ Государь былъ доволенъ и видѣлъ сіе удовольствіе на лицѣ Его Величества и всей императорской фамиліи, все имъ нравилось и все угодно, что мы учредили, поперемѣнно удостаивали меня своего слова. Порядокъ обряда совершенъ безъ малѣйшаго нарушенія; рѣчь свою, я, по дозволенію министра, прочелъ громко, съ тревожнымъ иногда прерывающимся духомъ, но безъ остановки. Гости, тотъ и другой, всѣ изъ чиновъ совѣта, дѣлали мнѣ привѣтствія, что заведеніе въ хорошихъ рукахъ. Суди: Аракчеевъ, вѣдь онъ не льстивый человѣкъ, и тотъ изъявлялъ свою довѣренность ко мнѣ, а министръ юстиціи [2]) гораздо еще пространнѣе по его краснорѣчію изъяснялся и тебя вспомнилъ. Все хорошо; слава Богу.

Ввечеру съ дѣтьми прочелъ самъ: Тебя Бога хвалимъ.

Нынѣ проснулся и посѣтилъ ихъ; иной въ постели, иной полуодѣтъ. Первый Ваня [3]) встрѣтился; съ нимъ говорила Императрица Елизавета Алексѣевна. Онъ, при вступленіи высокихъ посѣтителей, прочелъ молитву предъ обѣдомъ и за столъ сѣли и въ присутствіи кушали и дворъ составился въ столовой, гдѣ все занимало вниманіе посѣтителей. Блюда четыре,—праздничный обыкновенный обѣдъ,—но со вкусомъ, со вниманіемъ и попечительностію, какъ въ семействѣ, о дѣтяхъ, а не по казенному.

Государь, по окончаніи собранія, сказалъ дѣткамъ, вошедъ въ ихъ ряды, которыми они по росту были уставлены: „сдержите свое слово“, разумѣя тѣ обѣщанія, съ которыми они вступили въ Лицей,—быть отличными юношами.

Посылаю Рѣчи [4]), а прочее въ Сѣверной Почтѣ увидишь. Прости.

---

[1]) Хранится въ числѣ бумагъ семейства Малиновскихъ въ рукописномъ отдѣленіи императорской публичной библіотеки.

[2]) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

[3]) Иванъ Васильевичъ Малиновскій, сынъ директора, воспитанникъ I курса Лицея.

[4]) Рѣчи, произнесенныя при открытіи Императорскаго Царскосельскаго Лицея, Спб. 1811 г. 4°, 12 стр. Въ этой книжкѣ помѣщены привѣтственная рѣчь Государю, читанная Малиновскимъ, и наставленіе воспитанникамъ, читанное профессоромъ Куницынымъ.

Письмо это прекрасно рисуетъ доброту и мягкость Малиновскаго. Въ ввѣренныхъ его попеченію питомцахъ Лицея онъ видѣлъ какъ бы родныхъ дѣтей своихъ.

Вслѣдъ за напечатаннымъ 21 октября въ Сѣверной Почтѣ (№ 84) оффиціальномъ сообщеніи объ открытіи Лицея, въ Dörptsche Zeitung 5-го ноября (№ 89) явилась анонимная корреспонденція изъ Петербурга, описывающая то же торжество, при чемъ рѣчь профессора Куницына характеризуется словами: „eine vortreffiche Sittenrede“.

Корреспонденція эта принадлежитъ Е. А. Энгельгардту, желавшему, какъ ходилъ тогда слухъ, занять должность директора Лицея, что, черезъ три года, ему и удалось. Онъ, по свидѣтельству И. И. Пущина, присутствовавшаго на торжествѣ 19 октября въ числѣ воспитанниковъ Лицея, былъ проникнутъ ощущеніями этого дня и въ особенности рѣчью Куницына [1]).

Дмитрій Кобеко.

[1]) Пущинъ. Записка о Пушкинѣ. Спб. 1907, стр. 17.

Изъ дальнихъ лѣтъ.

(Пересказъ моихъ тетушекъ).

ГЛАВА I.

Воспоминанія дѣтства.—Семейная хроника.—Постройки въ Царскомъ по планамъ Растрелли.—Три поколѣнія Нѣеловыхъ, дворцовые архитектора Царскаго Села.—Капризъ Екатерины II и разговоръ ея по этому поводу.—Быстрый переносъ Египетскихъ Воротъ къ Кузьмину и награда Императора Павла I.—Постройки въ Царскосельскомъ дворцѣ при Екатеринѣ II.—Постройка Александровскаго дворца и разбивка парка при Императорѣ Александрѣ I.—Императоръ Александръ I разбираетъ чертежи по постройкѣ Александровскаго дворца.—Марія Парижская.—Императрица Марія Ѳеодоровна воспитываетъ ее, отдаетъ въ Смольный и выдаетъ замужъ за В. Г. Жукова.—Табакъ Жукова.

Въ 1848 году я былъ привезенъ въ Царское Село тетушкою моею (она же и мать крестная моя) Анастасіею Петровною, родной сестрой моего отца, погостить; мнѣ тогда было пять лѣтъ, но я живо помню всѣ подробности, какъ нашей поѣздки изъ Петергофа, гдѣ жилъ отецъ, такъ и пріѣзда къ тетушкамъ. Ѣхалъ я съ тетушкой въ каретѣ, она же и коляска, на крутыхъ рессорахъ, такія кареты въ то время назывались дормезами; карета эта была взята для этой поѣздки у Петергофскаго доктора Богушевича, съ семьей котораго отецъ мой и мать были дружны. Время это было іюль мѣсяцъ, такъ какъ тетушка пріѣзжала на именины моей матери 11 іюля. Поѣздка по всей вѣроятности продолжалась не болѣе двухъ часовъ, такъ какъ лошади были почтовыя, четверней на выносъ, ѣхали шибко, чего тетушка очень боялась; одѣта тетушка была въ полутраурѣ, такъ какъ не было году со смерти ея отца, я же былъ одѣтъ въ голубую рубашку шерстяную муслинъ де-лень, обшитую по подолу золотой тесьмой, и подпоясанъ золотымъ кушакомъ, на

концахъ котораго были золотые жолуди; панталоны были полосатыя на выпускъ, не доходящія до сапогъ, сапоги съ красной оторочкой, фуражка соломенная, бѣлая, съ лакированнымъ бѣлымъ же козырькомъ изнутри зеленымъ. Пріѣхавъ въ Царское въ домъ тетушекъ, мы были встрѣчены другой тетушкой Еленой Петровной, подхватившей меня на руки; она снесла меня въ свою комнату, стала со мной играть, и въ это время пришли сюда же двѣ дамы жилицы, нанимавшія на лѣто у тетушекъ квартиру: это были Прасковья Васильевна сестра сенатора Пѣвта и жившая у него Олимпіада Ивановна. Самъ Пѣвтъ Василій Гавриловичъ никуда не выходилъ изъ своихъ комнатъ, боясь холеры; въ это время была сильная холера въ Петербургѣ, и все въ его квартирѣ было строго осторожно, чего впрочемъ ни мои тетушки, ни посѣщавшія ихъ знакомыя не соблюдали. Въ Царскомъ Селѣ холеры и не было; слѣдуетъ это приписать чистому воздуху, и известковой водѣ таицкихъ ключей. Въ память этого въ Царскомъ и бываетъ ежегодно 5 іюля крестный ходъ вокругъ всего города. Насколько я себя помню, ребенкомъ былъ я красивъ, такъ какъ слышалъ отъ многихъ похвалу моей красоты; волосы у меня были длинные, бѣлые, какъ лёнъ, всегда завитые, глаза большіе черные; я былъ румяный, живой, шаловливый. Погостивъ у тетушекъ около года, меня взялъ отецъ къ себѣ, но тутъ я сталъ такъ скучать и плакать, что не спалъ по ночамъ, и отецъ, боясь, что я расхвораюсь, свезъ меня обратно къ тетушкамъ. Здѣсь я и росъ до поступленія въ кадетскій корпусъ; здѣсь я много слышалъ разсказовъ объ прошедшихъ временахъ. Тетушка Настасья Петровна, родившаяся въ 1800 г., воспитывалась въ Екатерининскомъ Институтѣ, была сверстницей Марьи Павловны Леонтьевой, впослѣдствіи статсъ-дамы Начальницы Смольнаго Института обѣихъ половинъ, и ея сестры Надежды Павловны Шиповой, впослѣдствіи Начальницы Царскосельскаго Духовнаго Училища; обѣ онѣ сохранили дружбу съ тетушкой, бывая другъ у друга. Тетушка по своему времени была очень образованная и умная дѣвушка, умѣла себя держать съ достоинствомъ, была религіозна, но не ханжа, въ молодости за нее сватался Олсуфьевъ, впослѣдствіи бывшій оберъ-гофмаршалъ. Знакомство ея, которое я засталъ, было: кромѣ Леонтьевой и Шиповой, Варвара Петровна Булыгина, сверстница по институту со своей матерью Маріей Ивановной, бывшей воспитательницей малолѣтнихъ Великихъ Князей Александра, Николая, Константина, Михаила Павловичей, а также и Великихъ Княженъ,—Иванъ Ильичъ Хатовъ, генералъ-лейтенантъ, дирек-

торъ Александровскаго кадетскаго корпуса, его брата вдова тоже генер.-лейт. Марія Сергѣевна Хатова со своей сестрой Настасьей Сергѣевной, Надежда Николаевна Иванова, фрейлина Императрицы Маріи Ѳеодоровны, жившая въ Царскомъ же въ своемъ домѣ противъ нашего сада—Анна Сергѣевна Волкова, вдова шталмейстера Императорскаго Двора, со своими дочерьми Маріей и Елисаветой Ѳеодосьевными, Елисавета была замужемъ за л.-гв. Кирасирскимъ полковникомъ Ушцевичемъ, дочь которой Елисавета въ 1914 г. справляла свое пятидесятилѣтіе сестрой милосердія,—Настасья Ивановна Харламова, вдова бывшаго совѣтника Царскосельскаго дворцоваго правленія, съ четырьмя сыновьями,—двѣ старыя дѣвицы Тенишны. Вотъ это все тѣ, которыя видѣлись если не нѣсколько разъ въ недѣлю, то уже непремѣнно разъ въ недѣлю; всѣ они разговаривая, вспоминали какъ очевидцы, стоявшія вблизи Императорскаго Двора, все тамъ происходящее, и разсказы о временахъ Императоровъ Павла I, Александра I. Тетушку посѣщалъ иногда Александръ Ивановичъ Европеусъ, который нѣсколько разъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, надъ которымъ обыкновенно подтрунивали, что ему опять является новый расходъ на наемъ квартиры; онъ былъ племянникъ Булыгиной; пріѣзжали также бывшіе лицеисты, сверстники моихъ отца и дяди, бывалъ иногда Иванъ Самойловичъ Алопеусъ, бывшій директоръ училища Правовѣдѣнія, а его сестра Амалія Самойловна гащивала у тетокъ по нѣсколько мѣсяцевъ;—тетки росли подъ наблюденіемъ сестры своего отца, старой дѣвушки временъ Императрицы Екатерины II, которая вмѣстѣ съ ихъ отцомъ многое передали о тѣхъ временахъ.

Родоначальникъ всего мною вспоминаемаго былъ Петръ Васильевичъ, родившійся въ 1734 году и умершій въ 1848 году на 114 году своей жизни; прослужилъ онъ 86 лѣтъ, не разъ онъ просилъ Царей уволить его въ отставку, но всегда слышалъ:—служи, и если тебѣ это въ тягость, то будетъ исполнять другой подъ твоей отвѣтственностью и надзоромъ. Онъ былъ Царскосельскій придворный архитекторъ, тогда впрочемъ въ Царскомъ другого архитектора и не было. Всѣ постройки части Большого Дворца, Александровскій Дворецъ, Лицей, кіоски, мостики, каналы и проч. были выстроены имъ по планамъ Растрелли и другимъ, а частью и его самого. Проживалъ онъ въ казенномъ домѣ уголъ Средней и Леонтьевской улицъ, рядомъ съ этимъ домомъ по Средней улицѣ былъ въ три окна флигель. Это была чертежная, въ которой начали свое ученье бывшій

професоръ архитектуры Горностаевъ и впослѣдствіи Царскосельскій придворный архитекторъ, дѣйств. ст. совѣтн. Видовъ, сынъ портного, взятый Петромъ Васильевичемъ въ ученье. Петръ Васильевичъ былъ отецъ моего отца и тетокъ, т. е. мой дѣдъ, до 45 лѣтъ былъ холостъ, служилъ въ военной службѣ въ Л. Гв. Петербургскомъ Драгунскомъ полку, былъ при покореніи Очакова. Бывши въ Херсонской губерніи, въ гор. Николаевѣ, онъ влюбился въ 14 лѣтнюю дочь протоіерея Савурскаго и съ ней повѣнчался; невѣста принесла съ собой множество куколъ, а отъ брака произошло потомство 22 человѣка дѣтей. У дѣда былъ братъ Илья Васильевичъ и какъ его отецъ Василій Ивановичъ былъ тоже Царскосельскимъ архитекторомъ. Съ основанія Царскаго Села до 1848 г. былъ архитекторомъ мой прадѣдъ и два дѣда, при жизни еще Ильи Васильевича по повелѣнію Императрицы Екатерины II Петръ Васильевичъ, будучи премьеръ-маіоромъ, посланъ въ Италію и Англію для изученія архитектуріи и видовъ Англійскихъ садовъ, по смерти Ильи Васильевича помѣщенъ въ Царское. Это подтверждается имѣющейся у меня грамотой, а производимыя имъ постройки нѣкоторыя, собственно-ручными къ нему записками Императрицы Екатерины II тоже у меня сохранившимися. Императрица Екатерина II вздумала выстроить арку по Красносельскому шоссе. Она поручила дѣду составить чертежъ, по разсмотрѣніи котораго приказала произвести эту постройку. По окончаніи постройки, Императрица Екатерина II пріѣхала къ ней и приказала внутри, подъ сводомъ, припечатать большой листъ бумаги съ четырехъ угловъ своею печатью, въ своемъ присутствіи и повелѣла поставить часоваго. Спустя два мѣсяца, опять пріѣхала къ этой аркѣ, увидавъ припечатанный листъ съ сохранившимися печатями, сказала: — вотъ какъ люди несправедливы. На другой день, вызвавъ къ себѣ дѣда, сказала:—Нѣеловъ мнѣ про тебя сказали, что ты всегда пьянъ, что арка построена такъ, что не пройдетъ двухъ мѣсяцевъ, она развалится; прочность постройки этой арки я провѣрила и убѣдилась въ несправедливости сказаннаго про тебя, видимо, твоими врагами. — Матушка Царица, я въ жизни ничего хмѣльнаго не пилъ, построена же эта арка такъ, какъ указала наука. — Ну прости меня, Нѣеловъ, я виновата, что этой лжи повѣрила. Тутъ же онъ спросилъ, какъ прикажетъ Императрица назвать эту постройку. Подумавъ, она сказала,—это мой капризъ, ну такъ и назовите ее „капризомъ“. Арка эта находится вблизи китайской деревни. Послѣ этого Императрица

обо всѣхъ постройкахъ совѣтовалась предварительно съ дѣдомъ, и если что забывала, то писала ему записки, нѣкоторыя собственно-ручныя записки сохранились и находятся у меня. По воцареніи, Императоръ Павелъ I пріѣхалъ въ Царское Село, и увидавъ чугунныя Египетскія Ворота, стоящими при выѣздѣ по Красносельскому шоссе, призвалъ дѣда моего и приказалъ перенести эти ворота на границу села Кузьмина. Дѣдъ, зная нравъ Императора, любовь его, чтобы всѣ его распоряженіи исполнялись быстро, тотчасъ поѣхалъ въ Петербургъ и привезъ оттуда мастеровъ. Въ нѣсколько дней ворота эти были переставлены по указанію свыше. При вторичномъ проѣздѣ изъ Петербурга въ Царское Императоръ, увидавъ, что его приказаніе исполнено, и удивившись быстротѣ этого распоряженія, вызвалъ моего дѣда къ себѣ, благодарилъ его и сказалъ:—проси себѣ, въ чемъ ты нуждаешься, все будетъ дано. Дѣдъ, прійдя домой, передалъ слова Императора своей женѣ, и она настояла просить тотъ домъ, въ которомъ они проживали, т. е. казенный домъ, дающійся для жительства архитектора. Дѣдъ, по скромности своей, боялся заявить такую просьбу, но его жена настояла въ этой просьбѣ, и ему была выдана данная на владѣніе этимъ домомъ. Домъ этотъ былъ выстроенъ въ Царскомъ Селѣ Императрицей Екатериной I изъ лѣса, тутъ же росшаго, отцомъ Петра Васильевича, Василіемъ Ивановичемъ Нѣеловымъ. Домъ этотъ до сего времени находится на углу Средней и Леонтьевской улицъ, два раза послѣ этого ремонтировался, при чемъ первый разъ по повелѣнію Императора Николая I для поддержанія этаго историческаго дома на ремонтъ его было выдано въ 1849 году пять тысячъ руб.; при ремонтахъ этого дома самый срубъ, а также потолки не трогались, что видно изъ того, что плафонъ въ залѣ и карнизъ въ гостиной вылѣплены по составленному для того рисунку Растрелли. Подъ этимъ домомъ было земли отъ Средней улицы вплоть до Московской, такъ какъ гдѣ теперь Московская улица, былъ земляной валъ, за этимъ валомъ площадка, гдѣ учились солдаты, и тутъ же начинался лѣсъ, куда мои тетушки, въ дѣтскихъ лѣтахъ, ходили собирать грибы. Когда же Императоръ Александръ I планировалъ Царское Село, то подъ Малую и Московскую улицы была отрѣзана земля, за что дѣдъ получилъ 10 тысячъ, а подъ домомъ осталось земля по Средней, Леонтьевской и Малой улицамъ.

Императрицей Екатериной II былъ увеличенъ Большой Дворецъ, пристроена Церковь, коллонада съ прохладной залой, и спускомъ въ садъ, зданія, называющіяся полуциркулемъ для службъ ко Дворцу.

По воцареніи Императора Александра I строился Дворецъ въ Александровскомъ саду моимъ дѣдомъ, и планировался самый садъ, зачѣмъ лично наблюдалъ самъ Императоръ, вставая лѣтомъ рано; онъ много разъ заходилъ къ дѣду въ квартиру, разбиралъ вмѣстѣ съ дѣдомъ чертежи. Одинъ разъ онъ сказалъ—мнѣ: совѣстно называть тебя по фамиліи, скажи твое имя, и съ тѣхъ поръ сталъ называть его по имени Петръ Васильевичъ. По порученію Императора бывшій государственный канцлеръ князь Голицынъ также посѣщалъ моего дѣда, былъ съ нимъ друженъ, и въ знакъ хорошихъ отношеній подарилъ ему свой портретъ, который сохранился у насъ до сихъ поръ.

Моя матушка воспитывалась въ Смольномъ Монастырѣ (Институтѣ), окончила курсъ, должно быть, въ 1832—1833 году, въ это время съ ней вмѣстѣ въ Институтѣ была Марія Парижская. Впослѣдствіи стало извѣстно, что эта Парижская была привезена Императоромъ Александромъ I, какъ подкинутая ему во время его нахожденія въ Парижѣ. Послѣ войны 1812 года, дѣвочку эту взяла къ себѣ мать Императора Александра I, Марія Ѳеодоровна, когда она подросла, то ее отдали въ Смольный. Императрица не теряла ее изъ вида, и посѣщая Институтъ, разговаривала съ нею. По окончаніи курса выдала ее замужъ за бывшаго городского голову Василія Григорьевича Жукова, давъ въ приданое сто тысячъ рублей. Я былъ знакомъ съ этимъ Жуковымъ въ 70 годахъ, и часто былъ приглашаемъ имъ на завтракъ изъ Государственнаго банка, гдѣ я бывалъ при уничтоженіи ветхихъ кредитныхъ билетовъ, какъ служащій въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ, командируемый въ качествѣ эксперта при сожженіи ветхихъ кредитныхъ билетовъ. Вотъ тутъ-то я и слышалъ разсказы Жукова: онъ былъ крестьяниномъ, въ качествѣ плотника при Императорскомъ Театрѣ, гдѣ приходилось ему переставлять кулисы. Видимо въ молодости онъ былъ красивъ; молодежь, гвардейскіе офицеры забѣгали внизъ, гдѣ былъ Жуковъ, покурить трубочку вокштафа; въ то время не было папиросъ, а въ театрахъ курительныхъ комнатъ; подмѣтивъ любовь офицеровъ къ куренью, онъ къ одному изъ спектаклей приготовилъ табакъ своего изобрѣтенія; когда молодежь пришла въ его помѣщеніе онъ предложилъ имъ покурить свой табакъ; попробовавъ, офицеры пришли въ восторгъ и стали дѣлать ему заказы приготовить имъ табаку; кое-кому онъ приготовилъ, но удовлетворить всѣ заказы не могъ за неимѣніемъ денегъ; тогда офицеры сложились и дали ему сто рублей. Это были начало его благо-

состоянія. Имѣя множество заказовъ, а потому и кредитъ, онъ открылъ маленькую фабрику; впослѣдствіи жуковскій табакъ славился своимъ качествомъ не только во всей Россіи, но и за границей. Богатство его росло не по днямъ, а по часамъ. Вотъ тутъ-то онъ и былъ назначенъ городскимъ головой и женился на Парижской. Проходя черезъ гостиную къ завтраку, мы ее видѣли сидящей на диванѣ съ книжкой, кланялись ей, но она очень гордо кивала головой, хотя въ нашемъ обществѣ было много очень заслуженныхъ генераловъ. Когда же, повтракавъ, возвращались, то, подъ вліяніямъ завтрака, Василій Григорьевичъ обращался къ своей женѣ,—пожалуйте ручку, Ваше Высочество,—она ему давала руку, онъ цѣловалъ руку, но получалъ отъ нея въ отвѣтъ:—„старый шутъ“. Василій Григорьевичъ по природѣ былъ очень умный человѣкъ, добръ до безконечности, начитанность у него громадная, о чемъ бы ни заговорили съ нимъ, о литературѣ онъ зналъ отъ начала до конца всѣхъ выдающихся литераторовъ. Разговаривая про искусство, онъ вамъ скажетъ, гдѣ лучшія помѣщаются произведенія, не только въ Россіи, но и за границей. Разъ мы были удивлены; кто-то мимоходомъ купилъ себѣ французскую книгу, и вмѣстѣ съ шапкой положилъ на скамейку, онъ увидалъ, взялъ эту книгу; но тутъ же бывшій милліонеръ Е... хотѣлъ подтрунить надъ нимъ, сказалъ: „что, Василій Григорьевичъ, смотришь-то книга-то не при насъ писана“. Въ отвѣтъ на это онъ прочелъ страницы три; зная его происхожденіе и первоначальный бытъ, невольно удивлялись, да когда же онъ могъ пріобрѣсти эти познанія, когда имѣя громадное коммерческое дѣло, онъ имѣлъ время для пріобрѣтенія всѣхъ этихъ познаній.

Сообщилъ **А. П. Нѣеловъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Нѣмецъ все могитъ“.

(Изъ прошлыхъ курьезовъ германскаго засилья).

I. Облѣсеніе Кавказской линіи.

Почему-то у насъ сложилось издавна ни на чемъ не основанное убѣжденіе, что нѣмецъ, кто бы онъ ни былъ, „всякую науку превзошелъ, на все собаку съѣлъ, ёнъ все могитъ“. Цѣлыхъ два вѣка неизмѣнно держалось это убѣжденіе не только въ простомъ народѣ и торгово-промышленныхъ сферахъ; даже правительственныя власти всѣми мѣрами старались проводить его. Вслѣдствіе этого не разъ приходилось попадать намъ впросакъ и отдуваться своими карманами за излишнюю къ иностранцамъ довѣрчивость.

Почти во всѣхъ начинаніяхъ, сооруженіяхъ и культурныхъ устройствахъ мы никакъ не могли обойтись безъ того, чтобы не пригласить для руководительства работами заморскихъ инженеровъ, учителей, мастеровъ и даже подмастерьевъ. Но эти только на словахъ наши друзья,—на дѣлѣ являлись заклятыми недругами Россіи. Чаще всего къ намъ присылались неучи, которые и за границей были не нужны, а ежели пріѣзжали иногда въ „тароватую Московію“ за солидное вознагражденіе настоящіе мастера, то въ большинствѣ случаевъ они въ секретѣ держали свою „механику“ и не знакомили съ ней русскихъ рабочихъ. Бывали еще такіе, которые нарочно портили порученное дѣло, чтобы не лишить доходности своихъ соотечественниковъ.

Особенно сильно началось наводненіе Россіи иноземцами разныхъ видовъ въ „счастливый“ вѣкъ Екатерины II, когда безъ

всякаго разбора совали германскихъ отпрысковъ чуть не во всѣ задуманныя правительствомъ предпріятія, не справляясь съ тѣмъ,—въ состояніи ли они выполнить возлагаемыя на нихъ порученія.

Чтобы подтвердить это положеніе, не лишнимъ будетъ разсказать въ настоящее время два подобныхъ случая, имѣвшихъ мѣсто на далекой Кавказской окраинѣ, о которыхъ повѣствуютъ неизданные документы астраханскаго губернскаго архива.

Въ 1765 году, послѣ устройства на р. Терекѣ крѣпости Моздокской, былъ возбужденъ, не знаю кѣмъ, довольно грандіозный проектъ облѣсенія безводной Кизлярской степи, слишкомъ на 300 верстъ отдѣлявшей Кавказъ отъ центра тогдашняго его управленія, Астрахани, съ сооруженіемъ тамъ особой климатической станціи съ ботаническимъ питомникомъ при ней, ради улучшенія среди казаковъ и туземныхъ поселенцевъ мѣстнаго садоводства, шелководской промышленности и винодѣлія. Мысль,—безспорно,—весьма важная и для края очень интересная;—только бѣда въ томъ, что взялись за нее не тѣмъ концомъ и не такими руками...

Не извѣстно, по чьей рекомендаціи, для устройства этого предпріятія былъ вызванъ изъ Германіи „ученый“ садоводъ Христіанъ Фридрихъ Людекъ (Lüdek). 27-го апрѣля этого же года, тайный совѣтникъ Кабинета Ея Величества графъ Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ заключилъ съ нимъ контрактъ срокомъ на пять лѣтъ, по которому пріѣзжій нѣмецъ обязался „развести между Астраханью и Кизляромъ разныхъ родовъ деревья, растенія и прочія плантаціи“, съ уплатой за то по 500 руб. ежегодно вознагражденія при казенной квартирѣ и отопленіи. Правительство, кромѣ того, согласилось выдать ему сейчасъ на его переѣздъ „съ фамиліею“ 80 руб. и такую же сумму по прошествіи обусловленнаго срока, „ежели на его мѣсто будетъ опредѣленъ другой или онъ, Людекъ, не захочетъ жить въ тамошнихъ мѣстахъ“.

По договору онъ долженъ былъ стараться, чтобы разводимыя имъ растенія исправно росли и чтобъ сѣмена, кусты и отпрыски, находящіеся въ его смотрѣніи, надлежащимъ способомъ одобряемы, прилежно охраняемы и пользовались по данному ему плану отъ главнаго садовника Императорскихъ садовъ Экледена“. Однако, хитрый нѣмецъ сдѣлалъ при этомъ такую курьезную оговорку: „если, по прошествіи пяти лѣтъ, онъ окажетъ явные опыты своего прилежанія, то наградить его прибавкой жалованья, а ежели нѣкоторыя его намѣренія желаемаго

успѣха имѣть не будутъ, то не причитать ему въ вину и не приписывать его нерадѣнію".

Въ своемъ „краткомъ предувѣдомленіи о разведеніи лѣсу", онъ увѣрялъ, что можетъ вездѣ развести растенія: „Никакая земля въ свѣтѣ худой нѣтъ, который не могла бы производить дровяного лѣсу, и для того только состоитъ, чтобъ принять хорошія мѣры и для произведенія онаго употребить самый лучшій способъ. Также не должно вдругъ устрашаться неудачнаго опыта, понѣже можно увѣряться, что малая ошибка сдѣлана".

Конечно, никакихъ гарантій въ успѣшномъ выполненіи взятыхъ имъ на себя обязательствъ онъ не представилъ, да и представить не могъ, за исключеніемъ развѣ выданнаго какимъ-то мало-кому извѣстнымъ нѣмецкимъ же садовымъ заведеніемъ свидѣтельства въ его якобы солидныхъ знаніяхъ пріемовъ садоводства. Правительство, видимо, было такъ убѣждено въ его непогрѣшимой дѣеспособности, что никакого контроля надъ нимъ установлено не было, хотя въ ближайшей къ району его дѣйствій Астрахани еще со временъ Великаго Петра существовали садовая контора и училище садоводства.

Ему была предоставлена полная свобода какъ въ выборѣ мѣстностей подъ лѣсоразведеніе и способныхъ къ акклиматизаціи растеній, такъ и въ сооруженіи нужныхъ приспособленій на ассигнованный кредитъ. Подчинили его вѣдѣнію астраханскаго губернатора, „предъ коимъ онъ долженъ былъ отвѣтствовать", но лишь въ дѣлахъ денежныхъ.

Прибывъ осенью того же года въ Астрахань, Людекъ загодя объявилъ послѣднему, что будетъ разводить на Кавказѣ иву, ольху, осину и тополевое дерево, но, объѣхавъ Кизлярскую степь и пограничную полосу, онъ съ амплóмбомъ сталъ увѣрять въ письмѣ отъ 14 января: „Здѣшнія страны почти для всего удобны, земля свойственна для шелковичныхъ деревьевъ, для шафрана и хлопчатой бумаги. Также изрядно произрастать могутъ деревья персиковыя и абрикосовыя (хотя худого свойства), а лѣса наполнены дикими грушами, айвами, маслинами. И каперцовые кусты растутъ, хотя плодъ ихъ хуже европейскаго, но, разглагольствовалъ онъ, „можно ихъ сдѣлать легко равными иностраннымъ".

Ученый лѣсоводъ находилъ возможнымъ развести на Кавказѣ также „хорошія, благовонныя и въ краску употребляемыя травы, особенно сорочинское пшено" и собирался еще улучшить родившійся „въ великомъ множествѣ" дикій виноградъ, удивляясь, однако, тому, что изъ растущаго по берегамъ Терека

винограда, гораздо худшаго качества противъ иностраннаго, кизлярскіе армяне и гребенскіе казаки приготовляли довольно хорошее вино. Но „ежели бы они старались къ разведенію хорошихъ сортовъ лозъ, то и вина были бы лучше, ни въ чемъ не уступая иностраннымъ, ибо лѣто здѣсь продолжается долѣе нѣмецкой земли“.

Однимъ словомъ, обозрѣвъ все поверхностно и не вникнувъ основательно въ экономическую жизнь края, Людекъ предвѣщалъ ему великую будущность, хотѣлъ сразу обогатить его и привести скоро и легко въ самое отмѣнное цвѣтущее состояніе. Но для этого, говорилъ онъ, нужны только три важныя обстоятельства: „въ предосторожность прекращенія и истребленія всѣхъ препятствій, довольное число работныхъ людей, хорошихъ мастеровъ и заводчиковъ и довольное число денегъ“.

О послѣднемъ вопросѣ, повидимому, онъ долго не задумывался, будучи убѣжденъ искренно, что въ тароватой Россіи такого добра „куры не клюютъ“, но по первымъ двумъ обстоятельствамъ возникали у него нѣкоторыя сомнѣнія.

По его мнѣнію, въ здѣшней малокультурной странѣ нѣтъ добрыхъ мастеровъ и хорошихъ работниковъ. Ихъ обязательно надо выписать „изъ нѣмецкой земли, гдѣ ихъ довольно, только нужно туда съѣздить“, такъ какъ съ „ними лучше договориться“ тамъ, „нежели когда они принимаются на службу, живучи въ Россіи“, а когда они „выйдутъ въ здѣшнія государствы, то будутъ безопасны“, ибо, откровенно выражался онъ, „кто же отъ хлѣба пойдетъ искать хлѣба“.

На первый разъ садоводъ предлагалъ выписать ихъ не меньше 400 человѣкъ, переселивъ въ Кавказскій край на счетъ казны, для чего, по его вычисленію, потребуется не больше 25—30 тыс. руб., чтобы дать имъ возможность на первыхъ порахъ окрѣпнуть и обзавестись всѣмъ необходимымъ.

Деньги эти отнюдь не пропадутъ, пояснилъ онъ, но возратятся сторицею, ибо чрезъ 10—20 лѣтъ каждый изъ нихъ въ состояніи будетъ „безъ отягощенія“ заплатить помѣщику или казнѣ 10-рублевый оброкъ, чрезъ что „государство пріобрѣтетъ отъ 4 до 5 тыс. руб. ежегоднаго дохода“.

Но этого мало, говорилъ дальше Людекъ, такимъ переселеніемъ „будетъ оказано здѣшнимъ подданнымъ особливое благодѣяніе“, потому что, видя хорошіе примѣры иностранцевъ въ хлѣбопашествѣ и садоводствѣ, всякій русскій станетъ „стараться производить свои продукты“ по нѣмецкому образцу, „возбудится въ нихъ прилежаніе“ и тогда „всѣ обогатятся“. „Гра-

ницы увеличатся „многолюдіемъ“ и обезопасятся, дороги отъ „всегдашней великой перевозки улучшатся“, что безъ сомнѣнія привлечетъ въ край „партикулярныхъ людей“ и можетъ дать „поводъ къ устройству селеній между Астраханью и Кизляромъ“, къ разведенію полезныхъ растеній и развитію другихъ промышленныхъ предпріятій, и тогда не придется русскимъ покупать разныя производства въ чужихъ земляхъ, деньги останутся въ государствѣ и Россія станетъ „обогащаться“.

Такъ заманчиво рисовалъ онъ передъ губернаторомъ на словахъ будущее Кавказа съ приглашеніемъ туда иностранцевъ, однако, личнымъ своимъ примѣромъ не сдѣлалъ ничего такого, чтобы поддержать въ окружающихъ объявленныхъ имъ рачительную способность своихъ родичей.

Выѣхавъ 23 сентября съ великой самоувѣренностью изъ Астрахани на Кавказъ, надѣленный казенными прогонами, около мѣсяца разъѣзжалъ Людекъ по казачьимъ станицамъ, но, увы, подходящаго района для проектированной посадки лѣсныхъ породъ никакъ найти не могъ.

„Я примѣтилъ, писалъ онъ 14 октября ген.-поруч. Бекетову [1]), что отъ Кизляра до Старогладкова [2]) мѣстъ къ разведенію не находится, потому что сами казаки мало земель имѣютъ. Между Старогладкова и Новогладкова хотя мѣсто и пространнѣе, однако сторона гористая и для того очень неудобная. Между Новогладкова и Щедрина хотя мѣста хороши, но много оныхъ захвачено Сарафанниковымъ [3]), такъ что и для казачьихъ городковъ земли не осталось довольно. Ежели разводить растенія между казацкими городками, то никакого болѣе не остается мѣста, какъ только между Щедринымъ и Червленнымъ. При томъ же оныя мѣста на большей части подвергаемы бываютъ наводненіямъ, чего ради должно дѣлать большія плотины для защиты растеній отъ воды. Между Червленнымъ и Моздокомъ хотя довольно земли, однако мѣста не всѣ одинаковой доброты. До Коньковой луки находятся берега высокіе, на которые воду пропустить безъ большой машины никакъ не можно. Калиновая лука очень способна, однако мнѣ оную брать запрещено“.

Наконецъ, Людекъ остановилъ свой выборъ на урочищѣ Донскомъ, въ 30 верстахъ отъ крѣпости Моздокской, хотя тамъ и

[1]) Ген.-поруч. Никита Аѳанасьевичъ Бекетовъ былъ астраханскимъ губернаторомъ съ 1763 по 1772 годъ.

[2]) Станица Гребенскаго казачьяго войска, какъ и нижеперечисленныя.

[3]) Т.-е. шелковымъ заводомъ, построеннымъ армяниномъ Сарафанниковымъ.

безъ того произрастали мелкія поросли тальника, лоха и терновника. Но онъ избралъ его потому, что вдоль рѣки „мѣста довольно“ и легко доставать воду, а „ежели растенія размножены будутъ и нужда потребуетъ, тогда можно ее помощью мельницъ проводить до самой степи и оную сдѣлать полезною“.

Такъ какъ задача правительства сводилась къ облѣсенію пустыхъ, степныхъ пространствъ, то губернаторъ не согласился съ его выборомъ, предложивъ ему занять участокъ у Стараго Городища [1]), между станицами Щедринской и Новогладковской, которое ранѣе было отведено подъ поселеніе тайному совѣтнику Кумани и считалось по плану „наилучшимъ“. Уже кизлярскій комендантъ ген.-маіоръ Потаповъ командировалъ туда инженеръ-прапорщика Семичева, чтобы произвести отводъ и обмежеваніе послѣдняго. Но садоводъ упорно отказался принять его „за отдаленностью отъ воды“. И перешелъ на болотистую съ вредными для культурныхъ произрастаній испареніями, „Рыбную Поляну“, лежащую недалеко отъ Кизляра, несмотря на то, что около нея и во всемъ урочищѣ Медвѣжьей Лукѣ, по его словамъ, „къ строенію способнаго лѣса не имѣлось и къ произрастанію, видится, гораздо неспособно противъ урочища Донского“.

Не дожидаясь губернаторскаго разрѣшенія, онъ началъ тутъ возводить разныя хозяйственныя приспособленія, заботясь больше о собственныхъ своихъ удобствахъ, чѣмъ о лучшемъ и скорѣйшемъ исполненіи порученнаго ему дѣла.

Сначала онъ построилъ двѣ казармы для рабочихъ изъ плетня, обмазаннаго глиной, потомъ „два жилыхъ покоя“ себѣ съ канцеляріей, отдѣльную поварню, караульную избу для нарочито учрежденнаго тамъ солдатскаго поста, ради защиты предпріятія отъ разгрома горцевъ, „магазинъ“ подъ складъ продуктовъ и, наконецъ, оранжерейный домъ для содержанія шелковичныхъ червей и „сбереженія не выносившихъ зимней стужи растеній“, хотя ни того, ни другого въ заводѣ еще не было, а для населенія не представляло никакого интереса культивировать, по его образцу, тѣ произрастанія, которыя не могли выдерживать мѣстнаго климата.

Все время, пока не было приготовлено для него помѣщенія, онъ жилъ въ сосѣднемъ Сарафанниковѣ заводѣ, откуда распоряжался постройкой и полевыми работами, которыя начинались

---

[1]) На этомъ мѣстѣ, какъ полагаютъ, въ 1563 году былъ построенъ кабардинскимъ княземъ Темрюкомъ Айдаровичемъ (тестемъ царя Грознаго) первый русскій городъ на Кавказѣ Терка.

и кончались ежедневно съ нѣмецкой аккуратностью, по звону колокола, нарочито для того выписаннаго имъ изъ Астрахани.

Четырнадцать служащихъ (изъ 37 присланныхъ, по его требованію, губернаторомъ) считались мастерами—столяръ, два кузнеца, 6 плотниковъ и 5 кирпичниковъ, и ни въ какія другія работы не употреблялись, восемь человѣкъ (копіистъ, школьникъ, хлѣбопекъ и пять конторскихъ служителей) составляли какъ бы постоянную свиту садовода, и только пятнадцать остальныхъ производили „планташную“ работу.

Къ маю 1766 года успѣли они, по его указанію, вскопать землю только на протяженіи 50 саж. съ 25 саж. шириной. Часть ея—около 15 грядокъ—Людекъ засадилъ тутовыми зернами, которыя, по его словамъ, дали обильные ростки—„отъ 4 до 5 тысячъ молодыхъ деревцевъ“, кои „чрезъ нѣсколько лѣтъ можно будетъ разсаживать въ другія мѣста“. Но изъ посѣянныхъ въ другой части участка только-что полученныхъ 6 мая изъ Петрограда сѣмянъ размарина, лавендуловыхъ и мелиссовыхъ не взошло ни одного, лишь горчичныя зерна произвели „хорошіе всходы“, хотя одни изъ нихъ отъ поздняго времени и чрезвычайнаго жара посохли, а другіе—испортили „насѣкомыя твари“ прежде, чѣмъ „могли они придти въ силу“.

Осматривавшій плантацію комендантъ Потаповъ нашелъ тамъ пустое поле. Людекъ оправдывалъ свой неуспѣхъ недостаткомъ инструментовъ и рабочихъ рукъ, ибо, кромѣ вспахиванія почвы, избранное мѣсто приходилось очищать отъ старыхъ пней, камышу и всякаго „дрязгу“ и обводить загородью. При томъ же трое рабочихъ, какъ разъ во время сѣва, убѣжали отъ нѣмецкой педантичности, да и другіе, жаловался онъ, „непрестанно думаютъ о побѣгѣ“.

„Ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ сдѣлать сохи, не умѣетъ и владѣть ею, а для планташныхъ продуктовъ нужны люди хорошіе, понѣже безъ сего ни хлопчатой бумаги, ни табаку, ни употребляемыхъ въ краску травъ съ пользою развести не можно“,—говорилъ онъ въ своемъ объясненіи. Но губернатору казалось страннымъ, при чемъ тутъ простые рабочіе, когда культура всякихъ произрастаній зависитъ всецѣло отъ почвы, климатическихъ условій и знаній самого руководителя, а не отъ покорной воли низшихъ служащихъ.

Не имѣя еще никакихъ насажденій и не зная увѣренно, привьются ли къ мѣстному краю проектируемыя растенія, Людекъ снова возбудилъ въ ноябрѣ 1766 года предъ Бекетовымъ ходатайство о переводѣ на Кавказъ „для полонія травы, соби-

ранія хлопчатой бумаги, шафрана, пересаживанія табаку и кормленія тутовыми листьями шелковичныхъ червей“,—„бабъ и малыхъ ребятъ“, которыхъ „можно содержать строже“, совѣтуя снабдить ихъ на казенный счетъ лошадьми, рогатымъ скотомъ, сѣменами, провіантомъ и прочими вещами, пока не обзаведутся.

Хотя избранная имъ почва совсѣмъ не годилась подъ древесную акклиматизацію, онъ все-таки выписалъ отъ Эклебена сѣмянъ англійскаго и венгерскаго шафрана, бѣлаго тутовника, размариновъ, лавендуловъ, мелиссовъ и горчицы, провансальскихъ каперцевыхъ кустовъ, свѣжихъ каштановъ, миндаля въ скорлупѣ разныхъ сортовъ, бразильскаго дерева, миндальныхъ, оливковыхъ, самбуку съ бѣлымъ плодомъ и „всякихъ другихъ плодоносныхъ деревьевъ“ каждаго сорта по два „для употребленія на прививку“.

Мало этого, онъ просилъ губернатора: „какъ сказываютъ въ Персіи должны быть шафрановыя луковицы, каштановые, миндальные и волошскіе орѣхи, то не можно ли достать ихъ оттуда, отправивъ двухъ человѣкъ: одного лѣтомъ, другого осенью въ Дербентъ, Баку, Шамаху, Гилянь и другія мѣста“.

Людекъ требовалъ настойчиво дать ему 4 хорошихъ рабочихъ лошадей съ хомутами, 6 ходовъ съ крѣпкими колесами, бочку дегтя, 20 пудовъ желѣза, 1 пудъ стали, 10 косъ, два ящика стеколъ, 100 лубковъ, по 10 фунтовъ желтаго воска, бѣлой сѣры, терпентина и смолы „для пластыря“ и „пару песочныхъ часовъ“; наконецъ, одного хорошаго мельника для устройства мельницы на пилку дубовыхъ досокъ, двухъ виноградныхъ садовниковъ, одного садовника для прививки черенковъ, другого для разведенія полезныхъ травъ и благовонныхъ растеній. Для посадки же тутовыхъ деревьевъ онъ совѣтовалъ пригласить армянъ и грузинъ „изъ десятой части“, какъ это дѣлалось въ Сарафанниковомъ заводѣ, отвести мнѣ мѣсто и огородить его.

Ясно было видно, что, не надѣясь послѣ неудачнаго опыта, справиться съ взятой на себя обязанностью, но не желая сознаться въ томъ открыто, онъ хотѣлъ взвалить весь трудъ на выписываемыхъ имъ спеціалистовъ, оставаясь главнымъ руководителемъ дѣла, дабы не лишиться солиднаго вознагражденія и жить въ свое удовольствіе бариномъ. Но Бекетовъ раскусилъ его замыселъ и обо всемъ донесъ въ Петроградъ.

22 декабря 1766 года военная экспедиція представила кабинету о положеніи дѣла докладъ, по которому оказалось, что вся

затѣя эта, не имѣвшая видимыхъ результатовъ, обошлась казнѣ со всѣми расходами на ея оборудованіе и содержаніе служащихъ въ 1.358 руб. $4^2/_3$ коп., не считая суммъ, затраченныхъ на покупку и пересылку изъ-за границы сѣмянъ. Деньги тратились крайне безразсудно. Еще не приступая къ работамъ, Людекъ успѣлъ получить въ Петроградѣ отъ Эклебена 80 р. проѣздныхъ и 166 р. $66^2/_3$ коп. жалованья за майскую треть 1765 года. По пріѣздѣ въ Астрахань ему выдали другую треть, а въ Кизлярѣ еще за треть впередъ.

Конечно, при такихъ непомѣрныхъ затратахъ невозможно было продолжать дѣло съ выгодой для государства, и кабинетъ предписалъ астраханскому губернатору выпроводить „ученаго“ садовода подъ благовиднымъ предлогомъ въ столицу. Но едва ли онъ огорчился этимъ сильно, сумѣвши получить полностью жалованье и за весь 1766 годъ.

Такъ грустно кончилась необдуманная попытка облѣсенія Кизлярской степи, находящейся до настоящаго времени въ первобытномъ состояніи, гдѣ по тощей травѣ, среди полынныхъ стеблей и ползущихъ по землѣ дикихъ каперцовъ, по-прежнему кочуютъ стада каранагайскихъ племенъ да ближе къ Тереку и Прорви разбросались казачьи станицы, культивируя съ грѣхомъ пополамъ, безъ ученыхъ садоводовъ, фруктовыя деревья и виноградъ, дающіе, послѣ хлѣбопашества, большое подспорье ихъ немудрому хозяйству.

II. Улучшеніе Каспійской сельдяной промышленности.

Дельта Волги и Каспійское море съ давнихъ поръ славились своими рыбными богатствами. Еще въ 1704 году, съ цѣлію упорядоченія тамошней рыбной промышленности, Петръ Великій посылалъ туда мастера Везелева съ весьма обширнымъ „наказомъ“. Были попытки и въ послѣдующіе періоды къ усовершенствованію и расширенію этой отрасли государственнаго хозяйства; но всѣ онѣ не имѣли положительныхъ результатовъ, чтобы добываемые продукты могли конкуррировать на міровомъ рынкѣ съ иностранными приготовленіями такого рода.

Особенно страдалъ тамъ сельдяной промыселъ. Рыбы ловилось много, а приготовлять ее для употребленія въ пищу, какъ это дѣлали нѣмцы, бельгійцы и голландцы, у насъ не умѣли. До 70-хъ годовъ XIX столѣтія волжскіе и каспійскіе рыболовы вырабатывали изъ селедки только жиръ и клей, а все осталь-

ное тѣло, даже икра, выбрасывалось за негодностью, не имѣя сбыта ни въ соленомъ, ни въ копченомъ видѣ.

Горю этому рѣшился помочь князь гр. А. Потемкинъ, назначенный въ 1775 году управлять этимъ обширнымъ краемъ въ званіи астраханскаго, азовскаго и новороссійскаго генералъ-губернатора. Зная, какъ вкусно и умѣло приготовляли эту рыбу голландцы, въ началѣ 1782 года, чрезъ посредство Петроградской банкирской конторы Сутерландъ, онъ выписалъ изъ Голландіи двухъ мастеровъ „селедочнаго дѣла“, братьевъ Франца и Антона Беккеръ (Frans ad Anton Böcker) и отправилъ ихъ въ Астрахань, къ губернатору дѣйст. ст. с. М. М. Жукову [1]).

За какую плату договорились они съ нимъ научить русскихъ „варваровъ“ приготовлять каспійскую сельдь „на голландскій манеръ“, къ сожалѣнію, архивныя данныя не указываютъ того потому что Потемкинъ вызвалъ ихъ не на счетъ казны, а на, личныя свои средства.

Само собою разумѣется, по предписанію всемогущаго князя, въ Астрахани оказали имъ самое высокое радушное вниманіе. Для удобства желанныхъ гостей было снаряжено особое судно, прочное и хорошо оснащенное. 23 іюля того же года, въ сопровожденіи мѣстныхъ рыбаковъ и солильщиковъ, съ сѣтями и снастями, выѣхали голландцы на сельдяной ловъ, о которомъ такъ пишутъ сами:

„10 августа (по новому стилю),—переѣхали мы изъ Астрахани на судно (морское) и 18-го отправились въ море“.

„29 августа прибыли къ Мангышлакскимъ берегамъ, гдѣ ловили рыбу разныхъ родовъ, но сельди не ловили“.

„3 сентября пріѣхали въ Дербентъ, но за каменьями (?) тамъ ловить невозможно было.

„9 ловили за пять миль ниже Дербента, при устьѣ горныхъ рѣкъ, хотя все наше стараніе полагали, но между многими родами рыбъ сельди найти не могли“.

„16 сентября подвинулись они дальше по берегу къ г. Баку, потомъ 23 числа были у Зензелинскихъ береговъ (въ Персидскихъ владѣніяхъ), объѣхали на шлюпкахъ все морское побережье до самого Екатериненполя, а селедки все-таки не нашли. Тогда 19 октября они повернули обратно къ „Зелліяны“ (Сальяны), „разсматривали всѣ водненія и рѣки, но между многими рыбами не отыскали ничего, кромѣ шемаи, изъ которой и насолили 4 боченка „для пробы“. „Признаемся, какъ честные люди, что

[1]) Михаилъ Михайловичъ, съ 1781 по 1786 г.

лучше того приготовить намъ не возможно. Однимъ словомъ въ этомъ морѣ сельди не находится".

Между тѣмъ имъ не было никакой надобности ѣхать къ Мангишлаку, въ Баку и Энзели, когда селедка громадными стаями подымалась отъ Дербента и заполняла въ весеннюю пору, съ марта до іюля, всѣ волжскіе и терскіе рукава. Патентованные рыбаки легко могли бы обрѣсти ее даже въ самой Астрахани, не выѣзжая въ море, гдѣ они пробыли безъ всякой для дѣла пользы до 6 марта слѣдующаго года, закончивъ свою миссію 18 числа этого мѣсяца. 10 апрѣля, наконецъ, надумали они подать губернатору письмо, прося дать „ордеръ, что дѣлать имъ дальше"

Тѣмъ временемъ, получивъ отъ нихъ изъ Сальянъ просоленную шемаю, Мих. Мих. послалъ два боченка съ курьеромъ къ свѣтлѣйшему на „апробацію", испрашивая дальнѣйшихъ указаній, какъ поступить съ присланными иностранцами. Князь, видимо, понялъ, что попалъ въ просакъ, когда получилъ губернаторское донесеніе и попробовалъ приготовленную „честными людьми" въ лучшемъ видѣ „на манеръ голландской селедки шемаю". Съ тѣмъ же курьеромъ онъ предписалъ Жукову (отъ 3 апрѣля 1783 г.).

„Не находя нужнымъ пребываніе въ Астрахани состоящихъ тамъ сельдяныхъ двухъ рыбаковъ, вашему пр-ву поручаю отправить оныхъ въ Санктъ-Петербургъ, гдѣ они могутъ, въ случаѣ отсутствія моего, адресоваться къ банкиру Сутерланду, которому объ нихъ дано отъ меня знать".

10 мая 1783 г. голландцы покинули наконецъ гостепріимную Астрахань. Содержаніе ихъ со всѣми накладными расходами, по приготовленію судна, лодокъ, сѣтей и снастей, обошлось губернской канцеляріи въ 970 руб.

Этимъ, однако, селедочная эпопея не кончилась. Въ слѣдующемъ году были выписаны изъ Архангельска природные русскіе мастера „селедочнаго дѣла". Послѣдніе, однако, не столько учили волжскихъ и каспійскихъ рыбаковъ посолу рыбы, сколько сами учились употреблять бывшую тогда въ большемъ распространеніи тамъ виноградную водку, извѣстную подъ именемъ „Кизлярки".

Селедочной премудрости астраханцы научились потомъ сами, когда, благодаря уменьшенію лова рыбы, тѣло ея, помимо клея и жира, пріобрѣло цѣнность. Нынѣ и они умѣютъ выдерживать селедку въ выходахъ такъ, что вкусомъ она ничуть не уступаетъ голландской, а по цѣнѣ даже дороже ея.

П. Л. Юдинъ.

Дневникъ Патрика Гордона.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ ряду множества иноземцевъ всякаго рода, разновременно прибывшихъ въ наше отечество, далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ генералъ Патрикъ Гордонъ, прибывшій первый разъ въ Москву на русскую службу при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ 2 сентября 1661 года. Родомъ шотландецъ, ревностный и усердный католикъ, покровитель іезуитовъ, у которыхъ воспитывался и онъ самъ, а позднѣе одинъ изъ его сыновей, Патрикъ Гордонъ [1]) принадлежалъ къ древнему французскому семейству, жившему нѣкогда въ Перигорѣ, но еще при Вильгельмѣ Завоевателѣ переселившемуся въ Шотландію, многіе члены котораго, проявившіе себя на различныхъ поприщахъ общей дѣятельности, принимали участіе въ религіозныхъ войнахъ, бывшихъ въ Великобританіи, а также и въ борьбѣ Стюартовъ. При Карлѣ I три Гордона, всѣ трое по имени Георгіи, были казнены въ 1688 г.; одинъ Гордонъ, приверженецъ короля Якова II, былъ губернаторомъ замка Эдинбургскаго и отказался признать королемъ Англіи Вильгельма Оранскаго. Былъ также Яковъ Гордонъ Гунтли (р. 1543 г., ум. 1620), извѣстный богословъ; позднѣе Ѳома Гордонъ (р. 1684 г., ум. 1750) писалъ

[1]) Сообщаемыя ниже свѣдѣнія о членахъ семейства Гордонъ заимствованы нами изъ Encyclopedia Britannica, изъ Dictionnaire-Larousse, изъ предисловія къ переводу первой части Дневника генерала Патрика Гордона, помѣщенному въ „Чтеніяхъ Импер. Общ. исторіи и древностей россійскихъ при Москов. Университетѣ“ 1892 г., кн. III, а также изъ остальныхъ частей самаго дневника Гордона, переводъ котораго помѣщенъ ниже. Этотъ дневникъ Гордона вмѣстѣ съ письмами является вмѣстѣ съ тѣмъ и его біографіею; другой особой біографіи Патрика Гордона не имѣется.

памфлеты, а также трагедіи; перо его купилъ для себя извѣстный министръ Робертъ Вальполь, и Гордонъ явился ревностнымъ его защитникомъ. Встрѣчается затѣмъ Александръ Гордонъ (ум. 1752 г.), бывшій также въ Россіи и взятый въ плѣнъ подъ Нарвою; онъ написалъ на англійскомъ языкѣ исторію Петра Великаго. Одинъ изъ Гордоновъ Вильгельмъ (р. 1729 г.) носилъ титулъ графа Херфорта (de Herford); онъ поѣхалъ въ Америку, принялъ сторону возникшаго тамъ возстанія сѣверо-американской колоніи противъ Англіи, былъ въ перепискѣ съ Вашингтономъ, и затѣмъ, возвратясь на родину, занимался исторіею Англіи; онъ умеръ въ 1807 г. въ Ипсвичѣ.

Въ болѣе позднѣйшее время *Джорджъ* Гордонъ (р. въ 1780 г.) носилъ титулъ графа Абердина. Онъ былъ извѣстный политическій дѣятель Англіи въ министерствѣ знаменитаго Веллингтона, а затѣмъ и Роберта Пиля въ 1841 г., занималъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ и уступилъ таковое позднѣе лорду Пальмерстону, въ нашу эпоху Крымской войны. Графъ Абердинъ былъ ярый тори и боролся съ лордомъ Греемъ.

Патрикъ же Гордонъ, оставившій намъ свой дневникъ, родился 31 марта 1635 г. въ замкѣ Ахлуйхріесѣ (въ приходѣ Крохданскомъ, Абердинскаго графства въ Шотландіи), который принадлежалъ его отцу Джону, вступившему въ бракъ съ Маріей Огильви, также изъ извѣстнаго рода въ Шотландіи. Получивъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ родителей, молодой Патрикъ рано покинулъ отечество. Будучи католикомъ, онъ, по законамъ того времени, не могъ посѣщать отечественныхъ университетовъ, а потому, желая заняться изученіемъ языковъ и другими науками, долженъ былъ ѣхать въ университеты иноземныхъ странъ, въ которыхъ онъ намѣревался также попутешествовать и поискать себѣ счастья, по примѣру многихъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Онъ поѣхалъ въ 1651 г. въ Данцигъ, чтобы оттуда добраться въ Браунсбергъ, гдѣ находилась въ то время знаменитая іезуитская коллегія, въ которой онъ пробылъ до 1654 г., и затѣмъ поступилъ на службу шведскаго короля Карла Густава, въ то время готовившагося къ войнѣ съ Польшею. Патрикъ Гордонъ находился сперва подъ начальствомъ фельдмаршала Виттенберга, а затѣмъ Понтуса Делагарди, но скоро былъ взятъ въ плѣнъ поляками. Онъ перешелъ на ихъ службу, былъ отправленъ въ Варшаву, гдѣ въ битвѣ въ концѣ іюля 1656 г. былъ снова взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ шведскому генералъ-фельдмаршалу Дугласу. Намѣреваясь изъ шотландцевъ образовать школу для офицеровъ,

или лейбъ-роты, Дугласъ опредѣлилъ въ нее и Гордона, онъ около года находился въ этой ротѣ въ Пруссіи, но, схваченный 5-го января 1657 г. крестьянами, былъ отведенъ въ Штеттинъ и посаженъ въ заключеніе. Впрочемъ, онъ скоро былъ, вмѣстѣ съ другими шведами, обмѣненъ на польскихъ плѣнниковъ, и, возвратясь въ свою лейбъ-роту, двинулся съ нею для защиты Швеціи въ начавшейся войнѣ съ Даніею; близъ Страсбурга онъ былъ, однако, опять взятъ въ плѣнъ, но бѣжалъ въ Эльбингенъ, перешелъ въ другой шведскій полкъ въ 1658 г. и послѣ ряда сраженій и стычекъ съ поляками и ихъ союзниками, попалъ опять въ плѣнъ 22 ноября и былъ отведенъ въ Торнъ къ прапорщику Іоанну Собѣсскому. Послѣ долгихъ переговоровъ и убѣжденій, Гордонъ перешелъ на службу поляковъ, подъ начальствомъ Любомірскаго въ 1659 г. и находился въ Люблинѣ. Онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, участвовалъ во многихъ походахъ противъ шведовъ и противъ русскихъ и казаковъ въ 1660 г., отличался не разъ храбростью и распорядительностью, въ особенности въ сраженіи при Чудно, гдѣ былъ разбитъ нашъ бояринъ Василій Васильевичъ Шереметевъ и принужденъ заключить невыгодный миръ 1660 г. Польская армія была распущена, и Гордонъ прибылъ съ Любомірскимъ на сеймъ въ Варшаву въ апрѣлѣ 1661 года. Тутъ онъ узналъ, что шотландскій король Карлъ II возстановленъ на престолѣ Англіи. Надѣясь найти въ отечествѣ своемъ соотвѣтствующее себѣ занятіе или службу, Гордонъ испросилъ себѣ увольненіе отъ польской службы, но получилъ отъ отца совѣтъ не возвращаться на родину, колебался, гдѣ ему лучше пристроиться—на службѣ ли римскаго императора или русскаго Царя. Онъ рѣшился ѣхать въ Россію, благодаря знакомству съ русскими офицерами, взятыми въ плѣнъ при Чудно, и уже 2-го сентября 1661 г. прибылъ въ Москву, былъ назначенъ маіоромъ въ полкъ Крауфуирда, ревностно занялся службою и былъ произведенъ въ 1662 году въ подполковники. Онъ вступилъ въ бракъ 26 января 1665 года съ 15-лѣтнею дочерью полковника Филиппа фонъ-Бокховена [1]), также католичкою и произведенный въ полковники въ слѣдующемъ 1666 г., былъ отправленъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ письмомъ къ англійскому королю Карлу II по поводу недоразумѣній, возникшихъ по винѣ

[1]) На племянницѣ полковника Бокховена былъ женатъ любимецъ Петра Великаго извѣстный Лефортъ, съ которымъ находился не только въ родственныхъ, но и пріятельскихъ отношеніяхъ Патрикъ Гордонъ.

англійскаго посланника Карлэйля. Гордонъ былъ принятъ королемъ очень благосклонно съ оказаніемъ всѣхъ почестей и возвратился въ Россію въ іюнѣ 1657 г. Онъ былъ командированъ на югъ Россіи для усмиренія возстанія запорожскихъ казаковъ, гдѣ находился до 1677 года, пребывая въ разныхъ городахъ: Сѣвскѣ, Переяславлѣ, Каневѣ, Чигиринѣ. Послѣ этого онъ былъ отправленъ, подъ начальствомъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, для обороны Чигирина отъ нападеній турокъ и татаръ. По окончаніи этого похода Гордонъ собирался подать просьбу объ отставкѣ изъ русской службы и о дозволеніи ему вернуться на родину, но тѣмъ временемъ былъ назначенъ второй походъ къ Чигирину, въ который Гордонъ и выступилъ, получивъ въ свою команду, кромѣ драгунъ, еще полкъ стрѣльцовъ. Онъ явился теперь въ Чигиринъ въ качествѣ главнаго инженера и успѣшно распоряжался укрѣпленіемъ и защитою города и крѣпости въ продолженіе 4-хъ-недѣльной ея осады,—съ 9 іюля до 9 августа 1678 г.,—многочисленными войсками турокъ и татаръ, которыхъ принудилъ снять осаду и удалиться. За свои заслуги Гордонъ былъ въ 1678 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1679 г. Гордонъ изъ Сѣвска былъ переведенъ въ Кіевъ, получилъ команду надъ отборными украинскими полками и въ 1683 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ слѣдующемъ году онъ ѣздилъ въ Москву хлопотать о своемъ перемѣщеніи въ эту столицу, но это не имѣло успѣха; онъ оставался въ Кіевѣ, гдѣ близко сошелся съ извѣстнымъ Лефортомъ. Послѣдовавшая тѣмъ временемъ въ Англіи кончина Карла II и вступленіе на его престолъ герцога Іорскаго побудили Гордона снова просить 25 апрѣля 1685 г. извѣстнаго кн. Вас. Вас. Голицына объ увольненіи его въ отпускъ въ Англію, и на этотъ разъ Гордонъ получилъ въ началѣ января 1668 г. разрѣшеніе ѣхать въ Англію, съ условіемъ оставить въ Кіевѣ жену и дѣтей и самому возвратиться какъ можно скорѣе. Онъ исполнилъ это требованіе и уже 31 августа 1686 г. возвратился изъ Англіи въ Москву съ письмомъ отъ короля Якова II къ обоимъ царямъ Іоанну и Петру и царевнѣ Софіи, выражавшаго желаніе, чтобы англійскій генералъ Гордонъ былъ бы отпущенъ изъ русской службы, съ разрѣшеніемъ ему вернуться въ Англію. Это письмо не имѣло желаемыхъ послѣдствій. Гордонъ не только не былъ отпущенъ, но едва не былъ разжалованъ въ прапорщики и отправленъ въ ссылку; впрочемъ, дѣло уладилось. Онъ согласился просить прощенія и обѣщалъ служить по-прежнему Ихъ Величествамъ. Вскорѣ онъ получилъ

отъ графа Миддльтона сообщеніе, что англійскій король назначаетъ его чрезвычайнымъ посланникомъ у царей и что ему скоро будутъ доставлены кредитивныя грамоты и инструкція. На это послѣдовалъ со стороны царей отвѣтъ, что цари и царевна указали, что генералъ-лейтенантъ Патрикъ Гордонъ не можетъ быть королевскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ у царей, потому что онъ долженъ служить въ предстоящемъ походѣ противъ турокъ и татаръ въ главной русской арміи. Гордонъ же былъ призванъ къ кн. В. В. Голицыну, отъ котораго услышалъ, что цари всемилостивѣйше прощаютъ ему подобный проступокъ и приказываютъ ему оставаться на прежнемъ мѣстѣ. Гордонъ вскорѣ послѣ этого, 2 февраля 1687 г., получилъ начальство надъ отборными полками 2 дивизіи, среди которыхъ первое мѣсто занималъ Бутырскій полкъ и, кромѣ того, сталъ пользоваться полнымъ довѣріемъ кн. В. В. Голицына, который былъ назначенъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ предстоявшей войнѣ съ крымскими татарами и дѣлалъ всѣ приготовленія къ походу въ Крымъ. Гордонъ участвовалъ въ этомъ первомъ походѣ въ Крымъ, скоро окончившемся „изъ-за великихъ трудностей“, и былъ произведенъ въ генералъ-аншефы въ 1687 Въ 1688 г. онъ спокойно жилъ въ Москвѣ и имѣлъ случай сдѣлаться извѣстнымъ будущему Царю Петру I. Въ 1689 году Гордонъ отправился во 2-й крымскій походъ, дошелъ до Перекопа, но возвратился, такъ какъ „покореніе Крыма было признано дѣломъ невозможнымъ“. Гордонъ подробно описываетъ въ своемъ дневникѣ наши крымскіе походы, а также послѣдовавшія событія, какъ-то: удаленіе царя Петра въ Троицкую лавру. пребываніе его въ лаврѣ и возвращеніе его въ Москву и т. д.; говоритъ о положеніи военнаго дѣла въ Россіи, объ устройствѣ регулярныхъ войскъ, о своемъ участіи въ обсужденіи и исполненіи различныхъ государственныхъ дѣлъ и т. д. Онъ сопровождалъ въ 1694 г. Петра въ его второмъ путешествіи въ Архангельскъ, а въ 1695 г. выступилъ въ походъ къ Азову, подъ главнымъ начальствомъ боярина Алексѣя Семеновича Шеина. Въ дневникѣ подробно изложено описаніе этихъ Азовскихъ походовъ въ 1695 и 1697 г.г. Въ 1698 г. Гордонъ принималъ видное участіе въ усмиреніи возставшихъ стрѣльцовъ и нанесъ имъ пораженіе 17 іюня, близъ Воскресенскаго монастыря. Въ слѣдующемъ 1699 г. онъ скончался 29 ноября и былъ торжественно преданъ землѣ, при чемъ въ печальномъ шествіи принималъ участіе и самъ Императоръ, утратившій въ немъ преданнаго ему слугу и точнаго исполнителя его приказаній. Гор-

донъ былъ погребенъ въ первомъ каменномъ храмѣ римско-католической общины, въ Москвѣ, основанномъ въ 1694 г. самимъ Гордономъ въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ въ то время только и могли находиться храмы иноземныхъ исповѣданій.

Гордонъ былъ женатъ два раза, именно, первый разъ, какъ выше сказано, на дѣвицѣ Бокховенъ, затѣмъ, по ея кончинѣ, послѣдовавшей послѣ поѣздки Гордона въ Шотландію, т.-е. около 1687 года, онъ вступилъ въ бракъ въ Москвѣ же, съ дѣвицею Ронаэръ въ 1696 г., и оставилъ послѣ себя трехъ сыновей и двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая Екатерина-Елизавета вступила въ бракъ съ Рудольфомъ Штрасбургомъ въ 1686 г. и по его смерти въ 1692 г. вѣнчалась со своимъ родственникомъ Александромъ Гордономъ. Вторая дочь, Марія, вѣнчалась въ 1690 г. съ капитаномъ Даніиломъ Крауфуирдомъ и по его смерти въ 1692 г. вышла за маіора Карла Снивинса, также скоро умершаго.

Послѣ Патрика Гордона остался помѣщаемый ниже въ переводѣ его „Дневникъ“ на англійскомъ языкѣ, о которомъ позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ.

Хранящійся въ Архивѣ военно-ученаго Комитета Главнаго Штаба дневникъ Гордона состоитъ изъ шести отдѣльныхъ объемистыхъ тетрадей или томовъ, обнимающихъ время: первый томъ—отъ 1635 г. по 1659 г., второй—отъ 1659 г. по 1667 г. За время съ 1668 г. по 1677 г. дневникъ не дошелъ до насъ. Третій томъ—съ 1677 г. по 1678 г. [1]), четвертый—съ 1684 по 1690 г. г., за время съ 1678 г. до 1684 г. дневникъ также не сохранился; пятый томъ съ 1690 г. по 1695 г. и шестой, послѣдній съ 1696 г. по 1699 г., годъ кончины самого Патрика Гордона [2]).

Каждый томъ представляетъ собою объемистую тетрадь плотной бумаги въ четверть листа, переплетенную въ кожу [3]), съ завязками и пронумерованную по листкамъ въ углу,

---

[1]) Означенные три тома дневника и были переданы въ изложеніи на русскомъ языкѣ г. Салтыковой и напечатаны, какъ ниже сказано, въ чтеніяхъ Им. Об. Др. при Моск. Унив. за 1892 г.

[2]) Кромѣ того имѣется седьмой томъ, въ которомъ собраны письма различныхъ лицъ, полученныя Гордономъ разновременно, имѣющія преимущественно если не исключительно частный характеръ.

[3]) Переплетъ нѣкоторыхъ томовъ позднѣйшаго времени. На корешкѣ—была сперва наклеена печатная подпись: Военно-топографическое депо № 48617 томъ такой-то. Позднѣе наклеена слѣдующая: Военно-ученый архивъ Главнаго Штаба отд. I № 15, шк. 57 п. 4.

на правой сторонѣ, внизу на каждой первой страницѣ листка Каждый томъ имѣетъ надпись на русскомъ языкѣ, сдѣланную, конечно, гораздо позднѣе. „Журналъ или дневныя записки на англійскомъ языкѣ бывшаго въ россійской службѣ генерала Гордона, имъ самимъ писанный". Томъ такой-то, за такой-то годъ. Затѣмъ уже на слѣдующемъ листѣ имѣется надпись на англійскомъ языкѣ, сдѣланная, повидимому, самимъ Гордономъ.

При этомъ на первомъ листѣ тома IV съ 1684 г. по 1696 г. имѣется слѣдующая запись на латинскомъ языкѣ: Siste viator iter, vestigia prima secundus Carolus hic posuit cum redit exilis; при чемъ еще добавлено на англійскомъ языкѣ: 1660 may 24, inscription written on a column 100 foot high, erected at Dover, where thag Charles the second first set foot on englisch ground, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: „Надпись, сдѣланная на колоннѣ въ 100 футоръ вышины, сооруженной въ Дуврѣ, гдѣ король Карлъ II впервые ступилъ ногою на англійскую землю".

Нельзя не упомянуть также, что на первой страницѣ каждаго тома имѣется клеймо въ видѣ печати чернаго цвѣта съ надписью Московской Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи Архива; это клеймо является несомнѣннымъ доказательствомъ принадлежности этой цѣнной рукописи въ былое время Главному Государственному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Затѣмъ, въ каждомъ томѣ или тетради изложеніе дневника идетъ, какъ обыкновенно, въ хронологическомъ порядкѣ, по днямъ, за исключеніемъ перваго тома, который представляетъ собою не дневникъ съ повседневными записями—за время съ 1635 г. по 1659 г., но какъ бы обработанное историческое изложеніе всего происшедшаго съ Гордономъ въ этотъ періодъ времени. Собственно дневныя записи, съ означеніемъ не только года, но и мѣсяца и дней, начинаются съ 1659 г. (т. е. съ тома 2-го) и продолжаются, съ перерывами, почти до кончины Гордона. Затѣмъ, весь дневникъ не имѣетъ никакихъ раздѣленій на части или книги, онъ дѣлится только по годамъ, т. е. дневныя записи каждаго новаго года начинаются съ новаго листа, отдѣляясь нерѣдко отъ записей предшествующаго года чистыми листами въ большемъ или меньшемъ количествѣ; другихъ подраздѣленій въ дневникѣ не встрѣчается.

Во всемъ дневникѣ имѣются не малые пробѣлы, именно за время съ 1668 по 1677 г.г., почти за десять лѣтъ, и за время съ 1678 по 1684 г. г.—за шесть лѣтъ; за эти годы дневники не дошли до насъ, кромѣ того нерѣдко въ записи *отдѣльнаго*

года встрѣчаются болѣе или менѣе значительные *пропуски*, иногда въ одинъ, два дня, а иногда и въ цѣлые мѣсяцы, въ продолженіе которыхъ Гордонъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не внесъ ничего въ свой дневникъ [1]). Съ другой стороны изъ текста дневника можно усмотрѣть, что Гордонъ иногда вносилъ позднѣе добавленія и приписки къ тому, что было имъ записано ранѣе; это усматривается изъ цвѣта чернилъ, которыми написаны дополненія, изъ болѣе сжатаго почерка, изъ сокращенныхъ словъ и т. д. Письмо рукописи хорошо сохранилось; самый почеркъ довольно разборчивъ и не представляетъ какихъ-либо трудностей при чтеніи, за исключеніемъ, конечно, сокращеній словъ, употребляемыхъ нерѣдко Гордономъ, и не совсѣмъ правильнаго правописанія многихъ словъ англійскаго языка. Не должно упускать изъ виду, что Гордонъ, родомъ шотландецъ, рано покинулъ свою родину и потому легко могъ позабыть много англійскихъ словъ и не совсѣмъ правильно писать ихъ, особенно же различныя иностранныя названія лицъ и мѣстностей, которыя онъ писалъ по слуху, трудно уловимому и трудно передаваемому англійскими буквами. Кромѣ того, одно и то же названіе Гордонъ писалъ различно; встрѣчается не мало русскихъ словъ, написанныхъ англійскими буквами, совсѣмъ непонятныхъ на первый взглядъ, а также имѣется не мало сокращеній словъ, которыя Гордонъ нерѣдко доводитъ до того, что оставляетъ всего двѣ, даже одну букву, какъ напримѣръ *B.* означаетъ часто бояринъ или воевода; *M.*—Его Величество; *G*, должно быть великій (great), означая Царя Петра I и тому подобныя. Всѣ эти сокращенія, впрочемъ, были уже большею частью разъяснены г. Поссельтомъ [1])

[1]) Позволимъ себѣ указать, для примѣра, подобные пропуски. Такъ ничего не записано въ 1684 г. съ 31 января по 2 марта; въ 1685 г. съ 1 сентября по 20 сентября, и 3 ноября по конецъ года; въ 1686 г., съ 29 января по 5 февраля, съ 24 февраля по 5 марта, съ 9 марта по 23 марта, съ 15 іюля по 4 августа, съ 15 сент. по 24 сент.; въ 1687 г.—съ 24 апр. по 2 мая, съ 21 мая по 12 іюня, съ 21 іюня по 8 іюля, съ 7 сент. по 2 окт., съ 20 дек. по 1 янв. 1688 г. Въ 1689 г. съ 11 апр. по 7 мая, съ 16 мая по 25 мая, съ 30 мая по 13 іюня, съ 15 іюля по 22 іюля, съ 19 авг. по 1 сент., съ 24 сент. по 23 ноября, съ 20 дек. по 4 янв. 1690 года и т. д. Помимо этого есть довольно много незначительныхъ пропусковъ,—одинъ или два дня, при чемъ для пропущенныхъ записей оставлено чистое мѣсто, свидѣтельствующее, что Гордонъ намѣревался ихъ заполнить, но почему-то не осуществилъ своего намѣренія.

[1]) Профессоръ Брикнеръ, въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за 1877 и 1878 г. (томы №№ 193, 194, 196, 197,) посвятилъ этому изданію кн. Оболенскаго рядъ статей, въ которыхъ изложилъ

въ изданномъ имъ переводѣ дневника на нѣмецкой языкъ по по чину князя Оболенскаго въ 1849, 1851 и 1854 годахъ. Трудъ свой, сдѣлавшій замѣчательный дневникъ Гордона доступнымъ читающей публикѣ, Поссельтъ снабдилъ цѣнными примѣчаніями и указателями собственныхъ именъ и названій географическихъ мѣстъ, приложенными къ концу III тома его перевода, при чемъ, для удобства читателей, Поссельтъ раздѣлилъ дневникъ на части или книги и изложилъ свой переводъ въ третьемъ лицѣ, тогда какъ у Гордона дневникъ написанъ въ первомъ лицѣ. Поссельтъ посвятилъ свой трудъ Императору НиколаюI. Съ этого нѣмецкаго перевода былъ, въ свою очередь, сдѣланъ г. Салтыковой переводъ на русскій языкъ, но не всего дневника Гордона, а только начала онаго, именно дневника, веденнаго имъ во время пребыванія его на службѣ въ Польшѣ и Швеціи въ 1658 до 1661 годовъ, и начало дневника, относящагося ко времени перваго пребыванія въ Россіи съ 1661 года по 1678 годъ. Переводъ г. М. Салтыковой былъ помѣщенъ въ Чтеніяхъ, издаваемыхъ Императорскихъ Обществомъ исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ за 1892 годъ, при чемъ въ особомъ предисловіи были сообщены подробныя біографическія свѣдѣнія о самомъ Патрикѣ Гордонѣ и нѣкоторыхъ членахъ его семейства, а также сдѣлана обстоятельная оцѣнка самого дневника и сообщены свѣдѣнія какъ объ участи дневника, такъ и о сочиненіяхъ, имъ вызванныхъ.

Кромѣ того, въ кн. № IV приложены были документы, касающіеся прибывшихъ въ Россію членовъ рода Гордоновъ и хранящіеся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Предпринятый г. Салтыковой трудъ не былъ своевременно доведенъ до конца, и русскимъ читателямъ остальная часть Дневника Гордона оставалась неизвѣстною на родномъ имъ языкѣ. Желаніе закончить начатое г. Салтыковой побудило меня ознакомиться непосредственно съ оригиналомъ „Дневника“, хранящимся и понынѣ въ архивѣ военно-ученаго комитета Главнаго штаба, т. е. съ *англійскою* рукописью Гордона, и сдѣлать помѣщаемый ниже переводъ на русскій языкъ, при чемъ

— —

содержаніе дневника Гордона, указалъ значеніе его для отечественной исторіи и нѣкоторыя его неточности, а также сказалъ о достоинствѣ самого перевода, сдѣланнаго г. Поссельтомъ. Нѣкто Козубскій въ томъ же журналѣ томъ № 197 май 1878 въ статьѣ объ иностранныхъ писателяхъ о Россіи въ XVII вѣкѣ указалъ книги и журналы, въ которыхъ имѣются выдержки и извлеченія изъ дневника Гордона.

едва ли явилось необходимымъ повторять все то, что сказано уже о Гордонѣ и его дневникѣ въ обстоятельномъ и вполнѣ научно составленномъ предисловіи, помѣщенномъ на стр. 1—46 кн. 4 Чтеній Общ. Ист. и Древ. Росс. при Москов. Универ. 1892 года. Упомянемъ только, что какъ въ переводѣ г. Салтыковой уже переданы на русскій языкъ двѣ части дневника Гордона, т. е. за время съ 1635 г. по 1667 годы, то печатаемое нынѣ является уже *третьею* частью, за время съ 1684 года, такъ какъ дневника за время съ 1678 г. по 1684 г. не существуетъ, какъ объ этомъ уже выше упомянуто. При переводѣ обращено было особенное вниманіе держаться по возможности ближе подлинника: поэтому удержанъ оборотъ рѣчи въ первомъ лицѣ, принятый Гордономъ. Для удобства читателей составлено къ каждому году дневника краткое оглавленіе его содержанія, при чемъ самый переводъ раздѣленъ на главы, соотвѣтствующія каждому отдѣльному году, и нѣсколько такихъ главъ совмѣщены въ особыя части, какъ это было уже сдѣлано въ книгахъ упомянутыхъ Чтеній, въ которыхъ печатался ранѣе переводъ г. Салтыковой.

Что же касается поясненій нѣкоторыхъ словъ, выраженій, а также различныхъ техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ дневникѣ, то мы предпочли помѣстить ихъ не подъ строкою въ текстѣ, но отдѣльно въ общемъ алфавитномъ указателѣ именъ, фамилій и названій мѣстностей, вмѣстѣ съ возможнымъ поясненіемъ сихъ послѣднихъ. Этотъ указатель будетъ приложенъ къ концу самого дневника, вмѣстѣ съ нѣкоторыми примѣчаніями, служащими къ поясненію свѣдѣній, сообщаемыхъ въ дневникѣ Патрика Гордона.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что Императоръ Николай I, очень интересовавшійся исторіею нашего отечества, узнавъ о существованіи дневника Гордона, приказалъ еще въ 1835 г. перевести его на русскій языкъ. Съ этой цѣлью дневникъ Гордона былъ вытребованъ въ Петербургъ изъ отдѣленія Государственнаго Архива, въ Москвѣ находящагося, и самый переводъ порученъ служившему въ это время въ канцеляріи военнаго министерства барону Дмитрію Егоровичу Келлеру. Онъ воспитывался въ Императорскомъ лицеѣ, окончилъ курсъ съ золотою медалью и съ чиномъ IX класса въ 1826 г. [1]) (т. е. Келлеръ былъ въ числѣ воспитанниковъ 4-го выпуска)

---

[1]) См. Кобеко.—„Императорскій Царскосельскій Лицей“. С.-Петербургъ. 1911 г., стр. 508.

и поступилъ на службу чиновниковъ для иностранной переписки при военномъ министрѣ. Келлеръ, какъ видно изъ дѣла, усердно принялся за возложенную на него работу и уже въ 1837 г., представивъ часть перевода, удостоился получить Высочайшій подарокъ въ 1.000 р.; затѣмъ въ 1838 г. за дальнѣйшій переводъ ему было пожаловано въ награжденіе за труды еще 2.000 р. Затѣмъ Келлеръ отъ непосильныхъ трудовъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ, но не проявляя буйства, оставался на квартирѣ подъ наблюденіемъ доктора Риттиха. Но уже 1 февраля 1838 г. онъ покусился на самоубійство, вонзивъ себѣ ножъ въ дыхательное горло, [1]), однако, онъ поправился и его уговорили, хотя съ немалымъ трудомъ, поступить въ лечебное заведеніе доктора Рюля, гдѣ 2 августа 1838 г., въ чинѣ надворнаго совѣтника, онъ и скончался, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей Дмитрія и Егора, зачисленныхъ въ Александровскій кадетскій корпусъ. Что же касается сдѣланнаго имъ перевода дневника Гордона, то онъ не только остался ненапечатаннымъ, но самое существованіе его сдѣлалось совершенно неизвѣстнымъ въ настоящее время; другими словами, переводъ дневника исчезъ. Весьма вѣроятно, что по господствующему и нынѣ у насъ обычаю уничтожать безъ разбора всякія бумаги, остающіяся послѣ умершаго, этой же судьбѣ подверглись и бумаги Келлера, и въ томъ числѣ и его переводъ Гордона, находившійся весьма вѣроятно у него для поправокъ, дополненія и примѣчаній и т. д.

Не можемъ закончить предисловія, не выразивъ нашей искренней признательности завѣдывающему архивомъ, полковнику А. А. Бендеру, за просвѣщенное содѣйствіе предпринятому нами переводу.

П. М. Майковъ.

---

[1]) Надо замѣтить, что умственное разстройство у молодого Келлера являлось наслѣдственнымъ; его отецъ дѣйств. ст. совѣтникъ также сошелъ съ ума; братъ его, служившій въ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи,—также. Всѣ вышеозначенныя свѣдѣнія о Д. Е. Келлерѣ и о его переводѣ извлечены нами изъ дѣлъ военно-ученаго архива Главнаго штаба.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

1 сентября. Прибывшіе изъ Владиміра-Волынскаго бѣженцы разсказывали, что въ д. Горовушкѣ германцы загнали въ одну хату нѣсколько женщинъ, шести и восьми-лѣтнихъ дѣвочекъ, изнасиловали ихъ всѣхъ, а затѣмъ прикололи штыками.

Съ фронтовъ приходятъ извѣстія о хорошемъ и бодромъ настроеніи войскъ и о томъ, что германскіе плѣнные начинаютъ давать показанія, что они удивляются, откуда у русскихъ берутся снаряды, вѣдь германское начальство ихъ убѣждало, что скоро у русскихъ совсѣмъ не будетъ снарядовъ и тогда бери ихъ голыми руками.

Генералъ-суперъ-интендентъ Лифляндской губерніи гр. Гетгенсъ, какъ глава евангелическаго лютеранскаго духовенства губерніи, не разрѣшилъ приходскимъ пасторамъ устраивать по воскресеніямъ сборъ въ церквахъ въ пользу латышскихъ баталіоновъ.

Разсказываютъ, что извѣстному главѣ фирмы Кунстъ и Альбертсъ Датану, высланному въ Нарымскій край, предоставлено было для слѣдованія купэ перваго класса, и тамошніе нѣмцы устраивали сему господину на станціяхъ сочувственныя встрѣчи.

---

[1]) См. „Русская Старина“, декабрь 1915 г.

Мнѣ передавали, что во время мобилизаціи, при слѣдованіи поѣздовъ по Омскому округу для гг. офицеровъ сибирскихъ войскъ предоставлены были вагоны 3-го класса, а плѣнные германскіе офицеры ѣхали въ первомъ классѣ.

2—3 сентября. Еще подтвержденія, вовлекшія Россію въ невыгодную сдѣлку обмѣномъ плѣнныхъ инвалидовъ съ Германіей.

Утверждаютъ, что съ каждой партіей инвалидовъ германцы, подъ видомъ инвалидовъ, присылаютъ какихъ-то мѣстныхъ жителей, поляковъ, снабженныхъ подозрительными паспортами, а въ дѣйствительности пріѣзжающихъ въ Россію германскихъ шпіоновъ.

Германскій напоръ на Россію, съ новымъ Верховодительствомъ, начинаетъ останавливаться. Германцамъ становится не по силамъ идти внутрь Россіи. Ходъ событій великой войны уже опредѣлился совершенно точно. На всѣхъ театрахъ войны германцы достигаютъ полуспѣха: они занимаютъ часть непріятельской территоріи и оставляютъ непораженной непріятельскую армію. Такъ было во Франціи и Россіи, такъ будетъ и на Балканскомъ полуостровѣ—въ Сербіи.

Намъ, русскимъ, надо теперь же усвоить ходъ великой войны. Главный театръ борьбы не на Балканахъ, не во Франціи, а въ Россіи. Въ Россіи рѣшится участь Германіи. Тутъ ей будетъ крышка. Всѣ другіе театры лишь второстепенные и имѣютъ значеніе отвлеченія въ сторону силъ нѣмецкихъ. Вотъ отправная точка для насъ. Нѣмцы могли заставить далеко отступить только безснарядную русскую армію. И врядъ ли какая другая армія могла бы сдѣлать то, что сдѣлала армія русская лѣтомъ 1915 года.

Германскіе цепелины, летающіе надъ Ригой, не бросаютъ бомбъ въ самый городъ, а ограничиваются только окраинами. Латыши увѣряютъ, что цепелинамъ арміи Бѣлова приказано щадить историческую святыню города. Нынѣ въ Ригу съѣзжаются всѣ сливки нѣмецкаго общества, которое, очевидно, предвкушаетъ особыя событія, надлежащія здѣсь произойти. Не слишкомъ ли вы самоувѣрены, г.г. нѣмцы.

Одинъ изъ корреспондентовъ „Новаго Времени“ [1]) картинно изображаетъ подвигъ одного изъ героевъ нашего полкового духовенства о. Евтихія Тулупова:

„9 іюля только-что отбили атаки нѣмцевъ, насѣдавшихъ на правый флангъ, какъ обнаружился глубокій обходъ слѣва... Выяснились значительныя силы пѣхоты и кавалеріи противника, стремившагося отрѣзать намъ путь отхода... Наши части задерживали, насколько хватало силъ, врага, но на мѣстѣ отброшенной цѣпи противника показывалась новая цѣпь, вмѣсто разсѣяннаго эскадрона появлялся свѣжій...

Къ полудню бой достигъ своего апогея. Уже въ бой были введены всѣ резервы и напрягали послѣднія свои силы, чтобы противостоять втрое сильнѣйшему противнику и дать возможность отойти остальнымъ частямъ корпуса.

Въ рѣшительный моментъ боя командиръ полка, полковникъ Л., собралъ послѣднія шесть своихъ ротъ и повелъ ихъ въ контръ-атаку.

Это былъ красивѣйшій, незабываемый моментъ.

Чувствовалось, что насталъ кризисъ боя, когда разсыпанныя цѣпью роты начали свое рѣшительное движеніе. И въ эту минуту впереди ротъ, рядомъ съ командиромъ полка, какъ изъподъ земли, выросла фигура полкового батюшки, отца Евтихія Тулупова...

Въ епитрахили, съ крестомъ въ рукахъ, о. Евтихій шелъ впереди цѣпи и старался поспѣть за командиромъ полка, широкимъ шагомъ мѣрявшимъ поле.

Въ этихъ раздувавшихся на вѣтрѣ сѣдыхъ кудряхъ, во всей маленькой фигурѣ согбеннаго старца-монаха, высоко надъ головой поднимавшаго св. крестъ, было столько красоты, величія и героизма...

Впереди показалась непріятельская цѣпь. Раздался первый залпъ. И пролилась первая кровь — батюшка былъ раненъ въ ногу.

Но рана не охладила его порыва. Наскоро перевязавшись, онъ снова вышелъ впереди цѣпей и пошелъ, хромая, опять рядомъ съ командиромъ полка.

Потомъ,—безпорядочный ружейный огонь, трещаніе нѣсколькихъ пулеметовъ и дружный ударъ въ штыки...

Въ штыковой схваткѣ некогда было разбираться, кто раненъ, кто убитъ.

---

[1]) „Нов. Вр.“, 3 октября 1915 года.

И когда уже нѣмцы отхлынули назадъ, оставивъ на полѣ груды тѣлъ, и наши, утомленные боемъ, окончили преслѣдованіе разбитаго врага, тогда только хватились, гдѣ батюшка

Тѣло отца Евтихія разыскали на полѣ — тѣло съ грудью, пронзенной цѣлымъ снопомъ пулеметныхъ пуль...

Ночью отца Евтихія хоронили.

Трогательныя похороны героя.

Безлунной ночью въ глухомъ лѣсу, гдѣ мягко шумѣли верхушки сосенъ, собрался полкъ—утомленные боемъ солдаты, еще пахнувшіе пороховымъ дымомъ. Безмолвно ждали, когда выроютъ могилу. И ночную тишь нарушалъ лишь шумъ лѣса, да стукъ лопатъ...

Обнажили головы. Колѣнопреклоненный полкъ выслушалъ слова печальной молитвы, что прочелъ командиръ полка надъ гробомъ убитаго отца Евтихія...

Пропѣли „Вѣчную память“ и гробъ опустили въ свѣже вырытую могилу. Быстро изъ отдѣльныхъ горстей земли выросъ могильный холмъ.

„Здѣсь похороненъ полковой священникъ К. полка отецъ Евтихій Тулуповъ, іеромонахъ Богородицко-Площанской пустыни, Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи, убитый въ бою съ германцами 9 іюля 1915 года“...

Въ печальномъ молчаніи расходились солдаты.

За нынѣшнюю войну о. Евтихій Тулуповъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ и представленъ къ награжденію наперснымъ крестомъ на георгіевской лентѣ и за подвигъ 9 іюля къ ордену св. Георгія 4 ст.“.

Передаютъ про очень интересный аппаратъ для лѣченія переломовъ костей, придуманный проф. Дельбе.

Этотъ аппаратъ — гипсовая повязка: переломанный членъ охватывается твердымъ кольцомъ сверху, подъ колѣномъ, и такимъ же кольцомъ снизу, подъ ступнею. А по бокамъ, отъ одного кольца къ другому, идутъ двѣ, изъ гипса же сдѣланныя шины. Переломанная часть ноги держится этой повязкой въ полной неподвижности. Но такъ какъ колѣно и ступня остаются свободными, то больной можетъ немедленно послѣ наложенія повязки двигать ногой, какъ если бы она была совсѣмъ здорова. На другой или третій день, иногда даже въ первый, онъ встаетъ и ходитъ, опираясь на ступню. И это относится одинаково къ простымъ переломамъ, какъ и къ сложнымъ,

такъ называемымъ дюпюитреновскимъ, съ переломомъ обѣихъ лодыжекъ, такъ и къ переломамъ, которые сопровождаются открытыми ранами,—что встрѣчается такъ часто въ теперешнее военное время. Когда повязка наложена, на второй или третій день больныхъ заставляютъ ходить, при чемъ имъ предписываются спеціальныя гимнастическія упражненія больной ногой. Эти упражненія заключаются въ присѣданіи при согнутомъ колѣнѣ. Нога остается въ аппаратѣ отъ 20 до 40 дней, когда нѣтъ другихъ осложненій. Но обыкновенно уже черезъ 7 — 10 дней больной выписывается изъ больницы. (Изд. Alcan. „Méthode de traitement des fractures“).

Рѣки Волховъ, Сясь, Свирица и каналы Ладожской системы заполнены громадными запасами дровъ, принадлежащими нашимъ оптовикамъ-дровяникамъ, мечтающимъ о 100% при продажѣ этихъ дровъ населенію Петрограда.

---

4 сентября. Сегодня состоялся роспускъ Государственной Думы и она съ большимъ достоинствомъ отнеслась къ совершившемуся событію. Ее не покинуло то патріотическое воодушевленіе, которое вдохновляло ея работы къ благу родины и для побѣды надъ врагомъ.

Въ Архангельскъ прибылъ со своей экспедиціей флигель-адъютантъ капитанъ 2 ранга Вилькицкій, знаменитый изслѣдователь морского пути по Ледовитому океану отъ Владивостока въ Бѣлое море. Экспедиція эта въ составѣ транспортовъ „Таймыръ“ и „Вайгачъ“ вышла изъ Владивостока въ іюлѣ 1914 года незадолго до войны, прошла Сѣверный Ледовитый океанъ, закончила опись Таймырскаго полуострова и открытой въ 1913 г. земли Императора Николая II и черезъ Карское море вернулись въ Архангельскъ.

Встрѣча экспедиціи флигель-адъютанта Вилькицкаго населеніемъ Архангельска носила трогательный, восторженный, характеръ. Для встрѣчи прибывающихъ на взморье Бѣлаго моря выѣзжали: главнокомандующій адмиралъ Угрюмовъ, губернаторъ Бибиковъ, городской голова и депутація отъ городской думы, поднесшая хлѣбъ-соль отъ города.

На рейдѣ Сѣверной Двины экспедицію встрѣчала флотилія

судовъ яхтъ-клуба. Всѣ суда въ порту и дома въ городѣ разукрашены флагами. Флигель-адъютантъ Вилькицкій сошелъ на берегъ подъ звуки народнаго гимна и раскаты громоваго „ура". Съ пристани участники экспедиціи и встрѣчавшіе ихъ направились въ соборъ, гдѣ было совершено благодарственное молебствіе.

5—6 сентября. Разсказываютъ, что въ Новомъ-Петергофѣ состоитъ въ мѣстной лютеранской церкви пасторъ фонъ-Бодуненъ. Онъ проповѣдуетъ въ своей церкви по-нѣмецки и призываетъ своихъ слушателей помнить „свою великую націю и гордиться принадлежностью къ нѣмецкой націи", которая, по его мнѣнію, является самой культурной. При церкви находится торговая школа, и пасторъ требуетъ отъ учителей школы, чтобы они въ своихъ бесѣдахъ не оскорбляли „такую великую націю, какъ нѣмцы". Этотъ господинъ фонъ-Бодуненъ исполняетъ и по сіе время свои пасторскія обязанности. И это творится въ Н.-Петергофѣ.

Передаютъ, что извѣстная компанія Зингеръ перевозитъ 700.000 пудовъ по Сѣвернымъ желѣзнымъ дорогамъ.

„Все городское самоуправленіе города Бауска [1]), состоящее почти исключительно изъ мѣстныхъ нѣмцевъ, предпочло остаться среди германцевъ. Бывшій городской голова Оскаръ фонъ-Бранденбургъ, въ свое время скандально заготовившій пироги для встрѣчи германцевъ, по распоряженію нѣмцевъ утвержденъ головою города Бауска. Въ свое время бывшій губернаторъ Курляндіи, Набоковъ, передъ выборами арестовалъ двухъ прогрессивныхъ городскихъ избирателей, вслѣдствіе этого Бранденбургъ остался единственнымъ кандидатомъ и былъ утвержденъ губернаторомъ въ должности городского головы. Радомскій пасторъ Биленштейнъ, извѣстный германофилъ и дѣятель дейченъ-ферейна, назначенъ германскими властями на крупную административную должность. Бывшій секретарь городской управы Гутманъ сейчасъ занимаетъ должность переводчика въ германскомъ штабѣ".

---

[1]) „Нов. Вр.", 5 сентября 1915 года.

Приводимъ нѣсколько сценокъ изъ интересной корреспонденціи „Новаго Времени“ [1]) о боевой дѣятельности командира тяжелой батареи, называемаго на фронтѣ тяжелый хозяинъ.

„Черезъ нѣсколько дней мы, дѣйствительно, наступали. Тяжелая артиллерія гремѣла весь день. Сидя въ штабѣ, я былъ пораженъ, какъ часто вызываютъ по телефону командира тяжелаго дивизіона, сидѣвшаго на наблюдательномъ пунктѣ. Телефонистъ то и дѣло переставлялъ штепселя коммутатора.

— Откуда это звонятъ?

— Изъ полковъ больше...

Захотѣлось посмотрѣть это ближе, и я поѣхалъ на наблюдательный пунктъ.

На чердакѣ халупы, разрывъ круглой дырой солому на крышѣ, подполковникъ, сидя на какихъ-то жердочкахъ, слаженныхъ на подобіе стула, напряженно смотрѣлъ въ „рожки“ [2]), наблюдая за боемъ. Здѣсь же телефонъ, который работаетъ непрерывно.

— Кириллъ Прокофьевичъ, четыре дѣленія вправо...

— Что? Третій полкъ? Ну? Мѣшаетъ труба? На ней нѣмецкій пулеметъ... да, трудно попасть... попробую...

— Вячеславъ Корниловичъ, фугасной бомбой по заводской трубѣ, очередями... пробуйте. Что? Четвертый квадратъ второго ряда на двухверсткѣ... видите? Дуйте...

— Засыпаютъ? Шрапнелью? Ага, сейчасъ помогу...

— Семенъ Андреевичъ, Сапожникова засыпаютъ шрапнелью изъ-за лѣса... Знаете?.. Ему надо помочь. Обстрѣливайте нѣмецкую батарею бѣглымъ огнемъ, чередуя снаряды. Бомба, шрапнель, бомба, шрапнель... поняли?

— Что? По трубѣ довольно? Какъ? Разнесли?! Хорошо!

— Вячеславъ Корниловичъ, за трубу спасибо... Наводчика къ кресту представьте.

Я смотрѣлъ на этого крѣпкаго человѣка и удивлялся. Какіе нервы надо имѣть, чтобы въ этой кашѣ не сбиться. Подхожу къ другой трубѣ и начинаю наблюдать за полемъ.

— Любопытствуете?

— Интересно...

— Валяйте. Смотрите вправо... Видите городъ?.. Это Д—нъ.

— Вижу.

— Шоссе видите?

---

[1]) „Новое Время“, 6 сентября 1915 г.

[2]) Особаго вида труба, принятая въ артиллеріи.

— Вижу... По немъ колонна идетъ?

— Да, да... Кириллъ Прокофьевичъ, на Д—скомъ шоссе колонна. Обдайте бѣглымъ...

Подполковникъ передаетъ данныя для стрѣльбы и пристально всматривается въ „рожки“. Смотрю и я. Колонна небольшая, силой до батальона, видна хорошо. Первая бомба падаетъ вправо отъ шоссе. Видно, какъ колонна колыхнулась, очевидно, перестраиваясь, но въ то же мгновеніе надъ ней рвется сразу цѣлая очередь; вторая и третья довершаютъ дѣло. Колонна исчезла. Мелкой розсыпью нѣмцы кинулись назадъ. Батарея умолкаетъ,—слишкомъ далеко.

— Вячеславъ Корниловичъ, батарея мѣняетъ позиціи... Надо ее поймать на ходу,—говоритъ Леонтій Ефимовичъ, сообщая необходимыя данныя.

И ее поймали. Въ трубу видно, какъ одна бомба шлепнулась у самой запряжки, потомъ двѣ дали перелетъ, а четвертая угодила въ орудіе... Батарея обратилась въ кашу черезъ какія-нибудь четверть часа...

Телефонъ работаетъ по-прежнему. Батареи гремятъ безустали, послушныя голосу командира дивизіона, который то и дѣло передаетъ свои приказанія. Его три батареи: дальнобойная и двѣ гаубичныхъ, работаютъ какъ клавиши подъ рукой виртуоза.

Зато кончится бой, и въ штабѣ дивизіи со всѣхъ сторонъ получается одно и то же:

...„Поддержанные огнемъ тяжелой батареи, стрѣлки успѣшно овладѣли деревней“...

...„Роты заняли окопы, уже очищенные противникомъ, подъ давленіемъ нашей тяжелой артиллеріи“...

Но командиру дивизіона некогда слушать и читать эти искреннія похвалы боевыхъ товарищей. Надо посылать въ паркъ за снарядами, повѣрять запасы, приводить въ порядокъ орудія.

Работа въ окопахъ не клеится. Какъ разъ противъ мѣста работъ позиція нѣмцевъ дѣлаетъ выступъ.

Они засѣли на опушкѣ лѣса и обдаютъ насъ огнемъ изъ ружей и пулеметовъ, какъ только заслышатъ ударъ топора или стукъ лопатъ о слежавшуюся глину. То и дѣло приходится ложиться и терпѣливо ждать, когда же, наконецъ, кончится эта трескотня.

Прохожу по фронту работъ и случайно ловлю разговоръ двухъ солдатъ.

— Этакъ всю ночь промаешься, ничего сдѣлать тебѣ не дадутъ.

— Надо бы тяжелому хозяину пожалиться... Онъ имъ дастъ пить...

— Кому?—спрашиваю я, не понимая, о комъ идетъ рѣчь.

— Это мы такъ, промежъ себя... вообще, какъ солдаты...

— Да про кого же?

— Никакъ нѣтъ... Говорю, командира бы тяжелаго дивизіона какъ попросить, чтобы нѣмца унять... никакой возможности нѣтъ къ работѣ приступиться...

„А вѣдь вѣрно, думаю про себя, почему бы и не попросить его“ и иду къ телефону.

Отказа, разумѣется, не было...

— Сейчасъ. Въ лѣсу? Хорошо... Я ихъ бомбами...

И уже оборвалъ разговоръ. Такъ и представляешь себѣ, какъ въ эту минуту онъ уже взялъ другой телефонъ и отдаетъ приказаніе командиру батареи.

Черезъ нѣсколько минутъ надъ нашими головами летитъ тяжелый снарядъ и съ грохотомъ рвется въ лѣсу. Другой, третій, потомъ сразу четыре.

— Вотъ это такъ!

— Ай да тяжелый хозяинъ!

— Вотъ, спасибо-то,—радуются солдаты.

А онъ будто слышитъ эти похвалы и измѣняетъ огонь по своей любимой манерѣ: половина бомбъ, половина шрапнелей. Солдаты радуются пуще прежняго.

— Такъ его, такъ... хорошенечко! Бомбой-то ему откупорить сидѣлку, а сверху горошкомъ!..

— Будетъ знать, какъ мѣшать работѣ.

— Ему, братъ, не попадайся,—замѣчаетъ бородатый запасникъ...—Это, братъ, хозяинъ правильный—у него всякій нехристь на счету“.

Военныя дѣйствія съ 1-го сентября включительно по 6-е слагались слѣдующимъ образомъ. На Рига-Двинскомъ фронтѣ противникъ старался наступать и къ Двинску, къ Якобштадту и Фридрихштадту, но повсюду не имѣлъ успѣха, и лишь только у послѣдняго пункта германцы достигли до лѣваго берега Двины. На сѣверозападномъ фронтѣ отъ Пинскихъ

болотъ по всему этому фронту нѣмцы наступали, крайне медленно продвигаясь на востокъ. Особеннымъ упорствомъ отличались бои за Вильно, къ западу отъ города въ раіонѣ между Оранами и Мейшаголы. Для того, чтобы обойти съ праваго фланга сражающіяся въ этомъ раіонѣ наши войска и отрѣзать ихъ отъ Двинскаго фронта, массы германской конницы ринулись между Молодечно и Вилейкой на Полоцкую желѣзную дорогу, и къ Свѣнцянамъ по Варшавской желѣзной дорогѣ. Пока еще не опредѣлился исходъ сей нѣмецкой антрепризы.

Въ Волыни и въ Восточной Галиціи—въ окрестностяхъ Тарнополя, по Стрынѣ и у Серета наши дѣйствія были вполнѣ успѣшны.

---

7 сентября. По улицамъ Петрограда войска ходятъ съ пѣснями. Пріятно слышать задорные и бодрящіе душу напѣвы молодецкой пѣсни. Въ тяжелые августовскіе дни первой половины мѣсяца петроградскому обывателю пришлось слышать такія же пѣсни въ Царскомъ Селѣ, и надо сказать, по правдѣ, онѣ лились въ душу, какъ цѣлительный бальзамъ.

Пріѣхавшіе съ фронта офицеры и врачи разсказываютъ про громадную разницу въ настроеніи духа, какую проявляютъ при операціяхъ наши солдаты и германскіе. Наши переносятъ страданія сдержанно, а нѣмцы орутъ нещадно.

За послѣднее время на Петроградскихъ улицахъ появилась масса безногихъ на костыляхъ. Всѣхъ встрѣчныхъ безногихъ я опрашивалъ и отъ всѣхъ получалъ одинъ отвѣтъ—ногу потерялъ или по болѣзни или на желѣзной дорогѣ. Умѣютъ использовать свое положеніе въ настоящее время.

Однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ іезуитскаго ордена является отъявленный недругъ Россіи, и другъ—наставникъ Болгарскаго Фердинанда кардиналъ Ледоховскій. Онъ много сдѣлалъ и сдѣлаетъ Россіи зла на Балканскомъ полуостровѣ.

Разсказываютъ, что Фердинандъ Болгарскій исчезалъ куда-то на охоту изъ своего дворца, а въ дѣйствительности потихоньку ѣздилъ на совѣщаніе въ Берлинъ къ кайзеру. Конечно, отъ этой поѣздки Россіи нечего ожидать добра.

Болгарская интеллигенція теперь развиваетъ новыя теоріи о томъ, что болгары не славянскаго происхожденія, а тюркскаго, что они потомки тѣхъ болгаръ, царство которыхъ было во время оно на нижней Волгѣ.

Въ Москвѣ идутъ засѣданія всероссійскихъ земскихъ и городскихъ съѣздовъ.

Рига провожаетъ на театръ военныхъ дѣйствій многочисленные латышскіе баталіоны, громко распѣвающіе свои національныя пѣсни.

Нельзя не отмѣтить одинъ замѣчательный фактъ, что изъ всѣхъ инородцевъ стали особой стѣной на защиту родины латыши. Почему же нѣтъ иныхъ другихъ лояльныхъ, прибалтійскихъ дружинъ, ставшихъ на защиту родины.

Приводимъ интересную сценку съ перевязочнаго пункта [1]).

„Мы принимали раненыхъ съ утра. Къ ночи ихъ подвалило еще. О снѣ, объ отдыхѣ и думать нечего было.

Вдругъ тамъ, снаружи, началось движеніе, толпа раненыхъ раздалась, пропустила внѣ очереди нѣсколько носилокъ. Злобные возгласы, взгляды, кулаки, все это понеслось на нѣмецкій счетъ.

Это было дѣйствительно одно изъ проявленій подлаго нѣмецкаго звѣрства. Ночью пустили удушливые газы большими массами.

Было уже поздно ночью. Въ баракѣ стоялъ туманъ отъ табачнаго дыма. Тусклая лампа едва освѣщала койки съ „удушенными“. Вокругъ нихъ столпились раненые. Думали свою думу, и недоброе сверкало въ солдатскихъ взорахъ.

Что они думали, не знаю. Но я думалъ о тѣхъ гнусныхъ

---

[1]) „Веч. В.“, 7 сентября 1915 г.

людишкахъ тылового пошиба, которые восхищаются германской „высокой культурой“ и говорятъ, что у нихъ нужно намъ учиться.

Отъ всего сердца готовъ я благодарить Бога за то, что не мы, русскіе, выдумали удушливые газы первыми“...

---

8 сентября. Сегодня въ Петроградскомъ Николаевскомъ госпиталѣ у раненыхъ военноплѣнныхъ были германскія сестры милосердія и бесѣдовали съ ними глазъ на глазъ.

По словамъ этихъ нѣмокъ, ихъ раненые неудовольствія не выражаютъ. Изъ Петрограда нѣмки уѣхали вечеромъ въ Сибирь.

Сегодня утромъ умерла М. Г. Савина.

---

9 сентября. Въ „Вечернемъ Времени“ сего числа напечатано слѣдующее:

„Въ журналѣ „Биржа и Русская Промышленность“ въ послѣднемъ нумерѣ напечатанъ отчетъ товарищества „К. Шпанъ и сыновья“. Отчетъ составленъ бухгалтеромъ Гомиліусомъ, утвержденъ общимъ собраніемъ пайщиковъ и подписанъ директорами Ф. Сартиссономъ и М. Веселаго.

Какое дѣло, что Шпанъ, чистѣйшій нѣмецъ, ловко пролѣзшій въ круги нашей промышленности, предсѣдатель правленія и директоръ цѣлаго ряда металлургическихъ и машиностроительныхъ обществъ, по обстоятельствамъ военнаго времени вынужденный жить гдѣ-то инкогнито, не переставая въ то же время быть душою громаднаго предпріятія?! Его друзья—адмиралъ русскаго флота Веселаго и г. Сартиссонъ охраняютъ его интересы.

Пронырливый нѣмецъ забралъ въ свои руки громадныя предпріятія, сталъ поставщикомъ военнаго вѣдомства по изготовленію снарядовъ и военныхъ припасовъ, это открывало передъ ними двери всюду. Онъ былъ въ курсѣ нашей подготовки и вѣрно служилъ „фатерланду“, измѣнивъ только вѣрѣ отцовъ, принявъ уже во время войны православіе и имя Константинъ, а кстати для видимости перешелъ и въ русское подданство. Но все это не спасло его, онъ подвергся общей участи и высланъ въ Нарымскій край.

---

10 сентября. Въ Болгаріи объявлена общая мобилизація. Противъ кого. Разумѣется, противъ Сербіи и Россіи. Съ кѣмъ въ союзѣ? Разумѣется, съ Австро-Германіей. Это ясно, какъ Божій день.

Мѣсяцъ тому назадъ одинъ господинъ, имѣющій связи съ Болгаріей и отмѣнно ее почитающій, говорилъ мнѣ объ этой мобилизаціи и увѣрялъ меня, что никогда болгары не будутъ дѣйствовать противъ русскихъ войскъ.

Говорятъ, что сербы просили, чтобъ имъ развязали руки для немедленной расправы съ болгарами, но европейскій концертъ былъ противъ сего.

Въ одномъ изъ августовскихъ номеровъ „Le Temps“ г-жа Морель помѣстила свои воспоминанія [1]):

„Еще совсѣмъ молоденькой, въ 1874 году, я поступила воспитательницей въ богатую и аристократическую польскую семью, которая жила недалеко отъ Поневѣжа. Однажды къ намъ въ гости пріѣхали со своими гувернерами и гувернантками дѣти графа Кайзерлинга, предводителя дворянства Митавы. Маленькія графини Кайзерлингъ почему-то подружились со мной. „Вы такая милая,—говорили онѣ мнѣ,—что мы сейчасъ же разскажемъ вамъ всѣ наши секреты: вчера у папы былъ большой совѣтъ, были князь Ливенъ, баронъ Роппъ и много другихъ, и они рѣшили, что всѣхъ нашихъ мальчиковъ нужно отдавать теперь въ моряки, такъ какъ папа сказалъ, что это совсѣмъ достовѣрно, что балтійскія провинціи будутъ черезъ немного времени германскими, и что будущность Германіи будетъ на морѣ“... „Недавно,—продолжала маленькая болтунья,—нѣсколько русскихъ офицеровъ пріѣхали, чтобы осмотрѣть лошадей, — и папа быстро приказалъ, чтобъ изъ столовой вынесли портретъ императора Вильгельма и вмѣсто него повѣсили портретъ царя Александра... Но такъ какъ у папы его не оказалось, то пришлось посылать къ барону N за портретомъ. Послѣ отъѣзда офицеровъ портретъ снова сняли и отослали обратно“...

Кромѣ того, я вспоминаю, какъ однажды моихъ хозяевъ посѣтилъ губернаторъ Вильны князь Альбединскій. Былъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовала я со своимъ воспитан-

---

[1]) „Нов. Вр.“, 10 сентября 1915 г.

никомъ. Разговоръ велся по-французски. Я была поражена словами князя Альбединскаго:

„Кто же освободитъ, наконецъ, русскія сферы отъ всѣхъ этихъ обѣднѣвшихъ нѣмцевъ, графовъ и бароновъ, имѣющихъ большія дворянскія грамоты, но мало денегъ, и которыя создаютъ дождь и хорошую погоду у насъ въ Россіи? — воскликнулъ онъ.—Вы не можете себѣ представить ихъ дерзость, ихъ могущество и ихъ безцеремонность... Имъ все позволено. Вашъ сосѣдъ Кайзерлингъ persona grata въ Россіи: онъ позволяетъ себѣ курить при... А если бы это сдѣлалъ русскій?.. Хотя ни одинъ русскій никогда не позволилъ бы ничего подобнаго“.

Это вѣрно, что вліяніе нѣмцевъ, ихъ любовь къ интригамъ, способы, съ помощью которыхъ они проникаютъ всюду, гдѣ есть хорошія мѣста, и вытѣсняютъ туземцевъ,—представляетъ серьезную опасность для Россіи. Можно только пожелать, чтобы тамъ это поняли такъ же хорошо, какъ у насъ, во Франціи, и чтобы отнынѣ передъ ними двери были бы заперты.

Однажды, проѣзжая станцію Б.—это было спустя три года,—я увидала на платформѣ графа Кайзерлинга. Какъ только онъ увидѣлъ меня, онъ пересѣлъ ко мнѣ во второй классъ, чтобы передать, какъ онъ говорилъ, „большую новость“. Это было извѣстіе о смерти Гамбетты. По словамъ нѣмца, эта смерть для его страны прямо счастье и благодаря ей, вынута большая заноза изъ ноги“. Могъ ли онъ придумать лучшую похвалу для нашего великаго патріота? Въ 1882 г. я присутствовала за столомъ, гдѣ праздновали смерть Скобелева; было много шампанскаго и крики „хохъ“. Если русскіе упустятъ случай de museler этихъ нѣмецкихъ дворянъ, которыхъ такъ проклинаютъ ихъ жертвы — латыши, то они совершатъ огромную ошибку. Но, кажется, слава Богу, русскіе хотятъ окончательно освободить сферы отъ нѣмецкаго вліянія, которое приносило такой огромный вредъ ихъ странѣ“.

Противъ удушливыхъ газовъ извѣстный англійскій изобрѣтатель Максимъ предлагаетъ бросать снаряженныя бомбы передъ надвигающимся облакомъ газовъ.

Бомбы разрываются, при чемъ воздухъ нагрѣвается и гонитъ газы обратно.

Разсказываютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что германскіе товары, подъ нейтральными клеймами, черезъ „Гергардовъ

и Геевъ", Купстовъ и Альбертсовъ съ ихъ преемниками, безпрепятственно проникаютъ въ Россію.

Одинъ изъ раненыхъ передавалъ, что на ст. Орелъ остановились наши раненые на вонючемъ перронѣ, подъ открытымъ небомъ, безъ фельдшеровъ, санитаровъ и сестеръ милосердія. Раненые прибыли изъ Кіева. Тутъ же въ залѣ I-го класса сидѣли 40 австрійскихъ офицеровъ, здоровенныхъ мужчинъ съ повязками Краснаго Креста, безъ конвоя, подъ призоромъ сестеръ милосердія.

Передаютъ, что германцы совмѣстно съ турками оскверняютъ Святую Землю. На Голгоѳѣ поставлена батарея, въ окопахъ, стрѣляющая по мишенямъ, расположеннымъ по склонамъ Елеонской горы. Въ той части Голгоѳы, гдѣ по преданію стояла Богородица, оплакивающая умирающаго Сына, нѣмецкій купецъ Гансъ Моллеръ устроилъ лавку, въ которой продаетъ сладости, кофе, мыло и табакъ. Здѣсь по вечерамъ собираются нѣмецкіе унтеръ-офицеры и шумно распиваютъ пиво и ромъ, оглашая святыя мѣста непристойными пѣснями.

---

10 сентября. Въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Сената разсмотрѣна кассаціонная жалоба барона Деллингсгаузена, приговореннаго Петроградской судебной палатой къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ 4 мѣсяца съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Баронъ Деллингсгаузенъ привлекался за злоупотребленія, допущенныя имъ въ качествѣ завѣдывавшаго четвертымъ военно-конскимъ участкомъ въ Везенбергскомъ уѣздѣ. Ревельскій окружный судъ приговорилъ Деллингсгаузена въ арестантскія отдѣленія на 2½ года, но Петроградская судебная палата понизила наказаніе. Резолюціей Сената жалоба оставлена безъ послѣдствій [1]).

---

11 сентября. Родославовъ въ собраніи своихъ единомышленниковъ заявилъ, что усиліями германцевъ Россія разбита и что поэтому нечего Болгаріи цѣпляться за мертвеца и только при

[2]) „Нов. Вр.", 11 сентяря 1915 г.

помощи берлинскаго правительства Болгарія сумѣетъ выйти побѣдительницей и осуществить свои національныя стремленія.

Въ Греціи тоже объявлена мобилизація. Эта страна подъ пятой королевы Софіи, кайзеровой сестрицы. Если грекамъ не пригрозятъ англо-французскимъ флотомъ и не закроютъ имъ подвозъ припасовъ, то греки перейдутъ на нѣмецкую сторону и, конечно, вопреки договору, они не окажутъ помощи Сербіи.

12—15 сентября. При объявленіи мобилизаціи въ Софіи воспитанники училищъ несли германскіе флаги.

Наконецъ таки 12 сентября наши союзники на западѣ перешли въ наступленіе у Арраса и въ Шампани. Послѣ усиленной артиллерійской подготовки, продолжавшейся нѣсколько дней, союзники повели энергичную атаку къ сѣверу отъ Арраса-утвердились въ нѣсколькихъ пунктахъ непріятельскихъ линій, а въ Шампани передовыя позиціи непріятеля заняты по всему фронту и наступленіе продолжается.

Французы прорвали центръ германскаго расположенія, взяли нѣсколько линій укрѣпленій, 24 орудія, 20.000 плѣнныхъ; англичане взяли 8 орудій и 1.700 плѣнныхъ. Еще англичанами взято 9 орудій и 2.600 человѣкъ.

Французскій фронтъ въ Шампани расположенъ вдоль второй линіи германскихъ окоповъ. Взято въ плѣнъ еще 1.000 человѣкъ. Взято 70 орудій.

Интересна корреспонденція, какъ подъ Осовцемъ подбили 42 сантиметровую пушку [1]).

„Во время боевъ подъ Осовцемъ нѣмцы подвезли по желѣзной дорогѣ 42-сантиметровую пушку.

Долго они ее „настраивали“, и когда открыли огонь, то по-

---

[1]) „Нов. Вр“. № 1232.

падали большею частью въ болото. Огромная воронка мигомъ заполнялась водой, и получалось озеро саженъ въ 10 въ поперечникѣ.

Стрѣляли они очень методично, чрезъ 10—15 минутъ, но за все время насчитываютъ не болѣе трехъ попаданій въ важные пункты крѣпости.

Значеніе этой пушки очень преувеличено молвой, ибо мѣткость ея ничтожна, а сильное дѣйствіе снаряда проявляется только при попаданіи.

Наши артиллеристы очень досадовали на эту пушку, ибо она была недосягаема даже для самой ближайшей къ ней батареи.

Мѣсто, гдѣ стояла 42-сантиметровая пушка, было точно извѣстно, но попытки обстрѣлять ее были тщетны: по донесенію наблюдавшихъ за стрѣльбой нашихъ летчиковъ, снаряды наши не долетали версты на полторы.

Досада взяла атриллеристовъ. Долго думали, какъ бы „срѣзать“ проклятую, и, наконецъ, додумались: рискнуть однимъ орудіемъ и сдѣлать выстрѣлъ увеличеннымъ зарядомъ. Увеличенный зарядъ увеличитъ дальность, а направленіе, какъ говорятъ летчики, вѣрное—значитъ, возможенъ успѣхъ, если только наше орудіе не разорвется отъ увеличеннаго заряда.

Снарядили летчика, приняли мѣры предосторожности на случай разрыва орудія, увеличили зарядъ и ахнули.

Летчикъ доноситъ: хорошо, только еще саженъ на 100 подбавить надо.

Подбавили. Дали выстрѣлъ, и вдругъ, о радость, летчикъ сигнализируетъ: „Есть!“ На радостяхъ съ тѣмъ же увеличеннымъ зарядомъ сдѣлали еще два выстрѣла, и летчикъ потомъ разсказывалъ, какъ разсыпалась чувствовавшая себя недосягаемой многочисленная прислуга этого орудія.

Что сдѣлалось съ самой пушкой, сказать трудно, только стрѣлять она по Осовцу перестала, а взятые дня черезъ три въ плѣнъ нѣмцы разсказывали, что убиты главные мастера, и что пушку увезли чинить.

Больше во все время осады она не появлялась“.

Съ 6-го включительно по 15-е сентября военныя дѣйствія на нашемъ фронтѣ слагались такимъ образомъ: на Рижскомъ раіонѣ непріятель безъ особаго успѣха атаковалъ наши позиціи къ юго-востоку отъ Риги, переправы черезъ р. Экау и раіонъ между Нейгутомъ и Фридрихштатомъ. У Двинска онъ упорно

лѣзъ на позиціи у Иллукста и Ново-Александровска, но особаго успѣха и тутъ не имѣлъ. Упорные бои германцы вели къ югу отъ Двинска къ Свѣнцянамъ между озерами дефиле; здѣсь мы продвигались къ западу, не взирая на ихъ яростныя атаки.

Главныя усилія нѣмцевъ были направлены на то, чтобы использовать своей пѣхотой прорывъ нѣмецкой конницы у Молодечено и Вилейки, но тутъ они были встрѣчены грозными встрѣчными и упорными боями, неудачными для нѣмцевъ. Понемногу русскія войска продвигались на западѣ, а у Вилейки, въ штыковомъ бою, взяли 17 орудій и 1.000 плѣнныхъ.

Въ это время главныя силы арміи Эйхгорна ломились отъ Вильны черезъ Ошмяны на востокъ и были задерживаемы на укрѣпленныхъ нашихъ позиціяхъ. Южнѣе, нѣмцы медленно продвигались на востокъ, хотя у Логишина, близъ Пинска, были сильно побиты.

На Волыни и Восточной Галиціи наши дѣйствія были вполнѣ успѣшны. Мы наступали въ раіонѣ Ровно и Дубно (30 офиц. 1.000 плѣнныхъ), взяли Луцкъ, при чемъ взяли 128 офицеровъ и 6 т. плѣнныхъ, у Н.-Олексинца же захватили до 3 т. плѣнныхъ. Въ Галиціи, въ раіонѣ Тарнополя, Теребовля и Тлуса удача была на нашей сторонѣ, несмотря на обнаруженіе наступленія значительныхъ силъ противника.

Общее наступленіе на всемъ нашемъ фронтѣ и у старшихъ и у младшихъ начальниковъ явился, прежде скованный, духъ иниціативы, безъ боязни отвѣтственности.

16—19 сентября. Одинъ остроумный корреспондентъ утверждаетъ, что главной причиной дороговизны продуктовъ въ Россіи является дешевизна совѣсти. Между этими двумя рядами товаровъ существуетъ строгое математическое соотношеніе — обратная пропорція: цѣна продукта, помноженная на цѣну совѣсти—всегда величина постоянная.

Разсказываетъ поучительную исторію. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Перновѣ проживалъ нѣкій капитанъ Вильке, скупавшій въ большомъ количествѣ рыбу у перновскихъ рыбаковъ. Купленную рыбу онъ отправлялъ въ Штеттинъ. Теперь мѣстные рыбаки, которымъ пришлось встрѣтиться съ германманскими военными судами въ Рижскомъ и Перновскомъ заливахъ, разсказываютъ, что видѣли Вильке на одномъ изъ гер-

манскихъ судовъ въ формѣ офицера. Онъ, повидимому, служилъ нѣмцамъ въ качествѣ проводника, прекрасно зная расположеніе трудно проходимыхъ мѣстъ въ заливѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Вильке былъ запасный офицеръ германскаго флота, пребываніе его въ свое время въ Перновѣ было связано съ извѣстными цѣлями.

Разсказывали интересный примѣръ наглой нѣмецкой эксплоатаціи швейныхъ машинъ фирмы Зингеръ. У одного обладателя сего нѣмецкаго издѣлія машины перестали работать. Позвали представителя Зингера, который потребовалъ за исправленіе 75 рублей, а присутствовавшій при этой сценѣ солдатикъ купивъ простой винтикъ, исправилъ машину за 50 коп.

Передаютъ, что плѣнные нѣмцы въ Сибири съ необыкновеннымъ рвеніемъ изучаютъ русскій языкъ и мѣстныя условія. Въ Красноярскѣ нѣмцами раскупленъ весь запасъ учебниковъ русской грамматики. Всякій плѣнный нѣмецъ, представитель той или иной области искусства, науки, промышленности, ремесла, имѣя въ виду международное будущее Германіи, имѣетъ въ виду сражаться въ коммерческой войнѣ, которая въ свое время смѣнитъ политическую.

Подобное явленіе наблюдаютъ и у всѣхъ плѣнныхъ нѣмцевъ, разсѣянныхъ по всей Россіи. Выходитъ, что нѣмецъ, гдѣ и когда бы онъ ни приткнулся въ Россіи, приноситъ Россіи только вредъ.

---

9 сентября во время упорнаго боя на одномъ изъ участковъ арміи наша сестра милосердія Мира Михайловна Иванова, не взирая на уговоры офицеровъ и брата, полкового врача, все время перевязывала подъ сильнымъ ружейнымъ и пулетнымъ огнемъ противника. Видя, что командиръ и офицеры 10-й роты родного полка оказались убитыми, и сознавая важность наступившей рѣшительной минуты боя, Мира Ивановна, собравъ вокругъ себя нижнихъ чиновъ роты, бросилась во главѣ ихъ, опрокинула части послѣдняго и захватила при этомъ непріятельскій окопъ. Къ сожалѣнію, вражеская пуля сразила женщину-героиню. Тяжело раненая Иванова быстро скончалась на мѣстѣ боя, горячо оплакиваемая всѣми чинами полка [1]).

---

[1]) 17 сентября. Обзоръ военныхъ дѣйствій Армейскаго Вѣстника.

Въ послѣднихъ бояхъ во Франціи наши союзники взяли 103 орудія и 25 тыс. плѣнныхъ.

---

20 сентября. Нѣтъ муки и мало булокъ, а въ то же время фирма Башкирова грузитъ у Николаевскаго моста баржи для отправки въ Швецію. Можетъ быть, эта мука пойдетъ изъ Швеціи въ Германію. Вотъ каковы россійскіе патріоты.

Разсказываютъ, что Финляндскій банкъ предполагаетъ довести котировку 200 марокъ за 100 рублей и выдаетъ теперь за сто рублей 235 марокъ.

Все предвѣщаетъ полную измѣну Болгаріи и переходъ ея на сторону нѣмцевъ. Сомнѣнія въ этомъ никакого. Съ этого пути ее можетъ своротить военная сила и ничего болѣе.

Ни дворянство, ни рижское городское управленіе не дало ни одного грошика на снаряженіе латышскихъ бѣженцевъ.

Утверждаютъ, что недавно изъ Германіи въ Болгарію привезены 2 вагона золота.

Повсюду отводятся дворцы для раненыхъ. Невольно является вопросъ, почему нѣмецкая гостиница Асторія не отведена для этой цѣли. Видимо, что у Асторіи существуютъ могучіе покровители.

Приводимъ интересную сценку съ позиціи, приведенную въ „Новомъ Времени“:

„Передъ вторымъ батальономъ на позиціи нѣмцевъ небольшой садъ.

На разсвѣтѣ видимъ, что деревья неистово качаются. А кругомъ тишина.

— Наблюдателя сажаютъ на день,—говоритъ кто-то изъ солдатъ.

Не успѣлъ сказать, какъ съ дерева затрещало ружье-пулеметъ. Пули такъ и посыпались по окопу, влипая въ его тыльную отлогость.

— Эй, Борзенковъ, стаскивай-ка чехолъ съ пулемета. Пущай онъ воздухомъ подышитъ.

— Стрѣлять?

— Ну да!

— А куда?

— Чучело, куда! По деревамъ!

Борзенковъ расправляетъ кости, разминается послѣ тѣснаго блиндажа и идетъ къ пулемету.

Та-та-та... Только гулъ пошелъ.

— По-сы-пались! — кричатъ солдаты, видя, какъ нѣмцы падаютъ съ дерева.

— Турманомъ пошелъ...

— Держись, Фрицъ, за землю.

А Борзенковъ опять надвинулъ чахолъ и полѣзъ въ блиндажъ".

20—25 сентября. Плѣннымъ нѣмцамъ въ Омскѣ необычайно везетъ. Цѣны на продукты тамъ изумительно дешевыя, мясо стоитъ самое лучшее черкасское 10 копѣекъ фунтъ, курица лучшая 25 коп., фунтъ масла 15 к. Нѣмецкіе офицеры выбираютъ изъ своихъ солдатъ поваровъ и вкушаютъ такую пищу, о какой имъ и не снилось въ своемъ фатерландѣ.

Въ Таганрогѣ въ самомъ большомъ металлургическомъ заводѣ на югѣ Россіи исполняются заказы военнаго и морского вѣдомства. Главноуправляющимъ завода состоитъ нѣмецъ Олингеръ. Разслѣдованіе, произведенное по поводу выполненія заказовъ, выяснило, что этотъ господинъ нѣмецъ дѣйствительно сократилъ и весьма значительно заводское производство и не выполнилъ нѣкоторыхъ срочныхъ заказовъ сухопутнаго и морского министерства. За сіе дѣяніе Олингеръ былъ высланъ наказныхъ атаманомъ войска Донского въ Иркутскъ [1]).

Передаютъ, что шведы шлютъ въ Англію много заказовъ

---

[1]) „Бирж. Вѣд.", 21 сентября 1919 г.

консервовъ изъ лососины якобы для Россіи и спокойнымъ образомъ направляютъ ихъ въ Германію.

Разсказываютъ, что во Франціи, во многихъ городахъ, шпіоны: нѣмцы содержали фотографіи и снимали, по особенно дешевымъ цѣнамъ, офицеровъ гарнизона, пересылали эти фотографіи въ Берлинъ, а также снимали и окрестности города и снимки направляли туда же. Шпіоны въ Германіи по карточкамъ знали французскихъ офицеровъ въ лицо. Вѣроятно, то же дѣлалось и въ Россіи. Во время войны петроградскому обывателю понадобилась карточка одной особы, оказалось, что право воспроизведенія принадлежало фотографіи, не помнится какой именно, но помѣщавшейся на солнечной сторонѣ Невскаго, недалеко отъ Конюшенной. Фотографія принадлежала высланному германскому подданному, какъ тогда оказалось, и разрѣшеніе воспроизведенія выдавала какая-то барышня.

Сегодня появилось слѣдующее правительственное сообщеніе:

Россійскому Императорскому посланнику въ Софіи д. с. с. Савинскому поручено сегодня, 20 сентября, передать болгарскому правительству ноту слѣдующаго содержанія:

„Событія, происходящія теперь въ Болгаріи, свидѣтельствуютъ объ окончательномъ рѣшеніи правительства короля Фердинанда отдать судьбу страны въ руки Германіи. Присутствіе германскихъ и австрійскихъ офицеровъ въ военномъ министерствѣ и штабахъ арміи, сосредоточеніе войскъ въ пограничной съ Сербіей области, широкая финансовая помощь, принимаемая софійскимъ кабинетомъ отъ нашихъ враговъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, противъ кого направлены нынѣшнія военныя приготовленія болгарскаго правительства. Державы согласія, принявшія близко къ сердцу обезпеченіе чаяній болгарскаго народа, неоднократно предостерегали г. Радославова, что всякое враждебное дѣйствіе противъ Сербіи будетъ сочтено, какъ направленное и противъ нихъ самихъ. Увѣреніямъ, расточавшимся въ отвѣтъ на эти предупрежденія главою кабинета, противорѣчатъ факты. Представитель Россіи, связанной съ Болгаріей неувядаемой памятью ея освобожденія отъ турецкаго ига, не можетъ оставаться въ странѣ, въ которой готовится братоубійственное нападеніе на союзный славянскій народъ. Императорскій посланникъ получилъ предписаніе по-

кинуть Болгарію со всѣмъ составомъ миссіи и консульствъ, если въ 24-часовой срокъ болгарское правительство не порветъ открыто съ врагами славянства и Россіи и не приметъ мѣръ къ немедленному удаленію изъ арміи офицеровъ государствъ, воюющихъ съ державами согласія".

Изъ Германіи въ Россію пріѣзжаютъ скупщики металлическихъ денегъ по повышенной цѣнѣ. Скупщики уплату производятъ фальшивыми бумажными деньгами.

Греческій премьеръ Венизелосъ вышелъ въ отставку.

Московскому городскому головѣ опять отказано въ его ходатайствѣ въ ликвидаціи общества электрическаго освѣщенія 1886 г.

Какъ сообщаетъ „Рев. В.", по распоряженію властей высылаются изъ предѣловъ края на время военнаго положенія слѣдующія лица евангелическо-лютеранскаго духовенства: пасторъ Александровскаго прихода въ Іоахимсталѣ въ Нарвѣ І. Ялакасъ, іеввскій пасторъ Гессе, эстляндскій суперинтендентъ Леммъ, маріенъ-магдаленскій пасторъ Галлеръ и пасторъ Эбергардтъ. Всѣ высылаемые пасторы нѣмцы, за исключеніемъ Ялакаса.

Поземельный сборъ съ колонистовъ и другихъ лицъ опредѣляется въ смѣтѣ окладныхъ сборовъ на 1916 г. безъ измѣненія въ скромной суммѣ 959 р. 62 к., при чемъ съ сарептскихъ колонистовъ ожидается всего 354 р. 39 к. Количество земли, которой они владѣютъ, равняется 4.343¾ десятины, основной окладъ съ десятины составляетъ всего 7¼ коп. и дополнительный—10%. Въ общемъ, нѣмцы-колонисты за прекрасную землю въ Саратовской губерніи платятъ въ русскую казну меньше, чѣмъ по 10 коп. съ десятины. Впрочемъ, меноніты въ Кубанской области и въ Таврической губ. платятъ еще меньше—отъ 4½ до 5½ коп. (приблизительно). Меноніты владѣютъ 4.717 десятинами. Шотландскіе колонисты Терской

области за свои 2.998 десятинъ вносятъ по $4^1/_2$ к. съ десятины, а владѣльцы армянскихъ хуторовъ Самбекской степи Донской области, за 2.838 дес., по $7^1/_4$ коп.

На дняхъ произошелъ не состоявшійся секвестръ гостиницы Асторіи [1]). Удивительное нѣмцелюбіе къ госпожѣ Асторіи.

Какихъ дивныхъ воителей представляетъ наша доблестная армія. Какая тѣсная связь существуетъ между нашимъ офицеромъ и солдатомъ и что при такомъ единеніи они могутъ сдѣлать. Это ясно видно отъ двухъ приводимыхъ ниже картинокъ [2]) одного корреспондента:

„У халупы, занятой батальоннымъ командиромъ, идетъ разборъ трофеевъ. Нѣмецкіе каски, ружья, карабины, подсумки съ патронами, пулеметныя ленты... Все это набросано въ безпорядкѣ огромной кучей, около которой суетятся, мѣшая другъ другу, нѣсколько молодыхъ солдатъ.

Имъ, видимо, доставляетъ удовольствіе рыться въ этомъ добрѣ. Вытащитъ винтовку и обязательно осмотритъ ее со всѣхъ сторонъ: какой прицѣлъ, какая ложа.

— Ну, и штыкъ, бодай его...

— Запуститъ, такъ не очухаешься.

— А затворъ какой чудной!

— Не какъ нашъ...

— Н-да... Дяденька, какъ она отворяется-то?—неожиданно обращается молодой къ батальонному. Тотъ даже сразу не понялъ, что этотъ вопросъ относится къ нему.

— Чего?

— Какъ, говорю, отворяется-то?

— Да ты съ кѣмъ говоришь?

— Виноватъ, ваше в-іе, запамятовалъ вовсе...

Молодой краснѣетъ до ушей и безпомощно опускаетъ винтовку.

— Дай сюда... Видѣлъ?

— Такъ точно.

— Ну, вотъ такъ и отворяется.

Батальонный ушелъ, и солдаты расхохотались.

---

[1]) „Нов. Вр.“, 25 сентября 1915 г.

[2]) Тамъ же.

— Ай да вятскій... Чего отмочилъ!

— Батальоннаго-то дяденькой!

— Ишь племянникъ какой нашелся.

— Вятскій народъ хватскій...

— Семеро одного не боятся...

— А какъ два напрутъ—вразъ убѣгутъ.

Вятичъ подавленъ.

Но за батальоннымъ уже утвердилось прозвище „дяденька“. Иначе съ тѣхъ поръ его и не зовутъ. Офицеры—въ глаза, а солдаты между собой, въ безконечныхъ разговорахъ у вѣчно кипящаго чайника“.

„Дяденькины роты вышли изъ окоповъ на разсвѣтѣ и залегли впереди своей проволочной сѣти. Ждутъ, пока у нѣмцевъ начнется смятеніе... Оно уже близко. Какъ онъ просилъ вчера, тяжелая батарея громитъ все вправо и влѣво отъ его участка. А здѣсь—ни одного снаряда.

Наконецъ, артиллерійскій наблюдатель передаетъ, что нѣмцы стягиваются вправо.

— Девятая рота готова? Справа взводами... съ Богомъ!

Всѣ батареи обрушиваются на то мѣсто, куда стягиваются нѣмцы.

— Одиннадцатая впередъ...

— Двѣнадцатой равняться по девятой... Съ Богомъ!

Въ началѣ все это видно. Но потомъ картина блекнетъ. Все мелькаетъ, какъ въ калейдоскопѣ, кругомъ гулъ, трескъ и клубы разноцвѣтнаго дыма. Гдѣ-то въ тылу у нѣмцевъ загорѣлась деревня.

Слышно „ура“.

Не такое, какъ всегда—сначала тихо, потомъ разростаясь, все громче и громче. А какъ-то сразу—громкое, оглушительное. Сквозь этотъ крикъ гдѣ-то коротко брызнулъ пулеметъ, но и онъ потонулъ въ густыхъ перекатахъ этого страшнаго крика.

— Смотрите, смотрите—сумасшедшій!

— Кто?

— Да дяденька вашъ.

— А что?

Смотрю въ трубу и не вѣрю глазамъ...

Отчетливо видно, какъ бѣжитъ наша цѣпь... Многіе падаютъ, кое-кто снова встаетъ и бѣжитъ впередъ, кое-кто тянется на-

задъ... Раненые... За цѣпью поддержки, а за ними десятая рота—резервъ и при ней „дяденька“—верхомъ.

— Спятилъ человѣкъ... Въ атаку верхомъ...

— Всѣ на шрапнель!—увлекаясь, кричитъ по телефону начальникъ артиллерійскаго участка.

— А что?

— Нѣмцы уходятъ...

На прежней позиціи развернутъ перевязочный пунктъ. Сюда, на флагъ Краснаго Креста, и ползутъ раненые осколками, пулями, штыками.

— Какой роты?

— Десятой...

— Батальонный съ вами былъ?

— Съ нами...

— Гдѣ онъ сейчасъ?

— Тамъ... впереди...

— Живъ?

— Слава Богу... Какъ и уцѣлѣлъ, не знаю... Все время, какъ изъ окоповъ вышли, верхомъ такъ и ѣхалъ при нашей ротѣ, и Жукъ (собака) около.

— Легко взяли?—спрашиваетъ санитаръ, принимаясь за перевязку.

— Позицію-то? Ничего... Нешто съ такимъ трудно? Онъ одинъ что хошь везьметъ“...

26—30 сентября. Газета „День“ указываетъ на нѣмецкую христоматію, вышедшую, передъ войной, въ Берлинѣ шестымъ изданіемъ и рекомендованную учебнымъ комитетомъ народнаго просвѣщенія для нашихъ гимназій. Интересное стихотвореніе и рисунокъ, помѣщенные на стр. 165 этой христоматіи:

„На картинкѣ изображенъ скачущій на бѣлой лошади старый нѣмецкій генералъ. Плащъ его развѣвается, въ рукѣ обнаженная сабля. За нимъ бѣшено мчатся кавалеристы... Называется стихотвореніе: „Блюхеръ на Рейнѣ“.

Войска остановились у Рейна:
Идти ли впередъ на Францію?
Нѣкоторые колеблются и сомнѣваются.
Но старый Блюхеръ кричитъ:
— Карту сюда!
Идти на Францію не составляетъ труда.
Гдѣ стоитъ врагъ?
— „Врагъ?—вотъ онъ!“

— Поставь тутъ палецъ.
Тутъ мы разобьемъ его!
А гдѣ Парижъ?
„Парижъ?—вотъ онъ!“
— Палецъ сюда! Мы возьмемъ его!
Стройте мосты черезъ Рейнъ!
Я думаю, что шампанское всего вкуснѣе тамъ,
Гдѣ его выдѣлываютъ“.

Бѣдные наши гимназисты: вотъ какъ патріотично воспитываютъ ихъ господа нѣмцелюбы.

Тяжело писать о подлостяхъ болгаръ. Какъ отдѣлить Болгарію отъ Фердинанда и Радославова. Теперь они почти всѣ Фердинанды и Радославовы. По Сенькѣ и шапка. Голосовъ и фигуръ иного вѣянія въ Болгаріи мы и не видимъ и не слышимъ.

Въ рядахъ нашей доблестной арміи мы видимъ достойнѣйшихъ и заслуживающихъ полнаго уваженія болгаръ, но это люди, немало времени какъ уже покинувшіе свою страну.

Въ рядахъ нашей арміи служитъ герой-полководецъ, ставшій кумиромъ нашихъ офицеровъ, солдатъ и нашего крестьянина, а также и болгарскіе офицеры, но число ихъ далеко не велико, какъ это надлежало бы быть, по тому, что сдѣлала Россія для Болгаріи.

Одинъ извѣстный политическій дѣятель увѣрялъ меня, что послѣ войны болгары начнутъ стонать и вопить, что мы, болгары, нисколько не виноваты въ позорныхъ дѣяніяхъ противъ Россіи, а все это надѣлали Фердинандъ и Радославовъ, и русскіе простятъ Болгаріи.

Очень интересна корреспонденція г. Трофимова [1]) о гуманности нѣмецкаго медицинскаго персонала по наблюденію нашей сестры милосердія:

— „Что я могу сказать о нѣмецкихъ врачахъ и сестрахъ милосердія?—переспросила меня сестра милосердія, только-что прибывшая изъ Новогеоргіевска,—я наблюдала тѣхъ и другихъ

---

[1]) „Бирж. Вѣд.“, 27 сентября 1915 г.

въ теченіе сорока-пятидневнаго нашего плѣна и вынесла отрицательное впечатлѣніе. Черствые люди-автоматы, не имѣющіе самаго элементарнаго представленія о чувствѣ гуманности.

Ту же жестокость, которую эти „медики“ высказывали по отношенію насъ, русскихъ, проявляли они и по отношенію своихъ нѣмцевъ.

Старикъ нѣмецъ-врачъ громко негодовалъ на санитаровъ, приносившихъ ему съ поля битвы „негодный матеріалъ“, т.-е. тяжело раненыхъ.

— Строго приказываю вамъ,—кричалъ гуманный медикъ,—быть осмотрительнѣе, не тащить ко мнѣ перваго попавшагося подъ руку! У меня и такъ дѣла по горло съ тѣми, кто можетъ еще встать на ноги для защиты отечества.

Естественно, что послѣ такого строгаго распоряженія нѣмецкіе санитары оставляли на кровавыхъ поляхъ всѣхъ тяжело раненыхъ.

Во время перевязокъ нѣмецкія сестры милосердія,—а мы привыкли считать нѣмокъ чувствительно-сантиментальными,—проявляли удивительную жестокость; онѣ не считались ни съ состояніемъ раны, ни съ физической болью; повязки срывали безъ всякой осторожности; съ ранеными обращались грубо; кричали и готовы были порой пустить въ ходъ кулаки, но, видимо, ихъ удерживало наше присутствіе.

Надъ нами гуманныя нѣмки громко смѣялись, что мы „носимся со вшивымъ мужикомъ, какъ съ фарфоровой куклой“. Къ намъ въ госпиталь доставляли раненыхъ нѣмцевъ; мы не смотрѣли на нихъ, какъ на враговъ, а видѣли людей, нуждающихся въ нашей помощи, и относились къ нимъ съ полнымъ вниманіемъ; если же русскій случайно попадалъ въ руки нѣмецкихъ сестеръ милосердія, онѣ или совершенно не оказывали помощи, или дѣлали такъ небрежно, что ухудшали положеніе раненаго, при этомъ строго соблюдая очередь: впередъ всѣ нѣмцы, независимо отъ серьезности пораненія, а затѣмъ уже „русскія вшивыя свиньи“.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣмецкихъ врачей и ихъ помощницъ иначе, какъ убійцами, и назвать нельзя: небрежность при перевязкѣ или операціи, запоздалая помощь, нерѣдко запоздалая сознательно,—вызывали у раненаго зараженіе крови.

Одинъ нѣмецъ-врачъ ходилъ всегда съ палкой, которой онъ работалъ чаще, чѣмъ ланцетомъ; палка гуляла по спинѣ раненыхъ и больныхъ. Замахивался онъ палкой и на насъ—русскихъ сестеръ милосердія. Сестру Вѣру Маркову этотъ врачъ

чуть не избилъ за то, что засталъ ее въ холерномъ баракѣ, куда она пришла для оказанія помощи больному холерой нѣмцу; онъ грозилъ отдать ее подъ судъ, а въ концѣ концовъ кончилъ тѣмъ, что заперъ ее въ холерномъ помѣщеніи вмѣстѣ съ больными, куда приказалъ доставлять ей и обѣдъ, т.-е. явно преслѣдуя цѣль, чтобы она заразилась.

Одинъ нѣмецкій медикъ разсказывалъ о принятыхъ имъ мѣрахъ противъ распространенія холеры.

Въ какомъ-то домикѣ жила семья, состоявшая изъ девяти душъ; двое заболѣло холерой; „гуманный“ врачъ приказалъ оцѣпить домъ и никого изъ него не выпускать, чтобы не распространять заразы; вскорѣ заболѣли и остальные семь, а затѣмъ всѣ умерли; очагъ заразы, домикъ, вмѣстѣ съ трупами былъ преданъ сожженію.

Мы содрогались отъ ужаса, слушая подробности совершеннаго злодѣянія, а нѣмецкія сестры милосердія находили это раціональной мѣрой борьбы противъ распространенія холеры. Много, много непріятностей вынесли и мы, и наши раненые отъ ничѣмъ не вызванной жестокости нѣмецкаго медицинскаго персонала; нѣкоторые, если такъ можно выразиться, прстоо озорничали. Напримѣръ, въ палату больныхъ входили, не отряхнувъ грязи съ сапогъ. Когда мы указывали „медикамъ“ на это, они громко смѣялись:

— Вамъ дѣлать нельзя, а намъ можно.

У нѣмецкихъ властей, завѣдующихъ нашимъ госпиталемъ, мы не могли допроситься ни подстилокъ, ни одѣялъ, ни подушекъ; холерныхъ больныхъ приходилось переносить иногда по городу на простыхъ носилкахъ.

Но тѣ же власти, приходя въ нашъ госпиталь, громко смѣялись:

— Вотъ такъ русскій госпиталь. Вотъ такъ сестры милосердія!

Я убѣдилась своими глазами, что всѣ разсказы о жестокости нѣмецкаго медицинскаго персонала—не вымыселъ досужей фантазіи... Увы! Это горькая правда. Нѣмецкіе врачи и сестры милосердія—не друзья человѣчества, а скорѣе его палачи.

Высоко интересенъ конецъ отвѣта болгарскаго правительства на наше правительственное сообщеніе:

(Болгаріи). „Ей остается съ сокрушеннымъ сердцемъ искренно пожалѣть, что положенныя до сихъ поръ болгарскимъ народомъ и правительствомъ усилія къ тѣсному единенію съ братской Россіей рушатся не по ея почину и иниціативѣ“.

Трудно себѣ представить большей наглости, чѣмъ эти слова. Даже знаменитый „клочекъ бумаги“ блѣднѣетъ передъ ними. Вотъ какое воспитаніе беззастѣнчивости, наглости и лжи привила и всосала въ кровь своимъ приснымъ союзникамъ германская этика. Далѣе идти трудно.

Вотъ характерная картинка [1]), какъ наши доблестные артиллеристы берегутъ подбитое орудіе:

„Подскакалъ ординарецъ съ приказомъ командира батареи бросить орудіе и на галопѣ догонять передку батарею.

Сняли инвалида, бросили, а Д. все около него вертится.

— Ну, садись скорѣй на передокъ,—крикнулъ Д. ординарецъ

— Нѣтъ, братцы, поѣзжайте, а я со своей пушкой останусь.—А у самого слезы.

Начали было его уговаривать.

— Не пойду, съ пушкой останусь,—твердитъ.

Не уговорили, такъ и остался, да не одинъ остался, съ нимъ и „правильный“.

Уѣхалъ передокъ, скатили они съ разбитаго лафета тѣло орудія, начали яму копать, чтобы зарыть.

А тутъ казакъ проѣзжаетъ съ лошадью въ поводу.

— Садись, ребята, да утекай, нѣмецъ уже въ нашихъ окопахъ, за пять минутъ сюда дозоръ вышлетъ.

Принялъ Д. лошадь. Но не утекли храбрецы, а привязали къ стременамъ веревки, которыми обвязали тѣло орудія и поволокли.

Волокли не по дорогѣ, а прямо рощей.

Богъ ихъ на этотъ разъ хранилъ.

Измученные и усталые, добрались они до ближайшей деревни, розыскали тамъ брошенную фурманку, взвалили на нее тѣло орудія и благополучно доставили сначала въ одинъ изъ полковъ, а потомъ и въ батарею.

Тѣло орудія оказалось въ исправности, положили его на запасный лафетъ, и снова Д. стрѣляетъ изъ спасенной имъ пушки, которая ему, пожалуй, дороже родного сына и уже, конечно, собственной жизни“.

Во Франціи уже обращено особое вниманіе на то, что одна

[1]) „Нов. Вр.“ 28 сентября 1915 г.

изъ видныхъ формъ нѣмецкаго шпіонажа есть внѣдреніе въ семейства французскихъ военныхъ и политическихъ дѣятелей боннъ изъ нѣмокъ, за самую умѣренную плату. Не мѣшало бы и нашимъ инымъ семьямъ о томъ поразмыслить.

Многіе наши военные и политическіе дѣятели и ихъ потомки возвращаютъ болгарскіе ордена.

Еще новая форма германской подлости—это учрежденіе въ Стокгольмѣ германскимъ правительствомъ агентуры для разсылки памфлетовъ подданнымъ и миссіямъ державъ четверного согласія.

Сущность этихъ памфлетовъ и теперь совершенно ясна—ложь, инсинуаціи, грязь, уснащенныя самымъ гнуснымъ ядомъ.

Конфетчикъ Абрикосовъ продаетъ шоколадъ съ оберткой, гдѣ изображено, какъ цеппелинъ взрываетъ флотъ. На приложеной картинкѣ нѣмецкая надпись, а на цеппелинѣ надпись: Zeppelin 6.

Трудно объяснить, какъ это произошло, по глупости или по чему-либо другому?

Отдѣлъ торговли сообщилъ центральному военно-промышленному комитету списокъ семи фирмъ, торгующихъ въ нейтральныхъ государствахъ русскими товарами съ Германіей [1]).

Баржа съ мукой (35 т. пудовъ) хлѣбопека Шмидта, слѣдующая изъ приладожскихъ каналовъ, задержана въ Шлиссельбургѣ по распоряженію хозяина въ виду боязни реквизіи, въ то время, когда въ Петроградѣ на счету каждый фунтъ муки.

Припасы въ Петроградъ прибываютъ; ихъ кто-то распредѣляетъ, но пользы населенію отъ этого мало. Говорятъ, что за предоставленіе внѣ очереди вагоновъ мѣстными предержащими взимается изрядная сумма.

---

[1]) „Нов. Вр.“ 29 сентября 1915 г.

Помѣщаемъ интересную корреспонденцію изъ Риги [1]).

„Въ столицѣ новой Германіи творится что-то неладное. До сихъ поръ въ ней было тихо, смирно, и вдругъ тревога. Это произошло почти неожиданно, точно по улицамъ умирающаго города пробѣжала большая черная кошка. И странно, когда германскія войска стояли подъ стѣнами города, въ немъ не чувствовалось такой тревоги, какъ теперь. Въ извѣстныхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ стали покупать разнаго рода успокаивающія средства, и даже было два смертныхъ случая. Врачи констатировали смерть отъ разрыва сердца.

„Что такое стало съ нашими лояльными нѣмцами?“—тревожно размышлялъ я.

Въ одно прекрасное утро, по совѣту латышей, я вышелъ на набережную Двины.

Рѣка перекатывала свои сѣроватыя волны—искрилась на солнцѣ. Въ садахъ и скверахъ благоухали цвѣты, а на расчищенныхъ дорожкахъ весело чирикали воробьи.

Пройдя нѣсколько шаговъ, я замѣтилъ разряженную толпу горожанъ, которые, несмотря на ранній часъ, смѣло разгуливали у берега.

Нѣмецкій шопотъ носился надъ толпой. Раньше они гуляли въ своемъ районѣ, который былъ застрахованъ чуть ли не самимъ Вильгельмомъ отъ всякихъ воздушныхъ непріятностей.

Я уже хотѣлъ было уйти, такъ какъ мнѣ непріятно смотрѣть на нервныя ощетинившіяся лица лояльныхъ горожанъ, которые просто вышли подышать свѣжимъ воздухомъ, какъ вдругъ до моего слуха долетѣли громыхающіе звуки далекой канонады, которые постепенно стали расти.

Я насторожился. Теперь уже была ясно слышна рокочущая канонада тяжелыхъ орудій. Стекла въ окнахъ задребезжали, а въ барабанныя перепонки кто-то началъ колотить тупымъ молоткомъ. Сердце радостно сжималось, и мнѣ хотѣлось вѣрить, что это гудитъ побѣдно наша артиллерія.

— Когда же, наконецъ...—неожиданно раздался сдавленный нетерпѣніемъ и неподдѣльнымъ горемъ чей-то возгласъ.

Я посмотрѣлъ въ сторону. Сбоку меня стояла небольшая группа нѣмцевъ. Они съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ гулу орудій, точно старались узнать по звуку, какъ далеко находятся ихъ крупповскія игрушки.

Они нервничали. Боже мой, сколько было злобы и ненависти

---

[1]) „Веч. Вр.“ 20 сентября 1915 г.

написано на ихъ бритыхъ лицахъ. Сѣрые кошачьи глаза тревожно впивались въ синѣвшій горизонтъ запада. Мнѣ никогда не приходилось видѣть такихъ колющихъ, непріятныхъ взглядовъ.

Въ этотъ день я понялъ, почему такъ взволновались наши горожане. Истомилось ихъ сердце отъ ожиданія. Имъ даже трудно скрыть свою глухую ненависть ко всему русскому.

Нѣмцы ушли въ свои таинственныя конуры, которыя закрыты желѣзными засовами.

Иду въ городъ. По дорогѣ встрѣчаю знакомаго латыша.

Проходимъ мимо памятника Петра Великаго, гдѣ остался одинъ гранитный пьедесталъ.

Мнѣ плѣнный нѣмецъ разсказывалъ, что въ Берлинѣ уже заготовлена бронзовая статуя, которая будетъ торжественно поставлена на мѣсто Цетра Великаго, какъ только нѣмцы возьмутъ городъ. Сюжетъ покамѣстъ держится въ строжайшемъ секретѣ.

Идемъ дальше. Мой спутникъ предлагаетъ мнѣ заглянуть во „Дворецъ Рыцарей“, одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій. Кстати, тамъ же находится комитетъ для оказанія помощи бѣженцамъ. Послѣ долгихъ поисковъ подходимъ къ огромному мрачному зданію. Тщетно ищемъ на дверяхъ и на стѣнахъ дворца какой-нибудь надписи, которая бы указывала, что здѣсь оказываютъ помощь бѣженцамъ“.

Сегодня, 30 сентября, 50-лѣтіе литературной дѣятельности нашего современнаго златоуста, Анатолія Ѳедоровича Кони.

Рекомендуемъ нашимъ читателямъ статью о дѣятельности это необыкновеннаго человѣка, помѣщенную въ вышедшей сего числа октябрьской книжкѣ „Русской Старины“.

Наши сестры милосердія, попавшія въ плѣнъ подъ Новогеоргіевскомъ и нынѣ освобожденныя, разсказывали дословно, въ какомъ положеній онѣ видѣли въ Германіи нашихъ плѣнныхъ.

По дорогѣ намъ удалось видѣть, какъ наши плѣнные не только обрабатывали на себѣ, вмѣсто лошадей, поля, но и катали на станціяхъ вагоны съ грузомъ. Видъ у нихъ былъ страшно измученный. При видѣ насъ они оживлялись и кричали намъ, чтобы мы передали Россіи, что они все вытерпятъ,

лишь бы разбиты были нѣмцы. За эти столь недоброжелательныя для нѣмцевъ пожеланія конвойные били нашихъ солдатъ прикладами и палками.

Конечно, при предстоящей на Балканскомъ полуостровѣ войнѣ, какъ мы уже сказали въ нашемъ обозрѣніи 3 сентября полууспѣхъ будетъ сопутствовать австро-германцамъ въ смыслѣ занятія территоріи, быть можетъ и въ значительной степени, но въ главномъ, по возможности, пораженіи сербской арміи мы положительно не вѣримъ, при чемъ на сторонѣ Германіи представляются двѣ отрицательныя данныя. Первая—это возможность съ *полнымъ обиліемъ* снабжать болгарскую армію боевыми запасами,—потому что врядъ ли Германія на это рискнетъ, да и врядъ ли она можетъ это сдѣлать. Второе — это чрезувеличенный разсчетъ на людской составъ турецкой арміи. Дѣйствительно Турція не имѣетъ такъ много людского запаса, какъ о томъ кричитъ Германія. Запасы людей у турокъ такъ же истощены, какъ и въ Германіи, и громадныя турецкія арміи—это утки германскихъ бряцателей оружіемъ. Если бы у Турціи были значительныя силы людей, то она послала бы ихъ въ больныя мѣста на Кавказѣ и въ Месопотаміи, а самое главное вышвырнула бы союзниковъ съ самаго наибольнѣйшаго мѣста Турціи изъ Дарданеллъ. Турція этого не сдѣлала потому, что для сего у ней нѣтъ людей.

Военныя дѣйствія на нашемъ западномъ фронтѣ съ 16-го включительно по 30-е сентября были, въ общемъ, для насъ успѣшны. Наступленіе непріятеля было остановлено, мы перешли, на разныхъ участкахъ нашего фронта, къ наступательнымъ дѣйствіямъ и совершенно ликвидировали прорывъ германской конницы къ сѣверу отъ Молодечно. Наша артиллерія поражала непріятеля усиленнымъ огнемъ.

Въ подробностяхъ, по раіонамъ, положеніе дѣлъ происходило такъ. На Рижскомъ раіонѣ всѣ наступательныя попытки противника отъ залива до Якобштадта потерпѣли полную неудачу, а съ 25-го сентября лѣвый флангъ германцевъ подвергся со стороны Рижскаго залива сильному огню нашего флота: ихъ батареи и окопы по берегу были разметаны нашимъ огнемъ съ судовъ.

Къ западу и сѣверо-западу отъ Двинска въ ожесточенныхъ

бояхъ у оз. Свенценъ, Горбуновки и Пошилиной германцы имѣли частный успѣхъ, занявъ часть нашихъ окоповъ; 29 сентября штыковымъ боемъ они были выбиты изъ Горбуновки и бѣжали; съ этого же числа мы овладѣли укрѣпленной позиціей къ югу отъ Двинска между оз. Медмусское и Ладуссъ Гей. Къ югу отъ Двинска въ дефиле озеръ Деменъ Дрисвяты, Оболе, Богинское, Нарочъ, Вишневское мы продвигались на западъ, и поддерживаемые сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ выбивали противника штыками изъ его укрѣпленныхъ позицій. Попытки германцевъ 24, 25 и 26 сентября перейти здѣсь въ наступленіе успѣха противнику не доставили. На югѣ отъ озеръ только 16 сентября у Крево германцы имѣли успѣхъ. Упорные бои къ югу и сѣверу отъ Сморгони были благопріятны для насъ. 24, 25 и 26 германцы вели упорные бои отъ Лиды до Молодечно, но успѣха не достигли. Въ центрѣ, за исключеніемъ небольшихъ дѣлъ, было спокойно.

Въ Волыни противникъ велъ съ перемѣннымъ успѣхомъ наступленіе, въ превосходныхъ силахъ отъ Ковеля по направленію на Сарны, и отъ Луцка на Ровно и Дубно. Тутъ происходили бои въ окрестностяхъ Чарторійска, Рафаловки, Колки, Клевани. Мы вели энергичныя контръ-атаки, захватывали плѣнныхъ и впередъ противника не пропускали.

Въ Галиціи у Тарнополя и Трембовля и Пугача переходили частями въ наступленіе и, наконецъ, 30 сентября у Гай Воронки, западнѣе Трембовля, прорвали расположеніе противника и прогнали его за р. Стрыпу, захвативъ 4 орудія, 60 офицеровъ и 2 тыс. плѣнныхъ. Вотъ каковы были успѣхи новаго Верховнаго командованія.

На Кавказѣ были успѣшныя стычки съ турками, а черноморскій флотъ у Зунгулака разрушилъ угольныя постройки у Зунгулака. Духъ нашихъ войскъ получилъ новый подъемъ въ успѣшныхъ бояхъ съ германцами, и въ особенности въ жаркихъ, успѣшныхъ, рукопашныхъ схваткахъ.

В. П.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 15-го августа по 5-е сентября 1915 г.

Отчетъ по Кавказскому музею и Тифлисской публичной библіотекѣ за 1913 годъ. Извѣстія Кавказскаго Музея, издаваемыя подъ ред. Ю. Н. Воронова и Ф. А. Зайцева. Томъ IX, вып. I. Тифлисъ. 1915. Тип. Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. 8о (17×24). 44+76 стр. Вѣсъ 16 л. 500 экз.

Павловскій, Вл. Гав. Очерки изъ современной западной и русской исторіи педагогики. Дополнительный курсъ по исторіи педагогики для учительскихъ семинарій. Кутаисъ. 1915. Тип. О-ва распростр. грамотности. 8⁰ (18×23). 64 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 8 л. 500 экз.

Памятная книжка Архангельской губерніи на 1915 годъ. Подъ ред. Н. А. Голубцова, Архангельскъ. 1915. Изд. Арханг. статист. комитета. Тип. Губернская. 8⁰ (18×26) VI+11+59 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 10 л 275 экз.

Петровъ, Н. Черниговское церковное зодчество. XI—XII вв. Черниговъ. 1915. Тип. Епархіальная. 8⁰ (15×22). 52 стр. Вѣсъ 6 л. 50 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Учебникъ русской исторіи для средней школы. ПГ. 1915. Изд. 6-е, пересм. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (16×22). 493 стр.+8 карт. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 20.000 экз.

Покровскій, В. Историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей. Вып. V. М. 1915. Изд. 2-е, доп. Тип. Г. Лисснеръ и Д. Собко (Крестовоздвиж. пер., 9). 8⁰ (15×22). 511 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 600 экз.

Рабиновичъ, А. С. и Савинкова, В. Н. Справочный указатель по программѣ изданія „Московскій Столичный Мировой Съѣздъ за 50 лѣтъ“. М. 1915. Тип. и. ф. Печатное Искусство (Армянскій пер., 6). 8⁰ (15×23). 47 стр. Вѣсъ 8 л. 130 экз.

Савельевъ, Е. П. Древняя исторія казачества. (Историческое изслѣдованіе). Часть I-я. Вып. 3-й. Новочеркасскъ. 1915. Тип. Донской Печатникъ. 8⁰ (19×28). 121—184 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Свѣтлаковъ, А. А. и Грушинъ, Н. С. Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ. Біографія. Веневитиновъ, какъ поэтъ и критикъ М. 1915. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8⁰ (17×22). 37 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 400 экз.

Шаховская, Н. Д. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вѣка. (Св. Сергій и его хозяйство). (Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ, подъ общей ред. В. Я. Уланова). М. 1915. Изд. и Тип. К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ. 16⁰ (14×18). 130 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Шумигорскій, Е. С. Тѣни минувшаго. Историческіе повѣсти и разсказы. ПГ. 1915. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ, пер., 13). 8° (15×21). 250 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 26 л. 3.000 экз.

Энциклопедическій словарь Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева. Томъ 32. Персія-Поляне. М. 1915. Изд. 7-е, перераб., Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ (Тверской б., 15). Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Путинковскій, с. д.). 8° (17×24). 671 стр. Съ рис. Ц. 3 р. 30 к. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 8.500 экз.

Бобровъ, А. Творчество Леонида Андреева. Черниговъ. 1913. Изд. Братства св. Михаила кн. Черниговск. Тип. Губ. Правленія. 8° (17×25). 43 стр. Вѣсъ 5 л.

В. А. А. Русско-турецкая война 1877—78 г.г. Очерки и эпизоды, заимствованные изъ достовѣрныхъ источниковъ М. 1915. Изд. Е. Коноваловой и К°. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (14×19). 192 стр. Вѣсъ 12 л. 12.000 экз.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ. Собраніе сочиненій. Томъ пятый. Италія и возрожденіе (1893). Боккаччіо, его среда и сверстники. Томъ первый. ПГ. 1915. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., 12). 8° (17×26). XIII+658 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 20 л. 1.510 экз.

Византійскій временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ. Подъ ред. В. Э. Регеля. Томъ XIX (1912) ПГ. 1915. Тип. Имп. Акад. Наукъ, (В. Остр. 9 лин., 12). 8° (19×28). IV+322+651 стр. Вѣсъ 2 ф 11 л. 515 экз.

Извѣстія Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Подъ ред. А. Ф. Ляйстера. Томъ XXIII, № 1-й. Тифлисъ. 1915. Тип. К. Н. Козловскаго (Головинскій пр., 12). 8° (16×23). 116 стр. Съ рис.+11 табл. Вѣсъ 14 л. 700 экз.

Ильинскій, Г. А. Охридскіе глаголическіе листки. Отрывокъ древне-церковно-славянскаго евангелія XI в. ПГ. 1915. Изд. Отд. рус. яз. и словес. Имп. Акад. Наукъ. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (20×26). 31 стр. Съ рис. Ц 60 к. Вѣсъ 8 л. 615 экз.

Кобловъ, Н. П. Сборникъ постановленій Орловскаго губернскаго земскаго собранія за 47 лѣтъ (1866—1912). Томъ I. Народное образованіе. Орелъ. 1914. Тип. В. С. Зайцева. 8° (18×26). III+261 стр. +1 табл. Ц. 1 р 25 к. Вѣсъ 1 ф. 1.000 экз.

Кто такіе меннониты? Краткій историческій очеркъ. Гальбштадъ. 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. и тип. т-ва Радуга. 8° (17×25) 77 стр. Вѣсъ 12 л. 1.200 экз.

Ленцъ, Э. Императорскій Эрмитажъ. Краткій путеводитель по собранію оружія въ отдѣленіи среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія. ПГ. 1915. Тип. К. Маттисенъ (Юрьевъ). 8° (14×21). 95 стр. Вѣсъ 10 л. 1.000 экз.

Магнитскій, В., прот. Приходскіе и соборные храмы на Руси и ихъ церковно-историческое значеніе. Черниговъ. 1913. Тип. Губ. Правленія. 8° (17×25) 78 стр. Вѣсъ 8 л.

Розановъ, Ив. Кн. Вяземскій и Пушкинъ. („Бесѣды“. Сборникъ Об-ва исторіи литературы въ Москвѣ. 1, стр. 57—76). М. 1915. Тип. Пе-

чатня А. И. Снегиревой (Остоженка, Савеловскій). 8о (17×24). 20 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Сергіевскій, Н. Н. Августѣйшій поэтъ К. Р. ПГ. 1915. Изд. Журн. „Наша старина". Тип. Сельскій Вѣстникъ (Мойка, 32). 8о (16×24). 49 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Филипповъ, Владиміръ. Мольеръ въ Россіи XVIII вѣка (библіографическая справка). („Бесѣды". Сборникъ об-ва исторіи литературы въ Москвѣ. 1, стр. 110 — 143). М. 1915. Тип. Печатня А. И. Снегиревой (Остоженка, Савеловскій пер.). 8о (17×24). 34 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Шестериковъ, П. С. Постановка библіотечнаго дѣла въ университетскихъ и нѣкоторыхъ другихъ библіотекахъ Россіи. Одесса. 1915. Тип. Б. Сапожникова (ул. Жуковскаго, 12). 8о (19×29) 261 стр. съ 2 портр.+ 1 табл. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 300 экз.

Яхонтовъ, Александръ. Древлехранилище Симбирскаго Епархіальнаго, Церковнаго, Археологическаго общества. Краткое описаніе и перечень церковныхъ древностей, поступившихъ въ 1914 году. Симбирскъ. 1915. Тип. А. Т. Токарева. 8о (17×26). 35 стр. съ рис. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Бартъ, А. Царьградъ и его окрестности. Историко-художественное описаніе. Съ французскаго перевелъ Н. М. Лаговъ. Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ. ПГ. 1915. Изд. и тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 16о (12×18). 248 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

Благовѣщенскій, Аполлосъ. Степанычъ-Старичекъ. Біографическій очеркъ сельскаго дьячка 40—60 годовъ. М. 1916. Изд. 6-е, А. Д. Ступина (Никольская, рядомъ съ Ремесленной Управой). Тип. Т ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный, пр., с. д.). 16о (13×17). 72 стр. съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 5.000 экз.

Бобровъ, Сергѣй. Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. Трехдольный паузникъ у Пушкина. Разборъ статьи В. Я. Брюсова о техникѣ Пушкина. Добавленія. Объяснительныя примѣчанія М. 1915. Изд. из-ва Мугазетъ. Тип. Синодальная. 8о (18×24). 38 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 7 л. 550 экз.

Веретенниковъ, В. И. Очерки исторіи генералъ-прокуратуры въ Россіи до-Екатерининскаго времени. Харьковъ. 1915. Тип. А. Дарре. (Московская, 19). 8о (18×26). VI + 405 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 500 экз.

Военскій, К. А. Изъ рѣдкостей моего книгохранилища. Платокъ англійской работы, 1813 г., отпечатанный въ краскахъ, съ изображеніемъ сатирическихъ картинъ изъ политической жизни Наполеона I. ПГ. 1915. Тип. П. Б. Сойкина (Стремянная, 12). 4о (23×29). 6 стр. съ 1 рис. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Волоколамскій Патерикъ. Московскіе Высшіе Женскіе Курсы. Семинарій по древне-русской литературѣ. Вып. 5-й. Сергіевъ Посадъ. 1915 Тип. И. Иванова. 8о (17×24). 24 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Зелинскій, В. Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Часть I. Біографическія свѣдѣнія о Ѳ. М. Достоевскомъ. Общая характеристика литературной дѣятельности. Критика „Бѣдныхъ людей". Критическіе разборы повѣстей и. разсказовъ. М. 1915. Изд. 5-е. Тип. Вильде (Брестскій, 2). 8о (16×24). 5 нен.+ 583 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 1.200 экз.

Исторія нашего времени (современная культура и ея проблемы). Подъ ред. профессоровъ М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. двадцать восьмой. ПГ. 1915. Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Тип. М-ва Путей Сообщенія (И. Н. Кушнеревъ и К°). 8° (19×27). 81—160 стр. Вѣсъ 17 л. 3.200 экз.

Исторія нашего времени (современная культура и ея проблемы). Подъ ред. профессоровъ М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. двадцать девятый. ПГ. 1915. Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Тип. М-ва Путей Сообщенія (И. Н. Кушнеревъ и К°). 8° (19×27). 161—254 стр. Вѣсъ 20 л. 3.200 экз.

Карпинскій, К., свящ. О крестовыхъ попахъ въ Малороссійскихъ епархіяхъ. Черниговъ. 1913. Тип. губ. правленія. 8° (17×25). 17 стр. Вѣсъ 2 л.

Касаткина, Елена. Частушки, собранныя во Владимірской и Костромской губерніяхъ. Владиміръ. 1915. Тип. губ. правленія. 8° (18×25 16 стр. Вѣсъ 3 л. 40 экз.

Каталогъ картинной галлереи. Отдѣленіе изящныхъ искусствъ. Императорскій Московскій и Румянцевскій музей. М. 1915. Тип. т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. пр., с. д.). 8° (14×21). 293 стр. съ рис. Вѣсъ 28 л. 10.000 экз.

Кіевскіе высшіе вечерніе женскіе курсы, учрежденные А. В. Жекулиной, съ двумя факультетами: 1) историко-литературнымъ и 2) педагогическимъ. Кіевъ. 1915. Тип. Акц. об-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 8° (15×24). 10 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Книжныя преданія о начальныхъ временахъ Руси. Московскіе Высшіе Женскіе Курсы. Семинарій по древнерусской литературѣ. Вып. 7. 1Сергіевъ Посадъ. 1915. Тип. И. Иванова. 8° (16×24). 30 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Лукомскій, В. К. и баронъ Н. А. Типольтъ. Русская геральдика. Руководство къ составленію и описанію гербовъ. ПГ. 1915. Изд. Импер. Общ. Поощр. Художествъ. Тип. Сенатская. 4° (26×32). 51 стр.+ XX табл. рис. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 1.200 экз.

Магнитскій, В., прот. Іеромонахъ Платонъ (Левшинъ), впослѣдствіи митрополитъ московскій, какъ законоучитель Цесаревича Павла Петровича. Черниговъ. 1913. Тип. Губ. правленія. 8° (17×25). 22 стр. Вѣсъ 3 л.

Модзалевскій, В. Л. Судьба малороссійскихъ пушкарей. (Оттискъ изъ XI вып. Трудовъ Черниговской Губернской Ученой Архивной Комиссіи). Черниговъ. 1915. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17×25). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Народные заговоры и гаданіе. М. 1915. Тип. П. В. Вѣльцова (Чистопрудный проѣздъ, д. 14). 8° (17×24). 32 стр. Вѣсъ 2 л. 3.500 экз.

Нуссбаумъ, И. Избранныя страницы русской литературной критики. Вып. II. Главнѣйшія направленія въ художественной литературѣ: Ложноклассицизмъ. Сентиментализмъ. Романтизмъ. Байронизмъ. Реализмъ. Русскіе классики: Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, А. Толстой, Островскій. Кіевъ. 1915. Изд. 2-е доп. И. И. Самоненко. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8°. (16×24). 94 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Повѣсти о гордомъ царѣ. Московскіе высшіе женскіе курсы. Семи-

нарій по древне-русской литературѣ. Вып. 8. Сергіевъ Посадъ. 1915. Тип. И. Иванова. 8° (17 × 24). 10 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Повѣсти о св. Меркуріи Смоленскомъ. Московскіе высшіе женскіе курсы. Семинарій, по древне-русской литературѣ. Вып. I. Сергіевъ Посадъ. 1915. Тип. И. Иванова. 8° (17 × 24). 9 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Покровскій, С. П. Демидовскій лицей въ гор. Ярославлѣ въ его прошломъ и настоящемъ. Ярославль. 1914. Изд. П. А. Демидова. Тип. Губернскаго правленія 4° (27 × 36). VIII+264+XV+стр. съ рис. 18 лист. рис. Вѣсъ 5 ф. 8 л. 600 экз.

Порошенковъ, М. А. Справочникъ Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Арзамасъ. 1915. Тип. Порошенкова. 16° (12 × 19). 39 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Книга XVI. Владиміръ на Клязьмѣ. 1915. Тип. Губ. Правленія. 8° (18 × 27). 11 + 60 + 40 + + 14 + 48 + 112 + 16 + 72 + 34 + 161 + 240 стр. + 21 табл. Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 17 л. 500 экз.

Фридрихъ, Николай. Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа до войны 1914 года. М. 1915. Тип. А. И. Мамонтова (Филипповскій пер., 11). 8° (13 × 21). 53 стр. + 1 карта. Вѣсъ 4 л. 400 экз.

Хейсинъ, М. Л. 50 лѣтъ потребительской коопераціи въ Россіи. Историческій очеркъ и современное состояніе. ПГ. 1915. Изд. отдѣл. ком. о сельск.-сбер. и промышл. т-ва Тип. Л. Я. Ганзбурга (Мытнинская ул., 11). 8° (14 × 21). 55 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Чудеса новгородскаго архіепископа Іоны. Московскіе Высшіе Женскіе Курсы. Семинарій по древне-русской литературѣ. Вып. 6. Сергіевъ Посадъ. 1915. Тип. И. Иванова. 8° (17 × 24). 7 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Щепотьевъ, В. Народныя пѣсни, записанныя въ Полтавской губерніи. (Съ нотами). Полтава. 1915. Изд. Полтавской Губерн. Архивной Комиссіи. Тип. Т-ва Печатнаго Дѣла. 8° (17 × 26). 82+26 нен. стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 8 л. 600 экз.

Яницкій, Н. Экономическій кризисъ въ Новгородской области. XVI вѣка. Сборники студенческаго историко-этнографическаго кружка при Имп. университетѣ Св. Владиміра подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. IV). Кіевъ. 1915. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 4). 8° (18 × 26). VIII + 131 + 285 стр. съ 18 табл. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 309 экз.

Алексѣевъ, В. Земскіе соборы древней Руси. М. 1915. Изд. 3-е, к-ва Школа (Спиридоновка, 14). Тип. Вильде (Брестскій пер., 2). 8° (14 × 21). 60 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Атласъ Гочевскихъ древностей. Приложеніе къ дневнику раскопокъ въ окрестностяхъ с. Гочева, Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи, произведеннымъ проф. Д. Я. Самоквасовымъ въ августѣ 1909 года. Курская Губернская Архивная комиссія. М. 1915. Тип. Синодальная. 4° (26 × 35) LVI табл. рис. Вѣсъ 2 ф. 30 л. 475 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 г.

НА СТАРѢЙШІЙ ИЗЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ".

52-й годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 5 до 12 печатныхъ листовъ.

Въ неофиціальной части **1914** года были, между прочимъ, помѣщены статьи: **И. С. Дрентельнъ.** Изъ бесѣдъ съ учащимися и ученическіе вопросы. **В. Л. Розенбергъ.** О динамическомъ измѣреніи силъ и принципѣ равенства дѣйствія и противодѣйствія. **Н. Каменьщиковъ.** Астрономическія задачи изъ литературныхъ произведеній. **Евгеній Лозинскій.** Воспитаніе въ борьбѣ съ вырожденіемъ. **К. Евсѣевъ.** Вопросъ о литературныхъ бесѣдахъ въ русской педагогической литературѣ. **К. М. Лѣпиловъ.** Педагогическое рисованіе. **В. Волынцевичъ.** Новости иностранной педагогической литературы. **А. В. Полторацкій.** Международный конгрессъ по физическому воспитанію въ Даніи въ 1911 году. **А. Щепинскій.** Кинематографъ со школьной точки зрѣнія.

Въ неофиціальной части **1915** года были, между прочимъ, помѣщены статьи: **Н. С. Бранловскій** Старое и новое въ методикѣ сочиненій по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. **Алексѣй Флеровъ.** Замѣтки личнаго опыта. **В. Селиновъ.** Современные вопросы „теоріи историческаго званія" въ связи съ задачами методики исторіи и состояніемъ нашей учебной исторической литературы. **М. Г. Попруженко.** Темы по математикѣ. **И. И. Полянскій.** Историко-критическій обзоръ основныхъ моментовъ методики начальнаго естествовѣдѣнія. **В. П. Будановъ.** Школьные географическіе кабинеты и ихъ оборудованіе. **А. Д. Бутовскій.** Воспитаніе и тѣлесные упражненія въ англійскихъ школахъ. **Н. С. Дрентельнъ.** Въ дебряхъ нашей популярно-научной литературы. **Э. Кревинъ.** Руссо-источникъ новѣйшихъ теченій въ нѣмецкой педагогикѣ. **И. С. Симоновъ.** Записки К. Д. Кавелина о преподаваніи „законовѣдѣнія" въ русскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. **Борисъ Флейшеръ** О желательности нѣкоторыхъ мѣропріятій въ интересахъ большаго развитія самодѣятельности нашихъ кадетъ. Статьи, замѣтки и рецензіи: **Ал. Ник. Острогорскаго, П. Ф. Каптерева, Ап. Ник. Макарова, А. Постникова, М. Гр. Попруженко, Н. С. Дрентельна, А. С. Рождествина, В. Л. Розенберга, П. И. Полянскаго, М. В. Соболева, Н. Н. Бахтина, К. Лѣпилова, В. П. Буданова, С. Бернштейна, Н. Саввина, А. Налимова, А. П. Флерова, М. Д. Приселкова, С. А. Переселенкова, Н. П. Покотило, Евг. Лозинскаго, К. Житомірскаго, Вл. Шидловскаго, Е. Е. Семашкевича, Н. К. Михайловскаго, Б. Флейшера, А. С. Азарьева, С. Траилова,** и др. Въ **приложеніи** къ журналу печатается **„Краткій отчетъ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній"** за очередный годъ, включающій работы отдѣловъ: 1) **Русскаго языка,** 2) **Математикѣ,** 3) **Физики, механики и космографіи,** 4) **Естествовѣдѣнія,** 5) **Географіи,** 6) **Графическихъ искусствъ** и 7) **Иностранныхъ языковъ** (разборъ учебныхъ программъ, пособій и книгъ, обмѣнъ мнѣній преподавателей-практиковъ. и ученыхъ-спеціалистовъ) вообще по всѣмъ вопросамъ преподаванія въ средней школѣ.

Подписная цѣна съ доставкой **5** р. Иногородніе адресуютъ въ редакцію: *Петроградъ, Тучковъ пер., д. 11, кв. 11.*

Редакторъ **И. С. Симоновъ.**

Въ 1916 году—15-й годъ изданія

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВО и ЖИЗНЬ

выходитъ 1 разъ въ мѣсяцъ за исключеніемъ Іюня и Іюля.

Каждый номеръ будетъ содержать не менѣе двухъ печатныхъ листовъ, со многими иллюстраціями въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ, и подраздѣляться на слѣдующіе отдѣлы:

I. **Искусство.** Иллюстрированныя статьи по вопросамъ живописи, скульптуры и архитектуры; театральное искусство; графика и печатное дѣло; сатира и каррикатура.

II. **Художественная промышленность** въ Россіи и за границей, современная и древняя. Образцы художественныхъ работъ по разнымъ ремесламъ.

III. **Конкурсы** на составленіе рисунковъ для разныхъ отраслей художественной промышленности.

IV. **Художественное и эстетическое образованіе** и воспитаніе семьи, школы и общества, статьи по текущимъ педагогическимъ вопросамъ общеобразовательной и профессіональной школы, руководства, пособія, модели, программы по рисованію, черченію, лѣпкѣ и пр., курсы для учителей и учащихся, театръ для дѣтей и т. д.

V. **Ручной трудъ** и занятія, содѣйствующія развитію образнаго мышленія и творчества, работы изъ бумаги, картона, дерева, металловъ и другихъ матеріаловъ; пособія, руководства, программы и т. д.

VI. **Лѣтопись** художественной и педагогической жизни въ Россіи и за границей; обзоры и сообщенія о русскихъ и иностранныхъ художественныхъ и промышленныхъ выставкахъ, музеяхъ, конкурсахъ, дѣятельности законодательныхъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, съѣздовъ, комиссій и т. д.; некрологи; библіографія.

VII. **Со всего свѣта.** Сообщенія о выдающихся событіяхъ изъ общественной и художественной жизни въ замѣткахъ и иллюстраціяхъ.

VIII. **Безплатныя приложенія** на отдѣльныхъ листахъ и въ брошюрахъ художественнаго, художественно-промышленнаго и педагогическаго содержанія не менѣе двухъ въ каждомъ номерѣ. Картины, рисунки и чертежи, въ томъ числѣ одно изъ приложеній въ краскахъ. **Не менѣе 30 безплатныхъ приложеній въ годъ.**

IX. **Почтовый ящикъ,** отвѣты на запросы читателей.

X. **Объявленія.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкою и доставкою 5 руб. въ годъ, на 6 мѣсяцевъ 3 руб.
Отдѣльно №№ по 60 коп.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, но не позднѣе 1-го февраля, вносится 2 рубля, остальные 3 рубля ежемѣсячными взносами не менѣе одного рубля каждый.

Для учащихся въ народныхъ и низшихъ школахъ—3 р. 50 к. за годъ при подпискѣ черезъ земство или непосредственно въ конторѣ журнала.

Подписка принимается въ конторѣ **Художественно-Педагогическаго Журнала,** Петроградъ, Саперный пер., 6.

1—2 **Редакторъ-издатель А. В. Смирновъ.**

Принимается подписка

на

ИЗВѢСТІЯ

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

(пятый годъ изданія).

Въ 1916 г. журналъ будетъ выходить каждые два мѣсяца, книгами около 15 листовъ.

Въ программу **„Извѣстій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“** входятъ: международные договоры, заключенные Россіей; русское законодательство; международные договоры иностранныхъ государствъ; дипломатическая переписка; административная и судебная практика; консульскія донесенія; статьи, замѣтки и матеріалы по вопросамъ международнаго права, исторіи международныхъ сношеній и по внѣшней торговой политикѣ; библіографія.

Подписная цѣна — **6** руб. въ годъ, за границу — **7** руб. **50** коп.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ — книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (Мелье и К°) — Невскій 20, Петроградъ.

Редакція **„Извѣстій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“** помѣщается въ Петроградѣ, Дворцовая пл., 6, зданіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

(1—2). Редакторъ *бар. Б. Э. Нольде.*

Открыта подписка на **1916** г. на литературный, популярно-научный энциклопедический журн.

„Вѣстникъ Знанія"

выходящій подъ общею редакціею В. В. БИТНЕРА, при участіи Редакц. Комитета изъ ученыхъ спеціалистовъ редактирующихъ всѣ отдѣлы „Вѣстника Знанія", который стремится быть ЗЕРКАЛОМЪ МІРОВОЙ МЫСЛИ. Въ **1916** г., желая сдѣлать журн. доступн. болѣе широк. слоямъ интеллигенціи, редакція расширяетъ „В. Зн." и **ПОНИЗИЛА** подписную цѣну: **7** въ г. руб.; **3.50** ½ г коп.; **1.74** ¼ г. коп.; **58** 1 мѣс. коп.

14-й годъ изд.

Годовые подписчики получатъ: **12** кн. ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ" **52** №№ общественно полит. и лит. еженедѣльника

Недѣля

освѣщ. какъ военныя, такъ и политическія событія. Это единственный органъ, гдѣ и читатели высказываются по разн. вопр. (Въ отдѣльн. подп. „Недѣля" съ 52 беллетрист. прилож. 3 р. въ г.)

52 беллетристическихъ **вып.** прилож.

Отдѣлы „Вѣстн. Знанія": Соціальныхъ наукъ, Естествознанія, Истор.-Географ., Литературн. и Худож. критики, Народн. Образ. и Самообразованія, Языкозн., Приклади. наукъ (медиц., техн., воен. дѣло, сельск. хоз.), Филос. и Псих. (съ психофизик. и научн. изуч. оккультизма), Научн. и Литерат. Обозрѣн., Теор. и практ. КООПЕРАЦІИ, Нов. Изобрѣт. ПОПУЛЯРНЫЙ отдѣлъ настолько широкій, что на него, какъ на особ. журн. (2-е изд. „Вѣстн. Зн.", вмѣстѣ съ „Недѣлей" ц. въ годъ 4 р.) принимается и отдѣльная подписка.

Съ 1916 г. вводятся два новыхъ отдѣла:

ЖЕНСКІЙ, посвящ. духовн. запрос. серьезн. читательницъ. Къ участію въ этомъ отд. приглаш. выдающ. дѣятельницы женской самодѣятельн., врачи, педагоги. Въ практич. части: „Письма къ матерямъ", „Совѣты хозяйк.", „Домашн. медиц. и гигіена" и пр. Въ ДѢТСКОМЪ подотдѣлѣ – здоровое чтеніе дѣтямъ.

Познаніе Россіи, Природн. богатства Россіи; свѣдѣнія о техническ., промышл. и научн. примѣн.; источники нов. доходовъ; мѣры къ подъему экономич. благополучія; обозрѣнія, способств. ВЗАИМН. ОЗНАКОМЛЕНІЮ НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ, и освѣщенію НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ВОПРОСОВЪ. Сотрудничаютъ въ этомъ отдѣлѣ: спеціалисты и ученыя учрежденія, общества и мѣстныя общественн. организаціи.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ абон. 4 стѣнныхъ картины въ краск. оригинал: 1) **МАДОННА, РАФАЭЛЯ** } Сикстинскіе. и **2 картины** 2) **АНГЕЛОЧКИ, РАФАЭЛЯ** }

Каждый подписч. за доплату **4.50** к. съ перес. получаетъ (содержаніе которыхъ опредѣл. о просомъ самихъ подписч.). Любая изъ этихъ 4 карт. м. б., по желанію замѣнена картиною **И. Е. РѢПИНА „17 ОКТЯБРЯ"** (отдѣльно ц. для подп. 1 р. 25 к.). Картины буд. выходить по одной каждую четверть года. Кромѣ того кажд. подписч. за особую доплату можетъ **немедленно, не ожидая конца года** получить уже отпечатанн., книги, входящія въ избранн. имъ абонем., или отдѣльн. сочин. изъ каталога за ¼ цѣны (до 75% скидки), кот. тотчасъ по получ. денегъ высыл. почтою или по ж. д. Рекоменд. подписыв. заранѣе, во избѣж. задерж. отъ скопл. требованій.

I. ЖЕНСКІЙ аб., 25 кн.: Александровичъ, Новая Педагогика (сист. Монтесори, Пабстъ, Практ. Воспит., Пробл. Восп. (собр. ст. о ребенкѣ), Циглеръ, Общая Педагогика; Легкое чтеніе съ дѣтьми — Дѣтскій Альманахъ, Эвальдъ, Сказки природы, Амичисъ, Отцы и Дѣти, Дефо, Робинзонъ Крузо; Катцъ, Здоровье труж., Рамеръ, Физіологія; Леббокъ, Самовоспитаніе и умѣніе жить, Оуэнъ, Образов. Характера, Л. Браунъ, Охрана материнства, Форель, Половой Вопросъ, Половая Этика, Бебель, Женщина и соціализмъ, Ломброзо, Женщина, Бразоленко, Русская женщина. Эти книги стоящ. 14 руб., 80 коп., по подпискѣ—5 руб.

II. Біографическій абон.: Великіе Люди, въ 6 т. съ 850 портр., рис., 100 отдѣльн. цвѣтн. картинъ Ж. Ж. Руссо „ИСПОВѢДЬ" въ 4 вып., съ рисунк., вмѣсто 14 руб.—5 руб.

III. Юридическій абон.: Сводъ Законовъ, въ 28 вып. Прис. пов. Брюнелли, „Права русскаго гражданина" съ формами прошен. и пр. и алф. къ Св. Зак., вм. 14 руб.—5 руб.

IV. Настольная Энциклопедія, въ 3 том. 45,000 словъ, 3,000 рисунк., 127 табл. картъ и проч., вмѣсто 10 руб.—4 руб.

V. Сочиненія Дарвина въ 6 том. 500 рис. портрет. и отд. карт., вм. 7 руб. 50 коп.—3 руб. 50 коп.

VI. Книга природы, въ 16 вып., 685 рис., 50 хромот. карт., вм. 12 руб.—4 руб., перес. 60 коп. и 1 руб.

VII. Эволюція Міра, Каруса Штерне, 1150 рис., 90 хром., картинъ, въ 16 выпуск., вмѣсто 10 руб.—3 руб. 50 к., перес. 60 к., 1 р. и 1 р. 10 к.

VIII. Ист. Міров. Литер., въ 16 вып. 285 рис., 50 хром. карт., вмѣсто 8 р.—3 р., пер. 60 к. и 85 к.

IX. Исторія Религій, 16 в. съ 460 рис., 50 хром. карт., вм. 7 р. 50 к.—3 р. 50 к., пер. 60 к. и 85 к.

X. Беллетристическій абон., 23 кн.: Бельмонтъ. Дѣло при закрытыхъ дверяхъ, Бичеръ-Стоу, Дрэдъ, ром., Собр. соч. Лопе-де-Вега въ 3 ч., 5 литер. альм. (Бельмонтъ, Верхоустинскій, С. Городецкій, Г. Д'Анунціо, Дм. Цензоръ, Вавулинъ, М. Твэнъ, В. Лебедевъ, А. Семеновъ, Ю. Ахо, Шоломъ Алейхенъ и др.). Соч. Вольтера, въ 3 част., Латыш. лит. альм., Кавказск. лит. альм., Посм. соч. Л. Н. Толстого; Гете, Фаустъ; Шекспиръ, Гамлетъ; Лермонтовъ, Герой нашего времени; Французъ, Борьба за право; Наживинъ, ром. Мене... текелъ... фаресъ... вмѣсто 16 р. 50 к.—4 р. 50 к.

XI. Народный Университетъ, 31 кн.: Популярн. лекціи, съ 275 раскраш. картинами и для волш. фон., вмѣсто 21 р. 40 к.—4 р. 50 к.

XII. Практич. Энциклопедія, въ 3 т.: ремесла, с. хоз., дом., мед., юридич. практ. и пр. съ рис., вм. 5 р.—2 р., пер. 60 к., 1 р. 5 к. и 1 р. 40 к.

XIII. Всемірная исторія, въ 2 том.: Исторія Востока, Ист. эпохи Вел. Революціи и Имп. Наполеона, 370 рисунк., 60 хромол. карт. и пр., вмѣсто 7 р.—3 р., пер. 60 к. и 70 к.

XIV. Географическій, въ 2 том.: Географія, 530 рис., 51 хромол. карт., картъ и проч., вмѣсто 7 р.—3 р., перес. 60 к. и 85 к.

XV. Философія Греціи и Рима, Брашъ, 275 рис. 40 хром. к., вм. 3 р. 50 к.—1 р. 85 к. съ пер.

XVI. Соціально-политич. абон.: Въ 3 т.: Основы соц. политики В.-д.-Боргта, и Полит. писатели, 225 рис. 60 хромолит. карт. и пр., вм. 6 р.—2 р. 50 к., перес. 60 к. и 80 к.

Условія подписки: Пересылка каждаго изъ аб.: I, II, III, IV, V, X, XI—въ 1 поясѣ 80 к., во 2-мъ—1 р. 45 к., въ 3-мъ—2 р. 5 к. Гдѣ указ. двѣ цѣны за перес., перв. относ. къ 1 почт. пос., вторая для 2 и 3 п. зак. банд. Желающіе получить книги сразу вносятъ всю подписн. плату за журналъ и стоимость выбраннаго абонемента вмѣстѣ съ перес. Разсрочка, отъ 3 р. 50 к., допуск. только на журн. съ ХУДОЖЕСТВЕННЫМЪ абон. На пересылку подробн. проспекта и иллюстр. каталога прилаг. 4-коп. марку.

Главная Контора редакціи „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ" и „НЕДѢЛИ": Петроградъ, Невскій просп., 100.

Редакторы отдѣловъ и главн. сотр.: акад. В. М. Бехтеревъ, В. В. Битнеръ, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, проф. В. А. Вагнеръ, проф. К. Ѳ. Волковъ, ж.-вр. М. М. Волкова, пр.-доц. А. Г. Генкель, В. Г. Голиковъ, проф. С. О. Грузенбергъ, пр.-доц. О. А. Добіашъ-Рождественская, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Н. П. Евстифѣевъ, проф. К. Ѳ. Жаковъ, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, проф. А. А. Исаевъ, пр.-доц. Н. Кабановъ, проф. П. Ф. Каптеревъ, проф. Н. И. Каракашъ, арт. имп. т. М. Н. Каракашъ, проф. М. М. Ковалевскій, проф. А. А. Кулябко, Е. Е. Лазаревъ, В. Лебедевъ, проф. В. Лебединскій, Петръ П. Масловъ, Ник. А. Морозовъ, проф. А. Н. Орловъ, акад. И. П. Павловъ, проф. Петражицкій, Я. В. Прохоровъ, Н. А. Рубакинъ, инж. В. Рюминъ, проф. Ир. Скворцовъ, проф. А. Г. Тимофеевъ, пр.-доц. В. Ѳ. Тотоміанцъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, д-ръ В. А. Цедербаумъ, д-ръ зоол. С. Чахотинъ, пр.-доц. Б. П. Шаскольскій, пр.-доц. Г. Г. Шваттау и др.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
К. Ф. НЕКРАСОВА.

МОСКВА. Цвѣтной бульв., 12, телеф. 3.38-45. ПЕТРОГРАДЪ. Суворовскій пр. 29, кв. 25.

Борисъ Зайцевъ. Дальній край. Романъ. Ц. 1 р. 50 к. (аресъ снятъ).

Борисъ Зайцевъ. Разсказы. Книга четвертая. Ц. 1 р. 50 к.

Стендаль. Красное и черное. Хроника 1830 года. Перев. Анастасіи Чеботаревской. Цѣна за 2 тома 2 р. 50 к.

Новалисъ. Гейнрихъ фонъ-Офтердингенъ. Перев. съ нѣм. Зин. Венгеровой и Вас. Гиппіуса (стихи). Вступительная статья Зин. Венгеровой.

Главное, хотя незаконченное, произведеніе одного изъ отцовъ романтизма, до сихъ поръ знакомо русскому читателю по бѣглымъ пересказамъ, а больше по литературному преданію о «голубомъ цвѣткѣ», впервые появляется въ полномъ переводѣ. Въ этой символической сказкѣ мы находимъ все, чѣмъ была такъ богата и прекрасна старая, романтическая, «туманная» Германія: «вольнолюбивыя мечты, духъ пылкій и довольно странный, всегда восторженную рѣчь»... «Новалисъ—ключъ къ уразумѣнію нѣмецкаго романтизма», сказалъ одинъ французскій ученый. И русскаго, и вообще европейскаго, прибавимъ мы. До сихъ поръ мы питаемся наслѣдіемъ этой эпохи, и еще далеко не реализованы заложенные въ немъ поэтическіе и научные зачатки.

Быть можетъ, всѣхъ дальше отъ Новалиса, отъ «пути внутренняго созерцанія», отошла его родина. Такъ странно, такъ томительно-жутко читать эту книгу, полную нравственной строгости и красоты теперь!

Рѣчь 3 ноября 1914 г. **Н. Л.**

Бенжаменъ Констанъ. „Адольфъ". Повѣсть. Перев. съ франц. Е. Андреевой, съ прилож. двухъ главъ изъ книги Э. Фагэ: „Политики и моралисты XIX в.". Цѣна 1 руб.

Русской литературѣ знаменитый романъ Констана рекомендовалъ самъ Пушкинъ: «Адольфъ» принадлежитъ къ числу двухъ или трехъ романовъ, «въ которыхъ отразился вѣкъ, и современный человѣкъ изображенъ довольно вѣрно съ его безнравственной душой, себялюбивой и сухой, мечтаньямъ преданной безмѣрно, съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ». А переводчикъ «Адольфа», кн. П. А. Вяземскій, посвящая свою работу (изд. 1831 г.) Пушкину, писалъ ему: «прими переводъ любимаго нашего романа». Адольфъ отразился въ Онѣгинѣ, сильно повліялъ на Печорина; безъ «Адольфа» не можетъ быть полонъ генезисъ обоихъ этихъ русскихъ героевъ.

Съ 1816 г. (первый русскій переводъ появился въ 1818 г.) «Адольфъ» былъ популяренъ въ Россіи; еще въ 40-хъ годахъ А. О. Смирнова совѣтовала юному И. С. Аксакову читать этотъ романъ и хвалила его «превыше небесъ». Пока живо было въ Россіи—съ обычнымъ противъ Запада опозданіемъ—поколѣніе, носителемъ недуговъ котораго былъ Адольфъ, пока длился кризисъ, романъ представлялъ интересъ животрепещущій до злободневности, рядомъ съ «Онѣгинымъ», рядомъ съ «Героемъ нашего времени», и съ ними же остается онъ въ русской литературной исторіи, какъ памятникъ и неисключимое звено литературно-психологической цѣпи. Въ этомъ его главное значеніе для насъ.

„Рѣчь" 12 янв. 1915 г. **Н. Лернеръ.**

Полный каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

Выписывающіе непосредственно изъ склада на сумму отъ 3 р. за перес. не платятъ.

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ТАКЖЕ СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖОМЪ.

Складъ высылаетъ также и всѣ другія книги, вышедшія въ Россіи.

„Вѣстникъ книгоизд. К. Ф. Некрасова". Высылается по требованію безплатно, и пересылку просятъ присылать 25 коп. почтовыми марками.

(1—3).

XI-й годъ изданія **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1916 годъ.

на

ежедневную, прогрессивную, политическую, общественную и литературную газету:

„ПОВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Въ газетѣ принимаютъ участіе: **К. Балинъ, А. Высоцкій, Н. Ермолова, Н. Коробовъ, А. Луначарскій, Ин. Ракитникова, В. Сухомлинъ** и мѣстные общественные дѣятели.

Газета выходитъ въ г. КОСТРОМѢ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой, на годъ 7 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р. 20 к. и на 1 мѣс.—80 к. За перемѣну адреса 20 к.

Адресъ конторы и редакціи:

г. КОСТРОМА, „ПОВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Редакторъ—*С. В. Лбовскій.* Издатели—*Бр. С.* и *В. Лбовскіе.*

(1—2).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.

на газету

„ВОЛОГОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. ВОЛОГДѢ СЪ 1909 ГОДА.

Всестороннее освѣщеніе мѣстной и областной жизни въ статьяхъ, хроникѣ, фельетонахъ и т. д.

Во всѣхъ городахъ Вологодской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ собственные корреспонденты.

Иллюстраціи къ событіямъ міровой войны.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на 1 годъ—4 р. 20 к.; на ½ года—2 р. 10 к.; на 3 мѣсяца—1 р. 5 к.; на 1 мѣсяцъ 35 к.

Плата за объявленія отъ строки петита въ одну колонку за одинъ разъ: впереди текста—20 к., послѣ текста—10 к., среди текста—30 к.

Редакція и Контора газеты: Вологда, уг. Б.-Дворянской и Пятницкой ул., домъ Галкиныхъ.

Редакторъ-издатель *А. А. Галкинъ.*

Пробный номеръ высылается по требованію безплатно.

(1—3).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ

на газету

„КАЗАНСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

Газета Политическая, Общественная, Литературная и Коммерческая.

Годъ изданія XXIII-ій

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

(за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ).

Подписная цѣна для иногороднихъ:

на годъ	9	руб.	— коп.
„ полгода	4	„	50 „
„ 3 мѣсяца	2	„	25 „
„ 1 мѣсяцъ	—	„	75 „

Тарифъ на объявленія:

60 к. строка петита на 1-й стр. и 30 к. на послѣдней страницѣ.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

въ главной конторѣ газеты въ Казани—М. Лядская ул., д. Зайцева.

Редакторъ *Н. А. Ильяшенко.*

Издательница *А. Г. Ильяшенко.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КАВКАЗСКОЕ СЛОВО"

Адресъ редакціи и конторы: Тифлисъ, Барятинская 6.

Подписная цѣна на газету:	для город. подписчиковъ	для иногородныхъ
на 1 годъ	8 р. — к.	9 р. 50 к.
на 6 мѣс.	5 „ — „	5 р. 50 к.
на 3 мѣс.	2 „ 80 „	3 р. 75 к.
на 1 мѣс.	1 „ — „	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка подписной платы лишь для городскихъ подписчиковъ, при условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты.

Пользующіеся разсрочкой уплачиваютъ: городскіе подписчики—при подпискѣ—3 р., къ 1 марта 3 р. и къ 1 мая—2 р.; иногородніе—при подпискѣ—4 р. 50 коп., къ 1 марта—3 р. и къ 1 мая—2 р.

Сельскимъ учителямъ, сельскимъ священникамъ, рабочимъ, мастеровымъ и фельдшерамъ предоставляется скидка въ 10% съ подписной платы.

Книжнымъ магазинамъ и кіоскамъ, принимающимъ подписку—5% скидки.

Годовые подписчики, подписывающіеся въ декабрѣ текущаго года и внесшіе полностью годовую плату за 1916 г., получаютъ газету съ со дня подписки.

Плата за объявленія за строку петита: для мѣстныхъ объявленій—до текста—14 коп., послѣ текста—7 коп., для иногородныхъ объявленій—30 коп. и 15 коп. За многократныя объявленіе скидка.

За перемѣну адреса 40 коп.

Редакторъ: Ю. Ф. Семеновъ.

Издатель: Тифлисское Т-во Печатнаго Дѣла.

Годъ изданія 51-й.

„АСТРАХАНСІКЙ ЛИСТОКЪ“

Ежедневное иллюстрированное изданіе.

„Астраханскій Листокъ“ будетъ выходить въ 1916 г. подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

„Астраханскій Листокъ“

газета прогрессивнаго направленія, независимая отъ какихъ-либо партій или кружковъ.

„Астраханскій Листокъ“

по примѣру западно-европейскихъ изданій систематически иллюстрируетъ газетный текстъ рисунками, портретами, чертежами и проч., для чего съ 1912 г. оборудована собственная фото-цинкографія, обставленная новѣйшими приспособленіями.

„Астраханскій Листокъ“

выходитъ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ и расходится въ двойномъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ всѣ остальныя мѣстныя газеты, взятыя вмѣстѣ.

Объявленія принимаются непосредственно Главною Конторою (Астрахань, Мало-Демидовская, собств. домъ).

Подписная цѣна съ пересылкой:

1 годъ — 9 руб. 50 коп., ½ года—4 руб. 75 коп., 3 мѣсяца—2 руб. 50 коп., 1 мѣсяцъ—1 руб. 25 коп.

(1—3). Редакторъ-Издатель **В. И. Склабинскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ.

НА ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ КРАСНАГО КРЕСТА“,

издаваемый

Главнымъ Управленіемъ Россійскаго Общества Краснаго Креста,
состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ

Ея Величества Государыни Императрицы

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Журналъ имѣетъ своею главною задачею предоставить всѣмъ интересующимся дѣятельностью Краснаго Креста возможность быть освѣдомленными о той широкой помощи, которую оказываетъ Красный Крестъ въ общественныхъ бѣдствіяхъ, какъ-то: война, голодъ, наводненія, пожары и проч. Кромѣ свѣдѣній о текущей дѣятельности Россійскаго Общества Краснаго Креста, журналъ содержитъ разработку медицинскихъ, гигіеническихъ, техническихъ и др. вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣятельности Краснаго Креста, и знакомитъ читателей съ положеніемъ дѣла Краснаго Креста въ иностранныхъ государствахъ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ ознакомленія публики съ дѣломъ Краснаго Креста Главное Управленіе Общества издаетъ „Иллюстрированный Календарь Краснаго Креста“, являющійся безплатной преміей къ журналу. Календарь этотъ можетъ служить каждому настольной справочной книгой въ виду разнообразія и полноты помѣщенныхъ въ немъ свѣдѣній. Календарь на 1916 г. иллюстрированъ портретами Высочайшихъ Особъ и фотографическими снимками. Помимо обширныхъ календарныхъ свѣдѣній общаго характера, въ „Календарѣ“ даются также періодическіе обзоры дѣятельности Краснаго Креста.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ *іюля* и *августа*, книгами около 9—12 печатныхъ листовъ.

Подписная плата—**три рубля** въ годъ съ доставкой и пересылкой; за границу—**шесть рублей.**

Подписка на журналъ принимается въ Главномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста (Петроградъ, Инженерная, 9), во всѣхъ окружныхъ и мѣстныхъ управленіяхъ и комитетахъ Общества, а также въ главныхъ книжныхъ магазинахъ. (1—3).

12 КНИГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1916 годъ.
(4-й годъ изданія)

7 руб. ВЪ ГОДЪ.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“,

издаваемый въ Петроградѣ.

Въ 1916 году журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ въ отдѣлахъ художественной литературы (беллетристика, стихи), литературной критики, искусства, театра, науки, философіи, религіи, политики, народнаго хозяйства.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ:

Н. Д. Авксентьевъ, Анна Ахматова, Н. М. Ахумовъ, Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, П. И. Бирюковъ, І. М. Бикерманъ, Н. Бромлей, Н. Брюлова-Шаскольская, І. М. Брюсова, А. Є. Бѣлоруссовъ, С. И. Бондаревъ, Н. Я. Быховскій, М. А. Брагинскій, Л. М. Брамсонъ, И. К. Брусиловскій, Ив. Бунинъ, В. В. Водовозовъ, Иванъ Вольный, Зин. Венгерова, Б. Вороновъ, А. А. Гвоздевъ, А. Герцыкъ, С. І. Гессенъ, А. Г. Горнфельдъ, Любовь Гуревичъ, Н. Л. Геккеръ, Н. С. Гумилевъ, П. К. Губеръ, А. Я. Гуревичъ, В. Я. Гуревичъ, Ю. Делевскій, чл. Гос. Думы В. И. Дзюбинскій, Сер. Есенинъ, В. М. Жирмунскій, Борисъ Зайцевъ, Д. О. Заславскій, А. Заблудовскій, С. Ф. Знаменскій, С. А. Золотаревъ, И. И. Игнатовичъ, Дм. Илимскій, В. Г. Каратыгинъ, Ф. Ф. Карлинскій, Ив. Касаткинъ, В. Керженцевъ, А. А. Кипенъ, Н. Н. Киселевъ, Д. М. Койгенъ, Леон. Каннегисеръ, членъ Гос. Думы А. Ѳ. Керенскій, Е. Колосовъ, Н. Клюевъ, Н. И. Карѣевъ, Григорій Ландау, проф. И. И. Лапшинъ, О. Я. Ларинъ, Андр. Левинсонъ, Н. О. Лернеръ, К. А. Липскеровъ, М. Лурье, Н. Г. Машковцевъ, Н. А. Морозовъ, Н. С. Недоброво, П. А. Нилусъ, А. С. Новиковъ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Н. П. Огановскій, С. Я. Парнокъ, Н. Н. Пунинъ, Мих. Павловичъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, О. Б. Румеръ, А. И. Рубинъ, Я. Л. Сакеръ. С. Н. Сергѣевъ-Ценскій, В. Б. Станкевичъ, Янъ Страуянъ, Е. Сталинскій, Ѳ. А. Степунъ, проф. Е. В. Тарле, М. Л. Толмачева, К. А. Треневъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, Я. А. Тугендхольдъ, П. Юшкевичъ, Л. Б. Хавкина, Мар. Цвѣтаева, М. С. Шагинянъ, Н. Л. Шапиръ, Ив. Шмелевъ, В. К. Шмидтъ, П. Ю. Шмидтъ,, Б. М. Эйхенбаумъ, Б. М. Энгельгардтъ, А. П. Чапыгинъ, Н. В. Чайковскій, С. И. Чацкина, Б. Н. Черненковъ, Викторъ Черновъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, Б. Яковенко и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ

съ пересылкой на годъ 7 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 м. 2 р. 25 к., за границу на г. 10 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ журнала: **Петроградъ, Загородный пр., 21.**

въ крупныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Книжные магазины за комиссію удерживаютъ 5%

Отдѣльные номера для ознакомленія высылаются по 60 к., наложеннымъ платежомъ 75 к.

1—2 Издательница С. И. Чацкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ

На большую еженедѣльную газету

„ВОЛЖСКІЙ ДЕНЬ“

издающуюся 3-й годъ въ г. Самарѣ.

„Волжскій День“ — безпартійный прогрессивный органъ ставящій себѣ задачей — обслуживать Самарскую губ., а также освѣщать жизнь и интересы смежныхъ съ нею Уфимской, Пензенской, Симбирской, Оренбургской губерній, г. Сызрани и Уральской области.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой.

На 1 годъ—**7** р., на ½ года **3** р. **50** к., на 3 мѣсяца—**1** р. **80** к., на 1 мѣсяцъ въ г. Самарѣ—**65** к., на 1 мѣсяцъ иногородн.—**70** к. Коллективная подписка служащ. въ казен. и обществен. учрежден. по **55** к. въ мѣсяцъ.

Допускается разсрочка подписной платы при непосредственномъ обращеніи въ главную контору газеты.

Объявленія за строку петита впереди текста—**30** коп., позади—**15** коп., среди текста—**60** коп., „Сторонніе сообщенія“—**50** коп. На мѣсячныя и годовыя объявленія скидка по соглашенію. Объявленія ищущихъ труда печатаются со значительной скидкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ главной конторѣ: **Самара, Дворянская ул., д. № 130**

Телефонъ 11—61.

Адресъ для телеграммъ: „САМАРА, ДЕНЬ“.

1—3 Издатель **С. А. Елачичъ.**

Открыта подписка на 1916 годъ.—3-й годъ изданія.

Большинство №№ за 1914 и 1915 г.г. распроданы, хотя выходили нѣсколькими изданіями.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

Журналъ отводитъ главное мѣсто свѣтской жизни въ Россіи, спорту, охотѣ, туризму, выставкамъ, театру, коллекціонерству, музыкѣ, искусству вообще, и особенно жизни русской усадьбы въ прошломъ и настоящемъ.

Двухнедѣльный роскошный журналъ, совершенно новаго въ Россіи типа, по образцу англійскихъ.

Редакція—Каменный остр. 31, соб. вилла.

Контора—Невскій, д. Зингера, контора 10.

Вслѣдствіе увеличенія цѣны на мѣловую бумагу съ 28 руб. до 105 руб. за стопу, подписная цѣна на журналъ, къ сожалѣнію, повышается на 2 руб. (только на время войны).

Годовая подписка—13.50 въ Петроградѣ и 14.50—вездѣ въ Россіи. Отд. № 85 коп. Для ознакомленія одинъ № высылается за 30 коп. марками.

Редакторъ **Вл. Крымовъ.**

интернаціональны. Утверждавшіе противоположное расписывались въ своемъ полномъ незнаніи какъ судебныхъ уставовъ, такъ и тѣхъ источниковъ, которые они считали списанными для нашего правосудія. Шумѣли они, гремѣли, а что же осталось послѣ нихъ? Одно только жалкое воспоминаніе о безличіи человѣческой злобы, которой не дано колебать того вѣчнаго, что именуется правдою". Отмѣчая одно изъ проявленій въ русскомъ прошломъ этихъ вѣчныхъ правовыхъ началъ, г. Щегловитовъ указываетъ на Посошкова, который за 140 лѣтъ до судебныхъ уставовъ требовалъ, чтобы была „сочинена правосудная книга съ подлинникомъ разсужденіемъ на всякія дѣла". Такая кн.—Судебные Уставы Александра II.

Извѣстія Вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. Выпускъ II. Вологда 1915 года. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 60 коп.

Сравнительно съ первымъ выпускомъ, содержаніе второго болѣе богато и разнообразно, что свидѣтельствуетъ о ростѣ Общества и развитіи его дѣятельности, направленной къ прекрасной цѣли всесторонняго изученія роднаго края. Каждая комиссія Вологодскаго Общества И. С. К. (историко-археологическая, промышленно-экономическая) доставила цѣнный матерьялъ для новаго выпуска.

Для историка интересны и этнографическія статьи, какъ напр. описаніе путешествія по деревнямъ Олонецкаго края или удачно подобранный матерьялъ въ статьѣ г. Полуянова: „частушка, какъ живой отзвукъ народной жизни" и въ особенности въ статьѣ Н. П-й: „Отраженіе войны въ Вологодскихъ частушкахъ". Это не только матерьялъ для будущаго историка, но и для современнаго, т. к. знакомство съ народомъ въ его настоящемъ, одно даетъ историку возможность вѣрно и жизненно понимать его въ прошломъ. Кромѣ такихъ работъ въ „Вологодскихъ извѣстіяхъ" имѣются и чисто историческія статьи, обладающія немалымъ интересомъ. Любопытенъ такой отголосокъ старины, какъ записки неизвѣстнаго должностного лица о пребываніи въ Вологдѣ Императора Александра I въ октябрѣ 1824 года. Этотъ документъ изданъ г. Евдокимовымъ въ статьѣ: „Старый бытъ" стр. 2—11; очень цѣнной является другая статья г. Евдокимова: „Старинныя красноборскія печи" стр. 129—131; здѣсь послѣ краткаго очерка исторіи кафельныхъ печей на Западѣ и въ Россіи, авторъ дастъ описаніе роспесныхъ кафельныхъ печей, сохранившихся отъ XVIII вѣка въ городкѣ Красноборскѣ Сольвычегодскаго уѣзда, а также въ одномъ крестьянскомъ домѣ того же уѣзда. Статья снабжена четырьмя недурными снимками на мѣловой бумагѣ. Нашъ сѣверъ такъ богатъ всевозможными свѣжими и оригинальными памятниками русскаго искусства, что опубликованіе какого-нибудь изъ нихъ слѣдуетъ всегда особенно привѣтствовать.

Немаловажныя данныя экономическаго и бытового характера историкъ найдетъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Изъ Вологодской старины", стр. 82—86 г. Трапезникова, использовавшаго статистическій отчетъ г. Вологды за 1836 г. и записки градского головы Витушенникова о „состояніи атмосферы" 1832—1841 гг. Послѣднія содержатъ въ себѣ замѣтки о разныхъ вообще примѣчательныхъ событіяхъ и очень оригинально и живо иллюстрируютъ современный имъ статистическій матерьялъ. Ясно вырисовывается обликъ захолустнаго города „Мертвыхъ душъ" и радуетъ мысль о томъ, какъ отличается отъ него современный городъ, какъ далеко ушелъ онъ впередъ менѣе чѣмъ за сто лѣтъ. Особенно за послѣдніе годы Вологда оживилась и быстро шагнула впередъ, поспѣвая за стремительнымъ движеніемъ всей страны. Еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ не было напримѣръ и рѣчи объ изданіи, подобномъ разсматриваемому. Родной Сѣверъ мало кого интересовалъ, и справедливъ былъ упрекъ Пушкина въ томъ, что „мы лѣнивы и нелюбопытны", упрекъ, повторенный редакціей извѣстій на первой же страницѣ этого выпуска. Честь и слава обществу, стремящемуся избавить насъ отъ такого упрека. Внимательное изученіе роднаго края ведетъ къ расцвѣту мѣстныхъ силъ, къ оживленію провинціи, а въ немъ залогъ роста величія и силы Россіи.

Н. Г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕСЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ДВѢНАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ **Петроградъ**, Фонтанка, 18 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 г.г. по **8** рублей; 1884, 1885, 1888, 1889 1890, и 1893 по 1911, 1913 и 1914 г.г. по **9** рублей, 1915 г.—**10** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул., 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. П. Усова. Лермонтовскій пр., 28.